

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

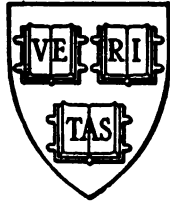
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav
685
3(1894,3)

P Slav-685.3 (1894, no. 3)

Harvard College Library

FROM

Amey Richmond Sheldon

Fund

ТРУДЪ

1894

3^я Книга

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

ТОМЪ XXI

ЯНВАРЬ — МАРТЬ

1894

Приложеніе къ журналу
„Всемирная Иллюстрація“

1894

4
P Slav 685.3 (1894, no. 3)

v

Sabo

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15-го февраля 1894 г.

Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій пр. № 53.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXI ТОМА

1) Беллетристика

	Стр.
Вѣхъ угомонила. Разсказъ С. Н. Терпигорева (Атавы)	1
Проводы. Разсказъ Е. Л. Маркова	137
Чья вина? Изъ житейскихъ драмъ И. Д. Ахшарумова .	473
Тайна. Провинціальная быль Ев. О. Уманецъ	583
Тетрадь ученицы. Съ предисловіемъ С. А. Андреевскаго .	555
Первая мужа. Комедія въ 3 д. В. Л. Величко	241
Северо Торелли. Драма въ 5 д. въ стихахъ Франсуа Коппе. Переводъ О. Н. Чюминой	44, 334
Елеопатра. Историческій романъ Георга Эберса, гл. I—V. Переводъ А. Н. Линдгренъ	182, 397, 642
За что? Разсказъ Энрико Кастельнуово. Съ итальян- скаго И. А. Гриневская	103
Поклонники безгрѣшной. Разсказъ Энрико Кастель- нуово. Съ итальянскаго И. А. Гриневская	614
Превращеніе вѣера. Разсказъ Г. Зудермана. Съ нѣмец- каго Ел. Гр. Бекетова	363
Miserere. Разсказъ Ж. Векмуера. Съ испанскаго М. В. Ватсонъ	373

2) Стихотворенія

Маюме. Крымское сказаніе А. М. Федорова	507
Успокоенье. Д. С. Мережковского	102
Жизнь за мгновенье. А. А. Коринфскаго	158
Лестницы черныхъ розъ, I—III. Его же	374
Дѣти вѣка. Его же	640
Зимней ночью. О. П. Павловой	180
Вѣтеръ повѣялъ томительнымъ вздохомъ. К. М. Фо- фанова	298
Спокойно блуждая по склонамъ. А. Э. Иванова (Классика)	386
Листы изъ альбомовъ, I—V. Н. П. Семенова	580
Цвѣты. П. А. Кускова	554
Морскія пѣсни. I—II. В. Р. Зотова	612

3) Науки, искусства, критика, библиография

- Духъ и тѣло. Зависимость физическаго самочувствія человека отъ его мыслей. А. А. Верса 81
- Кризисъ современной культуры. Очеркъ Д. А. Корочевского 160
- Современная Мексика. Изъ путевыхъ очерковъ П. Линдау. Переводъ Д. А. Корочевского 299, 522
- Педагогическія бесѣды. Домашняя наставница. Статья И. О. Фесенко 558
- Рецензія и критика. Забѣтка П. Н. Краснова 196
- Въ поискахъ идеала. Критическій этюдъ П. Н. Краснова. 387,
- Новый читатель и его пресса. Забѣтка А. В. Круглова. 685
- За границей. Новости науки, искусства, литературы и общественной жизни. Обзорѣнія М. А. Орлова . . 204, 443, 698
- Новыя книги: Brockhaus Konversations-Lexikon. Band I—VIII. Брокгаузъ. Энциклопедическій словарь. 14-е изд. I—VIII томы. Рец. К. Ф. (229). — Пассажира. Разсказъ Е. М. Станюковича. Рец. П. К—ва (230). — Вакфильдскій священникъ. О. Гольдсмита. Перев. Бекетовыхъ. Рец. П. К—ва (231). — Генриетта, разсказъ Ф. Коппе. Перев. съ французскаго. Рец. П. К—ва (465).
- Научныя новости: Свѣтящіяся сороконожки. — Скорость движенія мысли. — Инфлуенца и самоубійства. — Интересная премія. — Антисептические платки. — Человѣкъ какъ двигатель. — Проглоченная мышъ (№ 1). — Зрѣніе низшихъ животныхъ. — Издѣлія обезьянъ. — Состязаніе ходоковъ-вегетаріанцевъ со всеядными. — Электрическія угри. — Сопротивленіе микробовъ температурѣ и свѣту. — Температура межзвѣзднаго пространства (№ 2). — Настѣкома-пьяницы. — Дѣйствіе гіосціамина на человѣческой организмъ. — Сахаръ какъ производитель мускульной работы. — Эфирныя масла въ качествѣ антимикробныхъ средствъ. — Ядовитыя свойства горѣлыхъ животныхъ тканей. — Побѣленіе кожи у человека (№ 3).

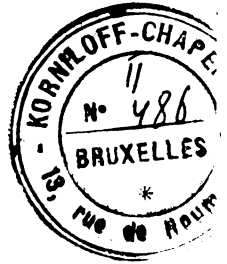

ЧЬЯ ВИНА?

Изъ житейскихъ драмъ

И. Д. Ахшарумова

I

Лѣтомъ у меня въ деревнѣ земной рай, такъ хорошо, что уѣзжать не хочется. Да и уѣзжаю я рѣдко, развѣ въ глухую пору, зимою, въ Петербургъ, гдѣ у меня много родныхъ и знакомыхъ.

Я одинокій вдовецъ; жена и дѣти умерли, и я остался одинъ на свѣтѣ доживать свой вѣкъ въ старой усадьбѣ, доставшейся мнѣ въ наслѣдіе отъ предковъ.

Въ полуверстѣ отъ меня и даже ближе живетъ сосѣдъ, отставной морякъ Чулковъ, съ которымъ мы большіе пріятели.

Виссаріонъ Павловичъ Чулковъ и супруга его Марья Кузьминишна оба люди уже немолодые и бездѣтныя. Долго они ждали дѣтей, но, не дождавшись, обратили всю привязанность и всю любовь, къ которой были способны, другъ на друга. Самъ Чулковъ, поплававъ въ своей жизни досыта по морямъ и океанамъ, кончилъ тѣмъ, что водворился на сухомъ пути, купилъ имѣннице и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, съ мундиромъ и полной пенсіей. Усадьбы наши были почти смежны, сады и огороды граничили другъ съ другомъ, и, выйдя на балконъ, я видѣлъ своихъ сосѣдей, а они меня. Но мы никогда не ссорились

и разныя хозяйственныя распри улаживали миролюбиво. Перелетить, на примѣръ, курица изъ сада сосѣда ко мнѣ, я отпихиваю ее и прогоняю платочкомъ или прутикомъ, не швыряя въ нее ни палками, ни камнями; забѣжить теленокъ съ моего двора къ сосѣдямъ, они учтиво выпроводятъ его во-свояси и т. д. Кухарки наши только ссорились и разъ даже подрались, но мы ихъ помирили, и онѣ продолжали пить кофе вмѣстѣ.

Капитанъ былъ золотой человѣкъ, въ особенности какъ сосѣдъ, и врядъ ли, безъ его общества, я свыкъся бы такъ со своей одинокой жизнью въ деревнѣ. Супруга его Марья Кузьминишна была тоже дама прекрасная, хотя сильно ворчливая и не терпѣвшая никакихъ противорѣчій, но эти недостатки она выкупала съ избыткомъ другими качествами своими и добродѣтелями. Я такъ привыкъ къ своимъ сосѣдямъ и они ко мнѣ, что мы видѣлись каждый день, а два раза въ недѣлю обѣдали то они у меня, то я у нихъ. Изъ-за этихъ обѣдовъ и происходили главнымъ образомъ распри между кухарками, желавшими сохранить каждая за собою пальму первенства въ кулинарномъ искусствѣ.

Лѣто въ особенности сближало насъ.

Сады наши спускались къ большому живописному озеру, противоположный берегъ котораго едва виднѣлся, а по срединѣ озера и въ особенности съ лѣвой его стороны выплывали изъ воды острова и островки, покрытые густою зеленью. По этому озеру мы любили кататься на лодкѣ, для чего капитанъ держалъ цѣлую флотилію парусныхъ и весельныхъ судовъ, которыя имѣли свой флагъ, и приставленнаго къ нимъ отставнаго матроса Галкина, бывшаго подчиненнаго и товарища капитана по дальнимъ его плаваніямъ.

Во время этихъ прогулокъ, часто дальнихъ, капитанъ держалъ руль, а мы съ Галкинымъ садились на весла и гребли до тѣхъ поръ, покуда измученные и вспотѣвшіе не приставали куда нибудь къ берегу или къ острову, гдѣ

отдыхали и пили чай, такъ какъ самоваръ, всегда сопровождалъ насъ въ этихъ прогулкахъ. Корзи́чка же, которую при этомъ брала съ собою Марья Кузьминишна, обильно снабжала насъ провизіей; иногда мы затѣвали рыбную ловлю и варили свѣжую уху, которую мастеръ былъ готовить Галкинъ. Накушавшись, а часто и выпавшись, мы садились на травку и любовались вечернимъ закатомъ, очень красивымъ на озерѣ; при этомъ Виссаріонъ Павловичъ, большой любитель природы и очень набожный человекъ, снималъ шапку, крестился и говорилъ:

— Чудо предъ нами свершается каждый день: солнышко заходить и опять взойдетъ по утру, а мы грѣшные въ чудо это не вѣримъ, привыкли къ нему и не благодаримъ за него Господа Бога, не возносимъ хвалы Ему. И онъ опять крестился, вздыхалъ, а съ нимъ вмѣстѣ вздыхала и крестилась его супруга.

— Галкинъ! отчаливать! командовалъ вслѣдъ за этимъ капитанъ, переходя изъ минорнаго тона въ бравурный.— Живо! И Галкинъ, мигомъ убравши все въ лодку, отпихивалъ ее отъ берега, измокнувъ при этомъ до пояса; затѣмъ, вскочивъ въ лодку на ходу, принимался усердно отмахивать въ тактъ веслами съ обычною матросамъ ловкостью и умѣньемъ.

На озерѣ нашемъ, очень глубокомъ и широкомъ, случались иногда бури, и тогда нашъ смѣлый морякъ подымалъ парусъ и уѣзжалъ съ Галкинымъ вдвоемъ кататься. Мы съ Марьей Кузьминишной, конечно, не сопровождали ихъ, и она, оставаясь на берегу, со страхомъ слѣдила за нырявшей лодкой и бѣлымъ парусомъ, покуда все это не скрывалось за изгибомъ озера. Тогда она уходила въ свою спальню, зажигала всѣ лампы передъ образами и начинала молиться какому-то особому святому, покровителю мореплавателей; я же старался утѣшить ее, говоря, что мужъ ея и не такія бури переживалъ въ океанахъ.

— То, батюшка, въ океанѣ, возражала она, крестясь и

вздыхая, а на сухомъ пути, коли Богъ не убережетъ, и въ лужѣ потонешь,

Но отважный капитанъ всегда возвращался цѣлъ и невредимъ, смѣялся надъ нашими страхами и только казался бодрѣй и румянѣй послѣ продувшаго его вѣтра.

„Будетъ буря,
Мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней“.

Мурлыкалъ онъ себѣ подъ носъ, убирая съ помощью Галкина измокшій парусъ и относя его, въ видѣ трофея, подъ навѣсъ для лодокъ.

Въ хорошую погоду мы ходили въ лѣсъ за ягодами или по грибы въ сопровожденіи Галкина, который, снимая для этого морскую куртку, облекался въ сухопутный костюмъ. А по воскреснымъ днямъ все тотъ же Галкинъ преобразился въ кучера и возилъ насъ въ церковь въ старомодной крытой линейкѣ, хорошо знакомой въ окрестности.

Послѣ обѣдни мы ѣли пирогъ у батюшки и часто увозили его, вмѣстѣ съ попадѣй, къ намъ обѣдать. Мы ходили и на охоту съ Виссаріономъ Павловичемъ въ сопровожденіи стараго лягана, слегка глухаго; но такъ какъ собака и охотники были стары, то возвращались домой большею частью съ пустыми ягдтапами, за чтò Марья Кузьминишна укоряла насъ, называя *горе-охотниками*.

Она была дама весьма почтенная, одѣвавшаяся по старомодному, въ чепцы, съ сѣдыми буколками на лбу. Мужъ же ея былъ еще бравый молодецъ, хотя сторбившійся немного и съ лысиной на головѣ, но бодрый, веселый и казавшійся моложе своей жены, хотя былъ на десять лѣтъ ея старше. Онъ носилъ обыкновенно въ жаркую погоду старый нанковый пиджакъ и соломенную шляпу съ широчайшими полями, называемую *панамю*; но когда ѣздилъ въ церковь или въ гости, то облекался въ черный морской сюртукъ и въ военную бѣлую фуражку съ кокардой.

Такъ жили мы мирно и спокойно и вѣроятно прожили

бы еще долго, еслибы одно случайное происшествіе не смутило насъ.

Въ нашемъ краю давно строили желѣзную дорогу и наконецъ построили, причеиъ станцію открыли верстахъ въ шести отъ насъ. Оно бы ничего, удобно, хотя мы не долюбивали шума и свиста машины, но Марья Кузьминична, какъ истинная дочь Евы, не удовольствовалась лицеэрѣніемъ издали, а захотѣла вкусить запрещеннаго плода. Она слетала на станцію, завела тамъ знакомства и взяла подрядъ—поставлять въ буфетъ молоко, масло, яйца и разную другую провизію. Къ сожалѣнію, она этимъ не ограничилась. Разъ какъ-то за кофе, послѣ обѣда, она объявила намъ, что вывѣсила на станціи аншлагъ, т. е. объявленіе о томъ, что у нихъ въ деревнѣ отдается на лѣто дача за 300 рублей съ мебелью, посудой и всѣми удобствами. Мы только рты разинули, а Виссаріонъ Павловичъ пришелъ въ негодованіе:

— Помилуй, матушка, что ты надѣлала! Куда-жь мы ихъ денемъ, твоихъ жильцовъ.

— Какъ куда? въ домъ.

— А сами гдѣ жить будемъ?

— Во флигель переберемъ—тамъ просторно.

— Ну, ужъ ты перебирайся одна, а я уѣду.

— Куда?

— Все равно куда, а только здѣсь не останусь.

— Да помилуй! вѣдь 300 рублей! подумай, на эти деньги крышу новую поставить можно и весь домъ выкрасить и такъ давно собираемся.

— Ну, ты крась, а я уѣду.

— Хорошъ мужъ, нечего сказать, добро бы женѣ помочь, а онъ уѣду.

Виссаріонъ Павловичъ сильно задумался, но вдругъ расхохотался:

— Ха, ха! и я-то хорошъ, спорю съ бабой будто въ серъезъ и не подумаю, что все это одни бредни.

— Какъ бредни?

— Да такъ, какой дуракъ тебѣ 300 рублей дастъ за дачу въ нашемъ захолюстьѣ?

— 300 рублей и меньше ни копѣйки! горячилась Марья Кузьминишна: — ты подумай, цѣлый домъ съ мебелью, посудой, садомъ; тюфяки и кровати даже дамъ жильцамъ.

— Не наймутъ и съ тюфяками.

— Наймутъ.

— Не наймутъ!

Супруги продолжали спорить и горячиться, наконецъ, обратились ко мнѣ, какъ къ посреднику.

Я сказалъ, что это дѣло случая, но что за 300 рублей можно подъ Москвою и даже подъ Петербургомъ нанять дачу.

— Дырявую! воскликнула Марья Кузьминишна: — два стула сломанные вмѣсто мебели, вездѣ течеть, дуетъ; слышали мы про эти дачи.

— Ну, хорошо, заключилъ Виссаріонъ Павловичъ: — положимъ дачу у тебя наймутъ да денегъ не заплатятъ, или попадутся такіе нахалы, что жизни не рада будешь, пьяницы, буяны!

— А можетъ и хорошіе люди.

Споръ продолжался, но Марья Кузьминишна настояла на своемъ и ни за что не согласилась снять аншлагъ со станціи.

Между тѣмъ время проходило, но нанимателей не являлось; капитанъ хихикалъ, потирая себѣ руки, и, повидимому, торжествовалъ.

Марья Кузьминишна была въ уныніи. Но насталь и на ея улицѣ праздникъ. Разъ какъ-то мы сидѣли на балконѣ и распивали чай. Вдругъ послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа, и Галкинъ, выѣзжавъ встрѣтить гостей, тотчасъ воротился и объявилъ съ испуганнымъ видомъ, что пріѣхалъ какой-то баринъ съ барыней и спрашиваютъ о дачѣ.

Марья Кузьминишна вся вспыхнула и, бросивъ торже-

ствующій взглядъ на мужа, выбѣжала къ прїѣзжимъ. Мы же съ капитаномъ, какъ люди солидные и не увлекающіеся фантазіями, остались на балконѣ допивать спокойно свой чай. Мы слышали голоса въ нижнемъ этажѣ, за симъ шаги наверху, обратное шествіе по лѣстницѣ, и, наконецъ, хозяйка, предшествуя двумъ чужимъ—мужчинѣ и дамѣ, ввела ихъ торжественно на балконъ.

— Вотъ и садикъ у насъ, а вотъ и озеро, показывала она свои владѣнія прїѣзжимъ.

— Ахъ, какая прелесть, какъ хорошо у васъ! проговорилъ женскій мягкій голосъ, и мы увидѣли молодую даму, до того прелестную, что мы съ Виссаріономъ Павловичемъ повскакали со своихъ мѣстъ и глядѣли на нее въ невольномъ восхищеніи. Капитанъ въ особенности былъ точно гипнотизированъ ея красотою и казалось забылъ всѣ свои возраженія противъ дачниковъ. Онъ распаркался, пододвинулъ дамѣ покойное кресло, предложилъ чаю, ягодъ, стоявшихъ на столѣ, и, улучивъ минуту, сбѣгалъ въ кабинетъ, откуда появился уже облеченный въ свой морской сюртукъ и бѣлую фуражку.

Кавалеръ былъ тоже весьма благообразный, одѣтъ франтомъ, съ прекрасными голубыми глазами и русой бородкой. Вообще, парочка была замѣчательная и казалась какой-то картинкой, вдругъ выставленной на нашемъ балконѣ.

Красота, въ особенности женская, дѣйствуетъ обаятельно, и не прошло четверти часа, какъ мы всѣ были очарованы, и не только мы мужчины, но и Марья Кузьминишна, попросившая позволенія расцѣловать свою гостью, которая сама обняла ее и поцѣловала; даже матросъ Галкинъ, позванный на балконъ взять и подогрѣть самоваръ, такъ и остался съ самоваромъ въ рукахъ у дверей, глядя во всѣ глаза на прїѣзжую барыню.

— Что-жъ ты болванъ съ самоваромъ стоишь? крикнулъ на него Виссаріонъ Павловичъ: — углей подложить!

Я не стану описывать появившейся у насъ точно вол-

шебствомъ красавицы: она была до того прекрасна, что передъ нею блѣднѣли всѣ описанія, и Виссаріонъ Павловичъ уже не возражалъ болѣе ни слова, когда жена его сразу покончила съ нанимателями. Онъ началъ суетиться, таскать разную мебель, вещи и тотчасъ же распорядился послать на станцію за чемоданами приѣзжихъ, а экипажъ ихъ отпустилъ.

Оказалось, что люди эти были весьма покладливые и удовольствовались однимъ верхнимъ этажемъ, чрезвычайно имъ понравившимся, такъ что хозяевамъ не пришлось перебираться во флигель.

Имъ сбавили за это сто рублей съ цѣны дачи, а дамы тотчасъ же условились между собою насчетъ обѣда и вообще продовольствія. Къ ночи все было готово — вещи привезены съ желѣзной дороги и новые жильцы окончательно водворены въ своемъ жилищѣ.

Жильцы были очень милы и не только не тяготили насъ, но напротивъ доставляли намъ развлеченіе. Фамилія ихъ была Ардищевы, мужъ съ женой, какъ мы думали, новобрачные и назывались: онъ Дмитріемъ Николаевичемъ, а она Катериной Васильевной; впрочемъ, мы паспортовъ ихъ, по деревенскому обычаю, не спрашивали и удовольствовались тѣмъ, что объявили уряднику о ихъ приѣздѣ.

Катерина Васильевна съ первыхъ же дней особенно подружилась со мной, говоря, что я напоминаю ей стараго ея дядю, котораго она очень любила и который ее воспитывалъ.

Съ капитаномъ же была нѣсколько осторожнѣе, такъ какъ онъ былъ помоложе меня и тотчасъ же сталъ за нею ухаживать. По его просьбамъ она каждое утро прикалывала ему цвѣтокъ въ бутоньерку, а онъ цѣловалъ у ней ручку; потомъ берегъ и нюхалъ цвѣтокъ цѣлый день. Я замѣтилъ сверхъ того, что онъ пересталъ носить свою панамскую шляпу, очень его старившую, надѣвалъ бѣлые галстучки и фабрилъ усы, чего прежде не дѣлалъ.

Марья Кузьминична называла его старымъ дурнемъ,

подсмѣивалась надъ нимъ, но повидимому еще не ревновала.

Катанья наши по озеру, конечно, продолжались и особенно нравились Катеринѣ Васильевнѣ. Она нѣсколько разъ отваживалась даже кататься на парусѣ съ капитаномъ, когда было не слишкомъ вѣтрено, и онъ возвращался съ этихъ прогулокъ въ полномъ восторгѣ.

Обыкновенно женщины очень красивыя бываютъ глупыми, но Катерина Васильевна составляла исключеніе. Она была развита и умна, а, что было еще важнѣе, не занималась собою, несмотря на свою красоту; въ ней не было вовсе кокетства; она горячо и всѣмъ сердцемъ была предана своему мужу, видѣла въ немъ какое-то божество, которому поклонялась. Онъ тоже любилъ ее, но въ немъ проявлялась очевидно натура низшая, болѣе мелкая, не способная на жертвы и на истинную любовь. Вообще, онъ мнѣ не нравился, и его защищала только одна Марья Кузьминшна, но не потому, чтобы признавала въ немъ какія либо особыя достоинства, а потому, что видѣла въ немъ піонера, откликнувшагося на ея воззваніе и перваго проложившаго путь въ ея пустыни.

— Да и какія пустыни, ворчала она: — шесть верстъ до чугунки, а тамъ кати, куда хочешь.

— И никуда не докатишь, острилъ Виссаріонъ Павловичъ. — 300 верстъ до ближайшаго губернскаго города.

Впрочемъ, это все было въ прошедшемъ, а въ настоящемъ его жена придумала, по мнѣнію его, такую штуку, которая, которая... онъ не договаривалъ и только махалъ рукой. Посему оставалось неизвѣстнымъ, что онъ разумѣлъ подъ словомъ штука: дачу ли на лѣто въ ихъ скромномъ деревенскомъ домѣ или красивую дачницу, гулявшую въ саду.

Мнѣ одно казалось страннымъ въ нашихъ новыхъ друзьяхъ: они никогда не говорили о своемъ прошедшемъ и ни словомъ не упоминали о своихъ родныхъ, знакомыхъ и друзьяхъ, которыхъ у нихъ, вѣроятно, было много. Они

точно съ неба свалились къ намъ изъ какой-то невѣдомой страны, и мы не знали даже — откуда они: изъ Москвы, Петербурга или изъ какого другого города. Писемъ они тоже не получали; разъ пришло одно на имя самого Ардищева, но онъ видимо былъ огорченъ его содержаніемъ.

Точно ли они мужъ съ женою? приходило мнѣ въ голову, и нѣтъ ли тутъ какого романа въ подкладкѣ. Но я никому не высказывалъ своихъ подозрѣній. Если они мужъ съ женою и справляютъ у насъ въ деревнѣ свой медовый мѣсяцъ, то почему они выбрали наше захолустье и скрываются, повидимому, ото всѣхъ? Багажъ ихъ былъ довольно тощій, и кошелекъ оказался такимъ же. Марья Кузьминшна не видѣла еще, какъ она мнѣ сама признавалась, цвѣта ихъ денегъ, несмотря на то, что они жили у ней болѣе недѣли, не отдавъ ни копѣйки за дачу и не заплативъ за обѣдъ. Все это, повторяю, казалось мнѣ страннымъ, хотя я и не спѣшилъ осуждать милыхъ людей, которыхъ мы всѣ полюбили.

Разъ какъ-то, въ очень жаркій день, я забрался въ свой садъ, въ самую глушь его, и залегъ тамъ на травѣ читать какую-то книгу. Я заснулъ, кажется, за книгой, но былъ разбуженъ разговоромъ вблизи меня. Это были наши дачники, часто ходившіе гулять въ мой садъ, по моему приглашенію. Но они меня не видѣли за густою зеленью и продолжали разговаривать, сидя на скамейкѣ.

— Что-жъ это будетъ? говорилъ женскій голосъ.

— Ничего не будетъ, отвѣчалъ мужской: — чего тебѣ надо?

— Долго ли мы здѣсь жить будемъ?

— Покуда не уѣдемъ.

— Куда-жъ мы уѣдемъ?

— Мало ли куда. Были бы деньги.

— Но ихъ нѣтъ.

— Василій Петровичъ пришлетъ; я ему писалъ.

— А если не пришлетъ?

— Ну, тогда я не знаю.

— Мы за дачу еще не заплатили и за столъ должны хозяевамъ.

— Вѣдь они не спрашиваютъ, они добрые.

— Это правда, но все-жъ заплатить надо.

— Конечно.

Послѣдовалъ вздохъ и минута молчанія, во время которой я боялся шевельнуться, чтобы не обнаружить себя.

— Я боюсь, Митя, заговорилъ опять женскій голосъ.

— Чего-жъ ты боишься?

— Насъ разыщутъ.

— Кто?

— Онъ разыщетъ.

— Такъ что-жъ? Не увезетъ же онъ тебя силой, чрезъ полицію. Мужъ твой не такой человѣкъ.

— Я все-таки боюсь; мысль разстаться съ тобою для меня невыносима, да я и не разстанусь ни за что, не вернусь къ нему, чтобы онъ ни сдѣлалъ; я такъ люблю тебя, Дмитрій!

Послѣдовалъ горячій, долгій поцѣлуй, и за симъ влюбленная парочка встала, и шаги ихъ удалились. Но я слышалъ довольно. Для меня было ясно, что они не мужъ съ женою и что Дамокловъ мечъ виситъ надъ ихъ головами. Кто это онъ? Грозный мужъ, конечно, отыскивающій убѣжавшую жену.

Мнѣ было жаль ее, но только ее одну. Его мнѣ не было жаль нисколько; я былъ увѣренъ, что онъ виноватъ во всемъ, и что онъ, а ни кто другой, загубилъ эту несчастную женщину.

Я хотѣлъ рассказать обо всемъ Виссаріону Павловичу, но побоялся. Я сталъ замѣчать, что капитанъ нашъ теряетъ голову и, несмотря на свои уже немолодые лѣта, влюбился по уши въ пріѣзжую красавицу.

Конечно, онъ былъ влюбленъ платонически, но все-таки, влюбленъ, и Марья Кузьминишна начала уже замѣчать это.

— Старый дуракъ, обмолвилась она однажды, оставшись со мною наединѣ.

— Про кого это вы говорите?

— Про кого? да про него, моего благовѣрнаго.

Я посмотрѣлъ на нее вопросительно, сдѣлавъ видъ будто не понимаю.

— Всѣ вы хороши, продолжала она:— заведись только юбка, вы и пошли глаза пялить.

— Да я-то тутъ причемъ? воскликнулъ я, расхохотавшись.

— И вы тоже. Она хвостомъ вертитъ, а вы тааете.

— Помилуйте, Марья Кузьминишна! если вы говорите про Катерину Васильевну, то жестоко ошибаетесь. До насъ ли ей, до стариковъ; у ней свой мужъ молодецъ, и она влюблена въ него по уши.

— Мужъ, какъ же! А отчего у него кольца обручальнаго на пальцѣ нѣтъ, а у ней есть? значить не въ законѣ.

Она замѣтила такую бездѣлицу и со свойственнымъ женщиной чутьемъ построила на ней цѣлое зданіе.

— Взять бы ихъ да помеломъ отсюда, развратники!

Марья Кузьминишна, ослѣпленная вспыхнувшю ревностью, уже становилась на дыбы и, отстаивая свои законныя права, втаптывала въ грязь всѣ человѣческія слабости и сердечныя увлеченія.

Но я былъ на сторонѣ влюбленныхъ и рѣшился покровительствовать имъ, во что бы то ни стало. Случай представился очень скоро.

Чулковы уѣхали куда-то въ гости, Ардищевъ на станцію желѣзной дороги. Я остался одинъ съ Катериной Васильевной и пришелъ навѣстить ее, такъ какъ она жаловалась наканунѣ на нездоровье.

Она была печальна, и глаза ея распухли отъ слезъ.

— Что съ вами? спросилъ я, взявъ ее за руку.

— Ахъ! отвѣтила она:—вы не знаете, какъ мнѣ тяжело и какъ я несчастна!

Я молчалъ, не желая напрашиваться на откровенность. Но она сама продолжала:

— Я вамъ вѣрю вполнѣ, Николай Ивановичъ, не даромъ же вы такъ похожи на моего покойнаго дядю.

— Такъ вашъ дядюшка умеръ?

— Да, и мать тоже, а отца я совсѣмъ не помню. Я круглая сирота и расскажу вамъ все, но вы меня не выдадите?

— Конечно, нѣтъ.

— Такъ слушайте: я не жена Дмитрія Ардищева, я жена другого. Но мужъ мой ни въ чемъ не виноватъ передо мною, я должна сказать это по совѣсти. Я одна виновата во всемъ. Мужъ облагодѣтельствовалъ меня, спасъ отъ нужды и позора. Онъ боготворилъ меня, а я, грѣшница, измѣнила ему, бросила его и ушла съ другимъ.

Она остановилась и глядѣла мнѣ прямо въ глаза.

— Вы осудите меня, конечно, но я скажу вамъ одно въ свое оправданіе—я любила Дмитрія, всю жизнь любила его одного.

— Зачѣмъ же вы вышли замужъ за другого? сорвалось у меня съ языка.

— Ахъ, не спрашивайте! воскликнула она, закрывая лицо руками:—вы не знаете, что я пережила. Мы были въ нуждѣ, мать умирала, меня преслѣдовалъ одинъ богатый старикъ, мать умоляла меня выйти замужъ за честнаго, хорошаго человѣка, покуда она еще жива, и я вышла. Что рассказывать далѣе? Мать умерла. Ласки нелюбимаго мужа стали мнѣ невыносимы—я любила другого, и я пала, не бывъ въ силахъ бороться.

Она горько заплакала и опустила на колѣни, не предо мной, конечно, а передъ какимъ-то воображаемымъ праведнымъ, но грознымъ судьбою.

Я былъ глубоко тронуть, поднялъ ее, старался утѣшить и успокоить.

— Я великая грѣшница, повторяла она,—и Богъ покараетъ меня.

— Какъ можно такъ говорить! воскликнулъ я, — Богъ милосердъ, вѣруйте въ него и вамъ будетъ легче.

Но она все плакала.

— Послушайте, спросилъ я:—гдѣ вашъ мужъ?

— О, далеко отсюда.

— Вы должны ему написать и просить развода.

— Онъ не простить.

— Почему вы знаете; если онъ любитъ, то простить навѣрно; кто любитъ, тотъ не своего счастья ищетъ, а живетъ счастьемъ другого, того, кого онъ любитъ. Напишите мужу, послушайтесь меня.

— Я боюсь.

— Чего вы боитесь?

— Онъ пріѣдетъ сюда и убьетъ Дмитрія.

Противъ такихъ аргументовъ нечего возражать.

Но я старался все-таки ее утѣшить. Говорилъ, что она молода, прекрасна, и что вся жизнь ея впереди.

— Да, отвѣтила она:—еслибы я была не такъ прекрасна, какъ это всѣ твердятъ мнѣ, можетъ быть я была бы счастливѣе.

— Не стыдно ли вамъ, Катерина Васильевна, Бога гнѣвить. Онъ послалъ вамъ даръ чудесный—красоту, а вы ропщите на него. Красота великая сила!

Она улыбулась, и разговоръ нашъ продолжался въ болѣе спокойномъ тонѣ.

Она рассказала мнѣ, что ея Дмитрій бѣдный человѣкъ, но избалованный жизнью и воспитаніемъ, что родители его стариннаго дворянскаго рода и были прежде очень богаты, но разорились и доживаютъ свой вѣкъ въ деревнѣ, представивъ сыну пробиваться въ жизни, какъ знаетъ.

Славно пробивается, подумалъ я, чужихъ женъ увозить, а тамъ бросить, пожалуй, и поминай какъ звали.

Я почувствовалъ ненависть къ этому человѣку и счи-

талъ его пустымъ, ничтожнымъ. Какъ много у насъ такихъ людей на свѣтѣ, не способныхъ ни на какое дѣло, ни на какой серьезный трудъ и созданныхъ только для того, чтобы дѣлать другихъ несчастными. А имъ самимъ и горя мало—все сходится съ рукъ, точно они заколдованы.

Цѣлый романъ разыгрывался передо мной и не писанный, а настоящій, съ живыми героями и героинями, съ жертвами, можетъ быть, человѣческими. И какъ сильно билась жизнь въ этомъ романѣ, какъ чувствовался усиленный пульсъ ея въ этой заплаканной красавицѣ, сидѣвшей передо мной на балконѣ. А тамъ, въ открытыя окна, глядѣла на насъ равнодушная природа, вливался свѣжій ароматный воздухъ, бѣжали облака по небу, съ озера слышалась и замирала заунывная пѣсня.

Я всталъ и сталъ прощаться.

— *Voyons du courage!* говорилъ я, пожимая ей руку.— *Le diable n'est pas si noir*, какъ его малюють.

Въ это время послышался шумъ подъѣзжавшаго экипажа, и мы увидѣли достопочтенную чету Чулковыхъ, возвращавшихся домой въ своей старой линейкѣ.

— Вотъ и комики къ вашему роману, сказалъ я, чтобы развлечь чѣмъ нибудь мою мрачно настроенную себясѣдницу. Она опять улыбнулась и сказала, что они хорошие, добрые люди.

— И вы тоже, Николай Ивановичъ, благодарю васъ, но не долго мнѣ жить со всѣми вами: что нибудь да случится, я это предчувствую.

— И полноте, еще поживемъ вмѣстѣ, я не вѣрю въ предчувствія.

II

Виссаріонъ Павловичъ Чулковъ былъ человѣкъ очень увлекающійся, несмотря на свои немолодые годы. По крайней мѣрѣ такимъ его считали всѣ тѣ, которые знали его

съ юности. Сначала онъ увлекался морскими плаваніями, потому супругой своей. Марьей Кузьминишной, по которой много лѣтъ вздыхалъ, прежде чѣмъ женился на ней, потому имѣніемъ, купленнымъ главное ради мѣстоположенія, но которое давало мало дохода и стоило дорого. Наконецъ — увы! — жилицей своей, Катериной Васильевной, показавшейся ему идеаломъ всѣхъ совершенствъ физическихъ и нравственныхъ, и въ которую онъ влюбился сразу, какъ пылкій юноша, съ первой же минуты, какъ только увидѣлъ ее.

Къ чести капитана надо, впрочемъ, сказать, что любовь его была чисто платоническая и что онъ даже въ помыслахъ не измѣнялъ Марьѣ Кузьминишнѣ. Мало того, еслибы ему предложили развестись съ нею и замѣнить свою состарившуюся и поблекшую супругу молодой, цвѣтущей красавицей, то онъ бы наотрѣвъ отказался, замахалъ руками и сказалъ бы въ негодованіи:

— Что вы, что вы, да развѣ это возможно! за кого вы меня принимаете?

Съ своей стороны Марья Кузьминишна, хотя ревновала своего законнаго супруга, на котораго вдругъ напала какая-то непонятная блажь, и обзывала его старымъ дурнемъ и болваномъ, но не переставала любить его, растирать ему спину на ночь муравьинымъ спиртомъ, и захворай онъ, чего Боже сохрани, она забыла бы всѣ свои обиды и ухаживала бы за нимъ самоотверженно.

При такомъ положеніи дѣла, нѣсколько трагическомъ, на мою долю выпала не совсѣмъ легкая обязанность, быть повѣреннымъ обѣихъ сторонъ.

Приходитъ ко мнѣ Марья Кузьминишна и говорить: — посудите сами, что онъ продѣлываетъ, рехнулся совсѣмъ, старый, скоро по миру пойдѣмъ, онъ деньги мотаетъ и все изъ-за нея.

Оказывалось, что Виссаріонъ Павловичъ, уѣхавъ за 10 верстъ, въ уѣздный городъ, подъ предлогомъ покупки раз-

ныхъ сельскихъ орудій, никакихъ орудій не приобрѣлъ, а, отправившись въ лавку купца Черепенникова, купилъ тамъ три фунта петербургскихъ конфектъ самыхъ лучшихъ и преподнесъ ихъ Катеринѣ Васильевнѣ.

— Вотъ видите, какъ онъ деньги мотааетъ! повторяла Марья Кузьминишна:— а спроси я чтонибудь? Куда ты, накричить только и на-отрѣзъ откажетъ. Намедни я у попадьи теленочка пѣгонькаго сторговала, хорошенькій такой, мордочка бѣленькая, племянной бычекъ будетъ. Какъ увидалъ онъ и давай кричать: »на что ты эту дрянъ покупаешь? и своихъ дѣвать некуда«.

— Но вѣдь вы все-таки теленочка купили, замѣтилъ я:—видѣлъ я его на лужкѣ, какъ онъ брыкается.

— Конечно, купила, а все-таки обидно.

Съ своей стороны является ко мнѣ Виссаріонъ Павловичъ, разстроенный, сердитый, и говорить:

— Дай волю бабамъ, съ ними и сладу не будетъ.

Оказалось, что онъ хотѣлъ купить у сосѣдняго помѣщика четверомѣстный высокій шарабанъ на большихъ колесахъ, съ шорною упряжью и кучерскимъ платьемъ.

— Наша линейка, говорилъ онъ,—совсѣмъ расхлябалась и такъ трясеть, что даже колотья въ боку дѣлаются; такъ нѣтъ же, Марья Кузьминишна, какъ на зло, заартачилась; деньги-то вѣдь у ней хранятся. »Какъ же«, говоритъ, »очень нужно! Галкина дуракомъ въ ливрею вырядить, съ круглой шляпой, да и лошади наши въ шорахъ не пойдутъ, да и сама я въ твой шарабанъ, точно на чердакъ, не полѣзу«. Такъ и не дала денегъ, а шарабанъ по случаю продавали, дешево, да и дамы наши въ немъ бы отлично катались.

Такія горести трудно было облегчить, и я только тѣмъ утѣшилъ Виссаріона Павловича, что предложилъ ему брать мой шарабанъ всякій разъ, какъ Катерина Васильевна захочетъ покататься. Между тѣмъ дѣла все ухудшались. Ардищевъ, проживъ у Чулковыхъ уже болѣе мѣсяца, запла-

тиль всего только 50 руб. въ видѣ задатка за дачу, а болѣе денегъ отъ него не видали.

Марья Кузьминишна пришла наконецъ въ отчаяніе. Она совѣтовалась со мною, но что я могъ сказать ей?

— И угораздило же меня, пѣняла она на себя,—отдавать эту дачу въ наймы, не было печали, а теперь убытокъ одинъ и хлопотъ сколько.

— Вы бы поговорили съ Виссаріономъ Павловичемъ.

— Очень нужно, развѣ онъ поможетъ, развѣ онъ можетъ что сдѣлать? И безъ того по ночамъ не спитъ, все охаетъ. Я ему и спину потру, и капелекъ дамъ, нѣтъ. не спитъ да и только.

Марья Кузьминишна была что называется бой-баба, она завѣдывала всѣмъ хозяйствомъ, вела всѣ счета, получала и расходовала деньги. Мужъ ни о чемъ не заботился и жилъ какъ у Христа за пазухой. Онъ не зналъ и не подозрѣвалъ даже ничего о нелегальныхъ отношеніяхъ своихъ дачниковъ и думалъ, что все обстоитъ благополучно. Но въ тѣсномъ кружку нашемъ начинала появляться какая-то натянутость, прежняго веселья не было, и Катерина Васильевна все чаще и чаще плакала.

— О чемъ она плачетъ? допрашивалъ меня капитанъ съ озабоченнымъ видомъ, но я не хотѣлъ говорить ему правды, считая это чужимъ секретомъ, и отмалчивался или успокаивалъ его общими фразами.

— Молодые барыни мало ли о чемъ плачутъ, такъ капризь какойнибудь.

Но не одна барыня тосковала, Дмитрій Ардищевъ тоже начиналъ скучать. Онъ видимо тяготился однообразною жизнью въ деревнѣ и все поговаривалъ о томъ, что ему надо бы въ Москву съѣздить по дѣламъ да не знаетъ какъ Катю оставить.

Ну, думалъ я, улизнетъ еще, что тогда мы съ ней будемъ дѣлать. Того же боялась и Марья Кузьминишна.

Судьба разрѣшила всѣ наши сомнѣнія.

Разъ вечеромъ, когда я былъ у Чулковыхъ, пришелъ за мной человекъ мой и доложилъ, что меня спрашиваетъ по дѣлу какой-то чужой баринъ, пришедшій пѣшкомъ съ мельницы, въ двухъ верстахъ отъ насъ. Уже совсѣмъ стемнѣло, и я удивился — кому до меня дѣло въ такую пору.

Я пошелъ тѣмъ же домой и засталъ у себя въ кабинетѣ незнакомаго человека, хорошо одѣтаго, но очень некрасиваго. Онъ былъ малъ ростомъ, толстъ и неуклюжъ, съ большою головою, коротко обстриженными щетинистыми волосами, безъ усовъ и бороды. Но что-то доброе свѣтилось въ его глазахъ и улыбкѣ.

— Извините, сказалъ онъ, вставая мнѣ на встрѣчу: — я не имѣю удовольствія быть съ вами знакомымъ, но тѣмъ же не менѣе рѣшился всеъ побезпокоить такъ поздно для того, чтобы не быть узаннымъ никѣмъ и никого не встрѣтить у васъ.

Онъ подаль мнѣ свою карточку, на которой я прочелъ »Яковъ Александровичъ Мордовцевъ«, имя мнѣ совершенно незнакомое, и я еще съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да, мы незнакомы, повторилъ онъ: — но я такъ много слышалъ о васъ, что рѣшился обратиться къ вамъ съ просьбою, отъ исполненія которой зависитъ вся жизнь моя.

Я пригласилъ его сѣсть и приготовился слушать.

— Здѣсь, сказалъ онъ, слегка заикаясь, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, живетъ одна пріѣзжая дама, жена моя, моя Катя.

Голосъ его дрогнулъ, и онъ остановился на минуту, но тотчасъ же опять заговорилъ:

— Вы видѣли ее сейчасъ, она тамъ, я знаю.

— У сосѣдей моихъ Чулковыхъ живетъ дѣйствительно одна дама, по имени Катерина Васильевна, и если это ваша супруга, то мы часто съ ней видимся.

— Доставьте мнѣ случай увидѣться съ ней наединѣ, и я никогда въ жизни не забуду этой услуги.

Такъ вотъ онъ мужъ, подумалъ я. Ухъ! какой онъ безобразный.

— Вы молчите, значить отказываете мнѣ?

— Вовсе нѣтъ, но чтобы исполнить вашу просьбу недостаточно одного моего желанія, надо согласіе вашей жены.

— Уговорите ее, ради Бога, скажите, что это необходимо, хотя на одну минуту. Я долженъ сказать ей нѣсколько словъ, и затѣмъ я исчезну и дамъ ей полную свободу.

— Хорошо, я скажу, но я не могу ручаться, что о предстоящемъ свиданіи никто другой не узнаетъ.

— О, я понимаю, вы боитесь скандала, дуэли; клянусь вамъ—этого не будетъ. Я не съ тѣмъ пришелъ сюда. Онъ сталъ сильнѣе заикаться и чѣмъ горячѣе говорилъ, тѣмъ съ большимъ усиліемъ выговаривалъ слова.

— Цѣль моей жизни ея счастье, и для этой цѣли я готовъ пожертвовать всѣмъ: своимъ счастьемъ, разумѣется, своей жизнью — она не имѣетъ для меня болѣе никакой цѣны; но я повторяю вамъ — я долженъ ее видѣть.

Мнѣ вдругъ стало жалко этого человѣка, и вѣрно лицо мое выразило это чувство, потому что онъ схватилъ меня крѣпко за руку и, боясь вновь запнуться, быстро проговорилъ:

— Мнѣ тяжело чернить кого либо, но я долженъ все сказать. Я знаю Дмитрія Ардищева съ самаго дѣтства, онъ мой школьный товарищъ. Онъ не способенъ любить женщину и бросить ее, какъ только пройдетъ въ немъ первый пылъ страсти. Когда это случится—я не знаю, но я живу только для того, чтобы придти къ ней на помощь, когда она останется одна, и забыть, простить все, если она даже и тогда не вернется ко мнѣ.

Неужели, думалъ я, женщины такъ слѣпы, что видятъ въ человѣкѣ только одну его наружность, а истинная, самоотверженная любовь не находитъ пути къ ихъ сердцу.

Я, не задумываясь, отвѣтилъ, что готовъ помогать ему въ чемъ только въ силахъ, и обѣщалъ дать ему отвѣтъ завтра поутру на мельницу, гдѣ онъ остановился.

Разговоръ нашъ былъ оконченъ, но онъ не уходилъ и казалось хотѣлъ еще спросить о чемъ-то.

— Я человѣкъ очень богатый, рѣшился онъ, наконецъ, выговорить,—а у Ардищева нѣтъ ничего кромѣ долговъ. Тѣмъ не менѣе она ушла съ нимъ отъ меня и будетъ кормить его, работать для него, если это понадобится. Вы видите—я говорю за нее, въ ея оправданіе, но еслибы вы знали, что я выстрадалъ! О, это можетъ понять только тотъ, кто любилъ, какъ я! Вина въ во всемъ одинъ я. Катя была почти ребенкомъ, когда я женился на ней, и не знала, не понимала жизни, но я понималъ ее и долженъ былъ знать, что такая красавица, какъ она, не можетъ любить меня. Я мечталъ быть счастливымъ и горько ошибся. Дай Богъ, чтобы не ошлблась и она!

Онъ всталъ, но передъ уходомъ предложилъ мнѣ еще одинъ вопросъ:

— Скажите, вы знали, что она не жена Ардищева?

— Да, она сама созналась мнѣ, но, признаюсь, до свиданія съ вами я былъ на ихъ сторонѣ.

— И противъ жестокосердаго мужа, сказалъ онъ, горько улыбнувшись.—Но, повѣрьте мнѣ, я не таковъ. Они убѣжали тайкомъ отъ меня, но я зналъ, гдѣ они, и не преслѣдовалъ ихъ. Я и теперь бы не прѣхалъ, еслибы до меня не дошли слухи о томъ... о томъ, здѣсь онъ опять началъ страшно заикаться и съ трудомъ могъ окончить:—о томъ, что онъ рѣшился бросить ее и жениться на одной богатой дѣвушкѣ, которую сватаютъ ему его родители.

— Неужели! воскликнулъ я.

— Да, и вотъ почему я здѣсь.

Онъ вынулъ изъ кармана письмо и положилъ его передо мною на столъ.

— Письмо это отъ Дмитрія къ одному изъ нашихъ об-

щихъ товарищей. Прочтите его, и вы поймете все. Оно попало ко мнѣ въ руки случайно.

— Когда онъ ушелъ, я прочелъ это письмо. Вотъ оно:

»Любезный другъ

Василій Петровичъ!

Несказанно благодарю тебя за всѣ твои благодѣянія и пишу, чтобы дать вѣсточку о себѣ. Не подумай, пожалуйста, что, упоенный счастьемъ, я забылъ о своихъ добрыхъ товарищахъ, нѣтъ, напротивъ, я вспоминаю ихъ часто и жалѣю только объ одномъ, что ихъ нѣтъ со мною.

Конечно, жизнь моя полна, и я счастливъ. Катя любитъ меня безмѣрно, и я также люблю ее, но ошибается тотъ, кто думаетъ, что любовь женщины, какъ бы она ни была прекрасна, можетъ наполнить жизнь человѣка и замѣнить ему все, къ чему онъ привыкъ съ малолѣтства. Ты удивишься, что я пишу это, но если я скажу тебѣ, что мы живемъ въ глуши, въ деревнѣ, безъ всякаго общества, кромѣ трехъ стариковъ очень добрыхъ, но смѣшныхъ и скучныхъ, то ты поймешь, что и мнѣ не всегда бываетъ весело. Къ скукѣ примѣшиваются и серьезные заботы. Я опять безъ денегъ и сижу, что называется, »à sec«. Тѣ деньги, которыя я успѣлъ собрать передъ нашимъ бѣгствомъ и которыми ты великодушно снабдилъ меня, ушли всѣ на наши странствія съ Катей и на отысканіе тихаго пріюта, гдѣ мы могли бы считать себя безопасными. Этотъ пріютъ найденъ, и мы живемъ въ немъ уже болѣе мѣсяца, но финансовый вопросъ становится все настоятельнѣе, и если ты не пришлешь мнѣ нѣкоторой субсидіи, то мы пропали. Если у тебя нѣтъ своихъ, то займи гдѣ нибудь даже на большіе проценты и вышли по крайней мѣрѣ 400 рублей; я возвращу все разомъ. Намъ необходимо расплатиться съ хозяевами и мнѣ сверхъ того катнуть къ родителямъ, оставивъ Катю здѣсь на время. Отецъ и мать живутъ, какъ тебѣ извѣстно, въ деревнѣ и, конечно, помогутъ мнѣ выпутаться изъ бѣды, но я долженъ явиться лично, писать же имъ нельзя: они не

знаютъ ничего о моихъ отношеніяхъ къ Катѣ и забываютъ тревогу. Сверхъ того у меня есть и другіе планы. Mes bons parents сватаютъ мнѣ очень богатую невѣсту и объ этомъ также не мѣшаетъ подумать. Конечно, я Катю не оставлю на произволь судьбы, но мнѣ жить нечѣмъ, буквально нечѣмъ и надо принять какія либо мѣры.

80 рублей въ мѣсяцъ жалованья, которые я кстати не получаю, такъ какъ числюсь въ отпуску, развѣ это деньги, развѣ на нихъ жить можно? Не осуждай меня, другъ милый, а лучше помоги. Мы съ Катей увлеклись немножко, а теперь приходится отрезвиться. Какъ и что изъ всего этого выйдетъ — не знаю... а пока приходится туго.

Если родители узнаютъ о моемъ романѣ съ Катей, все пропало!

Обнимаю тебя и жду немедленнаго отвѣта».

Въ концѣ письма слѣдовали воспоминанія о какихъ-то общихъ кутежахъ, поклонны друзьямъ и товарищамъ и упоминалось даже имя Мордовцева (добраго Яши), какъ говорилось въ письмѣ. Но изъ тона письма видно было, что авторъ его побаивался Яши, хотя и отзывался о немъ нѣсколько иронически.

Письмо производило отвратительное впечатлѣніе и могло быть написано только отъявленнымъ негодяемъ и, самымъ черствымъ эгоистомъ. Я пожелалъ отъ души, чтобы оскорбленный мужъ проучилъ хорошенько этого негодяя, и, признаться, удивлялся, какъ могла его полюбить женщина съ душою и сердцемъ.

III

На другой день утро было чудесное. Я всталъ рано и поджидалъ свою спутницу, по уговору съ ней, на дорогѣ къ мельницѣ. Я ничего не сказалъ ей ни о приѣздѣ Мордовцева, ни о предстоящемъ свиданіи съ нимъ. Я боялся

испугать ее да и разговаривать при другихъ съ вечера было невозможно. Я рѣшился предупредить Екатерину Васильевну дорогою и предложить ей идти далѣе или вернуться домой, не повидавшись съ мужемъ. Съ первыхъ же словъ я увидѣлъ, какъ поразили ее мои извѣстія. Она поблѣднѣла, вся затряслась и, остановившись, схватила меня за руку

— Ради Бога, вернемся скорѣе! я не хочу, не могу его видѣть.

— Какъ хотите, отвѣтилъ я,—но врядъ ли это будетъ справедливо. Онъ пріѣхалъ съ самыми миролюбивыми намѣреніями, предлагаетъ вамъ полную свободу и желаетъ только одного—вашего счастья и спокойствія.

— Все равно, я не хочу его видѣть.

— Послушайте, мужъ вашъ несомнѣнно честный и великодушный человѣкъ, и вы напрасно уклоняетесь отъ свиданія съ нимъ; оно можетъ повліять на все ваше будущее.

— О, да, онъ святой человѣкъ, но я падшая грѣшница и взглянуть ему въ глаза у меня не хватаетъ духа.

— И полноте! пожалѣйте потомъ да будетъ поздно.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, но опять остановилась.

— А если онъ убьетъ его?

— Кого?

— Дмитрія.

— О, не беспокойтесь; я говорю вамъ, что намѣренія его самыя миролюбивыя.

— А если Дмитрій убьетъ его?

— Ну, это еще менѣе вѣроятно.

Мы опять подвинулись впередъ.

Бѣдная женщина была внѣ себя отъ страха и волненія. Мнѣ было искренно жаль ее, но я былъ убѣжденъ, что дѣйствую въ ея интересахъ.

— Неужели вы такъ мало знаете жизнь и людей, началъ я ее уговаривать,—что вѣрите въ романы и думаете,

что въ дѣйствительной жизни они всегда кончаются неизмѣнной любовью? Какъ часто напротивъ приходится пожалѣть о томъ... здѣсь я пріостановился, чувствуя всю неловкость моего положенія, но, рѣшившись договорить до конца, твердо сказалъ ей: — ну, о томъ, что вы связали себя съ человѣкомъ, недостойнымъ вашей любви.

Она посмотрѣла на меня такъ, какъ будто хотѣла спросить: зачѣмъ ты меня мучаешь?.. я и такъ страдаю.

Но я былъ неумолимъ и продолжалъ:

— Катерина Васильевна, всѣ люди дѣлаютъ ошибки, но, сознавши свою ошибку, имѣютъ твердость ее исправить. Неужели разъ допущенный самообманъ долженъ длиться всю жизнь и загубить вашу молодость и силы?

Все это были, конечно, фразы, не дѣйствовавшія на ея истерзанное сердце, но не могъ же я въ самомъ дѣлѣ сказать ей: вашъ Дмитрій негодяй, эгоистъ самый черствый и никогда не любилъ васъ. Да еслибы я и сказалъ, все равно она бы не повѣрила.

Мы шли лѣсной дорогой. Выпавшая за ночь сильная роса еще не обсохла, деревья и трава были мокры, воздухъ пропитанъ лѣснымъ ароматомъ, но, спутница моя тяжело дышала и казалась утомленной.

— Сядьте, отдохните, сказалъ я ей.

Она сѣла на большой камень и опустила руки на колѣни.

— Вы всѣ измокли, продолжалъ я, взглянувъ на ея непокрытую голову и забрызганное рососою платье, — смотрите, не простудитесь.

Она опять взглянула на меня тревожнымъ, вопрошающимъ взглядомъ, будто хотѣла упрекнуть меня въ чемъ-то. Я страдаю, выражалъ ея взглядъ, сейчасъ должна рѣшиться судьба моя, а вы говорите о простудѣ.

Птичка вспорхнула съ куста, — она вздрогнула. Шумъ колесъ послышался за нами по дорогѣ, она вскочила и какъ будто боясь погони, спряталась за кусты; но это ока-

зался мужикъ Фролъ, ѣхавшій съ мѣшками на мельницу. Онъ снялъ шапку и поклонился мнѣ.

— На мельницу, Фролъ? спросилъ я его.

— На мельницу, Миколай Иванычъ, отвѣчалъ онъ и обогналъ насъ.

— Я боюсь, сказала Катерина Васильевна, выходя на дорогу: — меня увидятъ.

— Никого здѣсь нѣтъ, успокойтесь.

— Голова моя въ огнѣ, отвѣчала она, приложивъ къ лбу руки:—я ничего сообразить не могу и боюсь, что упаду, не дойдя до мельницы.

— Теперь ужъ не далеко.

И дѣйствительно, до насъ долеталъ стукъ мельницы и слышался шумъ водопада, который стремился внизъ изъ-подъ широкой плотины.

— Не могу, проговорила она: — мнѣ кажется я иду на казнь и меня убьетъ сейчасъ что-то страшное, что тамъ грохочетъ.

Она пошатнулась и упала бы, еслибы я не поддержалъ ея.

— Николай Ивановичъ, я умираю, я не переживу этого страха и мученья!

Агонія ея сообщилась и мнѣ.

— Идемъ назадъ! воскликнулъ я:—все равно изъ этого свиданья ничего не выйдетъ.

Я сдѣлалъ шагъ назадъ, но она схватила меня за руку и быстро повлекла впередъ. Лѣсъ уже кончался, и въ ста шагахъ отъ насъ виднѣлась мельница съ ея постройками, рѣка, запруда и клокотавшій потокъ по другую сторону деревяннаго моста.

На мосту стоялъ онъ безъ шапки, въ бархатной курткѣ, въ высокихъ сапогахъ.

Онъ бросился къ ней, какъ только ее завидѣлъ, упалъ передъ нею на колѣни, заплакалъ, зарыдалъ, сталъ цѣловать полы ея платья.

И хотѣлъ отойти и оставить ихъ вдвоемъ, но она крѣпко схватилась за мою руку и повлекла меня къ мосту.

— Катя, моя Катя! стоналъ онъ, слѣдуя за нею: — вернись ко мнѣ, я все прощу, я все забуду!

Она молча покачала головой, но не оттолкнула его отъ себя, когда онъ опять ухватился за ея платье.

— Я буду отцомъ твоимъ, а не мужемъ, вернись!

Страхъ, отчаяніе, упоеніе ея близостью, страстная любовь къ ней горѣли въ его глазахъ.

— О! прости меня, прости! говорилъ онъ: — это я во всемъ виноватъ, я долженъ былъ понять, что ты любить меня не можешь.

— Прости и ты меня, проговорила она, крѣпко держась за мою руку: — но вернуться я не въ силахъ.

— А если онъ бросить тебя, оставить одну?

— Онъ этого не сдѣлаетъ.

— А если оставить когда нибудь?

— Никогда! это ложь, клевета на него! пусти меня!

Она вся вспыхнула и задрожала. Но и въ немъ проснулся звѣрь.

— Убью! убью! вдругъ закричалъ онъ, замахнувшись надъ самой ея головой огромной дубиной, которая случайно попала къ нему подъ руку.

Она не отодвинулась ни на шагъ назадъ и, взглянувъ ему прямо въ глаза, твердо сказала:

— Убей!

Но уже онъ швырнулъ дубину въ сторону, и она, крутясь и прыгая по камнямъ, понеслась по водѣ.

Все это произошло въ одно мгновеніе и такъ быстро, что я не успѣлъ заслонить ее. Онъ стоялъ съ поникшею головою и не глядѣлъ на насъ.

Вдругъ его поразила какая-то мысль: онъ ударилъ себя по лбу и закричалъ на меня:

— Письмо, письмо!

Я вынулъ изъ кармана и подаль ему вчерашнее письмо.

Онъ схватилъ этотъ кусокъ бумаги и близко поднесъ къ ея глазамъ.

— Чей это почеркъ? говори!

— Но она молчала, врядъ ли понимая, о чемъ ее спрашиваютъ.

— Его почеркъ, ты видишь, его?

— Его, повторила она машинально.

— Онъ пишетъ, что хочетъ бросить тебя и жениться на другой, богатой, вотъ тутъ пишетъ, вотъ, вотъ, смотри!

Но въ глазахъ у него рябило, руки тряслись, и онъ не могъ найти того мѣста въ письмѣ, которое искалъ. Онъ скомкалъ письмо, швырнулъ его на мостъ и затопталъ ногами.

— Вотъ онъ читалъ, закричалъ онъ, указывая на меня: — вчера читалъ, спроси его.

Но я молчалъ, боясь проронить слово.

— Правда ли? говори! И онъ сталъ трясти меня за плечи.

Она глядѣла на меня, широко раскрывъ глаза.

— Правда, отвѣтилъ я, кивнувъ головою.

Но слово мое и движеніе головы имѣли роковыя послѣдствія.

Она застонала, точно кто нибудь ударилъ ее ножомъ въ сердце, вырвала свою руку изъ моей, вздохнула и въ одинъ мигъ прыгнула черезъ перила въ рѣку. Мужъ въ ту же минуту бросился за ней, и оба они закружились въ страшномъ водоворотѣ, ударяясь о большіе камни, скрываясь подъ водою, вновь всплывая на поверхность и окрашивая кровью водяную пѣну.

— Лодку, лодку! закричалъ кто-то. Двое рабочихъ съ мельницы бросились за лодкой. Но Мордовцевъ сильною рукою схватилъ утопавшую за длинную распустившуюся косу и притянулъ къ берегу, гдѣ мужики подхватили ее. Вслѣдъ за ней вытащили и его, но онъ тутъ же упалъ безъ чувствъ на мокрый песокъ.

— За докторомъ, за докторомъ! кричали голоса изъ собравшейся толпы. Но доктора не нашли и привели фельдшера изъ сосѣдней деревни.

Наклонившись надъ барыней, онъ сталъ осматривать ей голову и слушать дыханіе. Увы! голова была пробита, изъ глубокой раны сочилась кровь. Она лежала у самаго берега съ изодраннымъ платьемъ, распущенною косою, съ обнаженною бѣлою грудью.

— Скончалась! сказалъ фельдшеръ, отходя въ сторону. Всѣ сняли шапки и перекрестились.

Я стоялъ возлѣ покойницы и рыдалъ какъ ребенокъ.

Мордовцева привели въ чувство; онъ открылъ глаза, но не узнавалъ никого и очевидно не сознавалъ того, что случилось. Его унесли на носилкахъ въ ближайшую больницу; утопленницу накрыли бѣлой простыней и оставили на пескѣ у берега, до прибытія полиціи.

Что описывать далѣе?

Прискакали Чулковы и виновникъ всѣхъ бѣдъ, Дмитрій Ардищевъ. Бѣдный капитанъ ходилъ взадъ и впередъ какъ пришибленный, Марья Кузьминшна причитала и убивалась, обнимая покойницу:

— Загубили, загубили несчастную! рыдала она: — это онъ, злодѣй, загубилъ!

Она разумѣла подъ этимъ мужа, и такъ же отнеслась къ нему и стоглавая молва, но настоящій виновникъ скрылся куда-то, испугавшись, должно быть, преслѣдованій.

Яковъ Александровичъ Мордовцевъ выздоровѣлъ, къ счастью, пролежавъ долго въ больницѣ. У него оказались только сильные ушибы, но ранъ и серьезныхъ поврежденій не было. Осталась рана въ сердцѣ, не зажившая, неизлечимая.

Онъ поселился въ нашихъ краяхъ, купивъ имѣніе у Чулковыхъ, которые не захотѣли болѣе жить въ немъ, срылъ злополучную мельницу, построивъ церковь на томъ

мѣстѣ, гдѣ погибла его Катя, и воздвигъ великолѣпный памятникъ на ея могилѣ.

Онъ посвятилъ свою дальнѣйшую дѣятельность благодѣтельствуванію нашихъ мѣстъ: выстроилъ больницу, школу и пріютъ для дѣтей во имя святой Екатерины, помогалъ крестьянамъ и кормилъ ихъ въ неурожайные годы, словомъ сдѣлался общимъ благодѣтелемъ, а моимъ другомъ и ближайшимъ сосѣдомъ, взамѣнъ супруговъ Чулковыхъ, съ которыми мы изрѣдка переписываемся.

Изъ этихъ писемъ мы узнали, что Виссаріонъ Павловичъ вдругъ захирѣлъ и сталъ страдать ревматизмами и другими болѣзнями.

Бури, конечно, бывали и на новомъ озерѣ, на берегахъ котораго капитанъ поселился, но *онъ уже не споритъ болѣе и не борется съ ними*, руки его ослабѣли, и онъ не въ силахъ держать ни паруса, ни руля. Ему остается отнынѣ одно—сидѣть печально на берегу и любоваться какъ другіе катаются по бурнымъ волнамъ, сознавая, что его время прошло и не вернется никогда болѣе. Марья Кузьминична все еще бодра, ухаживаетъ за больнымъ мужемъ и распоряжается всѣмъ въ домѣ. О бывшей ихъ жилищъ-красавицѣ они оба часто вспоминаютъ и разъ въ годъ, въ день ея смерти, служатъ панихиду по грѣшной душѣ ея.

О Дмитріѣ Ардищевѣ мы долго не имѣли никакихъ извѣстій, но въ одинъ прекрасный день онъ неожиданно появился. Его узнать было нельзя, такъ онъ исхудалъ, осунулся и выцвѣлъ. Съ нимъ произошли большія перемѣны и случились разныя крушенія. Онъ женился на богатой наслѣдницѣ, которую сосватали ему его покойные родители, но жена бросила его, увезя съ собою и всѣ свои капиталы. Дмитрій опять сѣлъ на мель и, впутавшись въ какую-то некрасивую исторію, былъ уволенъ отъ службы. Онъ жилъ неизвѣстно чѣмъ и какъ по разнымъ губернскимъ городамъ и столицамъ, покуда не надумалъ навѣдаться въ наши края подъ предлогомъ поклоненія праху незабвенной Кати,

а кстати и въ надеждѣ покредитоваться у бывшего мужа ея, добраго Яши, своего товарища.

Онъ прикинулся несчастнымъ, вѣчно горяющимъ по покойницѣ и такъ убивался, что Мордовцевъ сжалился надъ нимъ. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ передъ обѣдомъ и вошелъ къ намъ въ домъ (мы жили тогда съ Яковомъ Александровичемъ вмѣстѣ) такимъ униженнымъ и пристыженнымъ, что даже мнѣ стало жаль его.

— Яша, сказалъ онъ, остановившись у дверей съ поникшей головой: — добрый Яша, примешь ли ты меня? я Дмитрій Ардищевъ.

Яша, у котораго сердце было доброе, смутился, поблѣднѣлъ, сталъ страшно заикаться и кончилъ тѣмъ, что, протянувъ руку старому товарищу, пригласилъ его обѣдать. Пріѣзжій должно быть сильно проголодался, потому что ѣлъ за двоихъ и выпилъ много вина. Послѣ обѣда онъ сталъ просить позволенія поклониться праху незабвенной Кати, и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ на кладбище.

Тамъ онъ разыгралъ сцену, не знаю притворную или настоящую: упалъ на колѣни передъ могилой, кланялся въ землю, билъ себя въ грудь, плакалъ и рыдалъ громко. Мордовцевъ, чуткій ко всякому горю и страданію, въ особенности же ко всему тому, что касалось памяти его Кати, тоже прослезился, а когда мы вернулись домой и Дмитрій сталъ собираться на станцію желѣзной дороги, то пригласилъ его переночевать у насъ.

Сраженіе было выиграно.

Дмитрій прогостилъ у насъ цѣлую недѣлю, а когда наконецъ уѣхалъ, щедро снабженный Яшей русскими кредитными билетами, то клялся и божился, что отнынѣ вся дума его останется на кладбищѣ, на тихой могилкѣ Кати, и вся жизнь его, всѣ помыслы будутъ посвящены памяти о ней.

Я удивлялся такому нахальству и когда выразилъ свое негодованіе Якову Александровичу, то онъ, вздохнувъ, отвѣтилъ мнѣ:

— Бѣдный! ему голову некуда преклонить. Конечно; онъ любилъ ее — кто-жъ не любилъ?

Съ тѣхъ поръ посѣщенія Ардищева стали повторяться. Ему видимо понравилось у насъ. Домъ былъ просторный, обѣдъ вкусный, и даже дорогія сигары хозяина онъ курилъ съ большимъ удовольствіемъ. Снабжалъ ли его Яковъ Александровичъ вновь деньгами — я не знаю, эти обороты дѣлались втайнѣ отъ меня, но должно быть снабжалъ, потому что Дмитрій пріодѣлся, выкупилъ золотые часы, которые были у него въ закладѣ, и вообще казался не такимъ жалкимъ, какъ въ первый разъ, какъ онъ появился у насъ. Занятій у него никакихъ не было, какъ онъ самъ признавался намъ, да и облѣнился онъ до того, что уже ни къ какой работѣ не былъ годенъ.

Когда онъ гостилъ у насъ, то большую часть дня лежалъ на диванѣ, не читалъ ничего кромѣ газетъ, да и тѣ съ трудомъ, а за обѣдомъ такъ напивался, что тотчасъ же засыпалъ и просыпался только къ ночи, когда ему не спалось и онъ бродилъ по дому и вздыхалъ, увѣряя, что тоскуеть о прошедшемъ. Но онъ тосковалъ о картахъ и о водочкѣ, которую втайнѣ потягивалъ.

Я намекалъ не разъ Мордовцеву, что онъ напрасно кормить этого тунеядца, но онъ не внималъ моимъ протестамъ.

Меня удивляло одно: какъ онъ могъ выносить этого человѣка, такъ жестоко его оскорбившаго. Но безконечная доброта Якова Александровича мирилась со всѣмъ, даже съ Дмитріемъ Ардищевымъ. При этомъ онъ вѣрилъ въ искренность его чувствъ, находилъ въ нихъ что-то сродное со своимъ собственнымъ горемъ и, забывая бывшего соперника, видѣлъ въ немъ только несчастнаго человѣка.

Я невольно начиналъ думать, что Яковъ Мордовцевъ просто святой, что онъ истинный христіанинъ, любящій своихъ враговъ, а можетъ быть и послѣдователь ученія о непротивленіи злу. Я сталъ его допрашивать и узналъ, что онъ

много думалъ и читалъ о поученіяхъ этого философа и даже ѣздилъ къ нему въ имѣніе на пономничество.

Все видѣнное и слышанное имъ тамъ произвело на Мордовцева глубокое впечатлѣніе, и, вернувшись домой, онъ пробовалъ даже пахать землю, но толщина и усилившаяся одышка помѣшали ему продолжать эти упражненія.

Въ одно изъ посѣщеній своихъ Ардищевъ вдругъ захворалъ и слегъ въ постель. Нужно было видѣть, какъ встревожился Яша. Онъ сейчасъ же послалъ за докторами, самъ ходилъ за больнымъ и плакалъ, когда Ардищеву становилось хуже. Любящая мать не могла бы такъ ласкать и лелѣять своего сына. Онъ называлъ его самыми нѣжными именами: »Митя, Митюшка, мой голубчикъ«; а когда Дмитрій, благодаря тщательному уходу за нимъ, поправился, то Яша объявилъ, что онъ будетъ отнынѣ жить у насъ, такъ какъ здоровье его еще плохо и ему нуженъ деревенскій воздухъ.

Я помню хорошо, какъ въ первый разъ, когда выздоравливающій вышелъ на балконъ, Мордовцевъ горячо обнялъ его и сталъ просить у него прощенія.

— Въ чемъ же? спросилъ удивленный Дмитрій, сознававшій, что кромѣ добра ему ничего не сдѣлали.

Но Яша продолжалъ просить прощенія, заикаясь и увѣряя, что онъ все-таки питалъ къ нему затаенную злобу и ревновалъ къ покойницѣ, что великій грѣхъ, но что теперь онъ все простилъ, простилъ окончательно.

— Отнынѣ, заключилъ онъ, вновь обнимая Митю, — мы будемъ жить вмѣстѣ и любить всѣхъ людей, своихъ ближнихъ и братьевъ по Христу.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ въ заключеніе всей этой трагической исторіи.

Яковъ Александровичъ Мордовцевъ, этотъ образецъ мужей и христіанскаго смиренія, въ одинъ прекрасный день умеръ отъ удара и его похоронили возлѣ жены его, въ могилѣ имъ самимъ для себя уготованной.

Онъ былъ оплакиваемъ всѣми, отъ мала до велика, какъ общій благодѣтель. Состояніе свое онъ завѣщалъ ка-кимъ-то бѣднымъ родственникамъ, обратившимся въ бога-тыхъ, но все-таки 20 тысячъ оставилъ Дмитрію Арди-щеву, назначивъ меня душеприкащикомъ по духовному за-вѣщанію. Получивъ эти 20 тысячъ, Дмитрій исчезъ и болѣе не возвращался на поклоненіе могилъ незабвенной Кати.

Ив. Ахшарумовъ

М А Ю М Е

Крымское сказаніе

I

Въ горахъ ауль Гузель-Аба
Героевъ храбростью прославленъ.
Его, какъ щить, хранить судьба,
И отъ гяуровъ онъ избавленъ.
Но не оружемъ дорогимъ,
Не лошадьми, не блескомъ злата, —
Богатствомъ славятся другимъ
Сыны Аллаха и булата:
Тамъ дѣвы всѣ, какъ на подборъ,
Красой плѣнительною блещутъ:
Онѣ ласкаютъ нѣгой взоръ,
Отъ ихъ очей сердца трепещутъ.
Но въ небѣ мѣсяць золотой
Жемчужныхъ звѣздочекъ свѣтлѣе —
Сынамъ пророка красотой
Одна черкешенка милѣе.
Чалмы Казбека нѣженъ снѣгъ,
Какъ грань чистѣйшаго алмаза,
И все-жъ завидуетъ Казбекъ
Лицу красавицы Кавказа.

»Ташлы-юрекъ« *) — о Маюме
 Твердятъ отважные джигиты.
 »Глаза ея, какъ свѣтъ въ тюрьмѣ,
 Да будутъ смертными забыты.
 Любви капризный вѣтерокъ,
 Увы, ей сердце не тревожить.
 Блаженству райскому пророкъ
 Готовитъ дѣвушку быть можетъ!»

Но тайна всѣмъ, какъ небеса,
 Какъ ликъ Аллаха — человѣку,
 Что незабвенная краса
 Сіяетъ бѣдному абреку,
 Что чаровница Маюме
 Къ нему любовью пылкой дышетъ.
 Лобзаній ихъ въ полночной тьмѣ
 Ни звѣрь, ни птица не услышитъ.
 Не подглядятъ объятій ихъ
 Ничьи завистливыя очи.
 Съ шатровъ лишь темноглубыхъ
 Союзъ тотъ въ гимнахъ золотыхъ
 Благословляютъ звѣзды ночи.

II

Заря погасла. По лощинамъ
 Змѣится сумрачный туманъ.
 Плыветъ къ заоблачнымъ вершинамъ
 Румяныхъ тучекъ караванъ.
 На задремавшій виноградникъ
 Ложится жемчугомъ роса.

*) Каменное сердце.

Спѣши! спѣши, усталый всадникъ:
 Темнѣютъ быстро небеса.
 И, какъ драконъ, съ отверзтой пастью
 Къ Казбеку туча держитъ путь,
 Своей жестокой, грубой властью
 Грозя чалму его стряхнуть.
 Но вдругъ, столкнувшись съ нимъ, въ безсилы
 Къ груди прильнула старика —
 И, какъ надломленныя крылья,
 Повисли въ небѣ облака.
 Вонъ съ ядовитою улыбкой
 Разверзла мрачно бездна пасть.
 И дива нѣтъ во тьмѣ ошибкой
 Туда неловкому попасть.
 Но смѣль, привыченъ конь абрека,
 Черкесу мрачный путь знакомъ,
 А противъ злого человѣка —
 Кинжалъ, винтовка за плечомъ.
 Не разъ онъ здѣсь, порой счастливой,
 Въ златистый вечеръ и во тьмѣ
 Спѣшилъ съ отвагой горделивой
 Къ своей царицѣ — Маюме.
 Не страшень путь душѣ джигита.
 Коранъ отъ демона хранить...
 Зачѣмъ же сердце ядовито
 Змѣя предчувствія язвить?..

Вотъ мшистый камень близъ дороги...
 Тропа — налѣво отъ него...
 Абрекъ спрыгнулъ съ коня, въ тревогѣ
 Глядитъ и внемлетъ... Никого.
 Она прійдетъ... Рѣшиться нынѣ
 Должна ихъ общая судьба...

Въ груди черкеса, какъ въ пучинѣ,
 Кипитъ мятежная борьба:
 Ея отецъ... Но, Боже! Боже!
 Ужель душѣ его дороже
 Богатство и почетъ людей,
 Чѣмъ счастье дочери своей?..

Стоитъ недвижно конь послушный,
 Наѣздиикъ подъ гору идетъ,
 Къ ущелью, гдѣ потокъ реветъ,
 Какъ злобный хищникъ въ клѣткѣ душной.
 Пробилъ свиданья часъ, и вотъ
 Абрекъ зурнѹ свою беретъ,
 Чтобъ пѣсней знакъ подать условный,
 И струны, точно шумъ дубровный
 При полуночномъ вѣтеркѣ,
 Вздыхаютъ въ трепетной тоскѣ.
 И, этимъ нѣжнымъ звукамъ вторя,
 Звучатъ призывныя слова,
 И льется пѣснь тоски и горя,
 Любви, надеждъ и торжества:

»Волей неба часъ урочный
 Робко ждетъ роса,
 Чтобъ съ любовью непорочной
 Вновь сойти на доль цвѣточный,
 Въ горы и лѣса.

Волей неба мѣсяцъ ясный
 Ждетъ завѣтный часъ,
 Чтобъ взглянуть съ улыбкой страстной
 На угрюмый, но прекрасный
 И родной Кавказъ.

Звѣзды съ грустью затаенной
 Въ небѣ голубомъ
 Ждутъ блаженства ночи сонной,
 Чтобъ надъ снѣжною короной
 Засяять вѣнцомъ.

Но тюркуджи *) вдохновенный
 Въ томной полутьмѣ
 Ждетъ свиданья часъ блаженный,
 Какъ никто во всей вселенной,
 Съ милой Маюме».

Послѣдній звукъ зурны смолкаетъ...
 Увы, одна лишь тишина
 Бездушнымъ эхомъ отвѣчаетъ,
 Да безпокойная волна
 О камни бьетъ, какъ тяжкій молотъ;
 И, полны вѣчной красоты,
 Стоять, луною облиты,
 Громады горъ... Мертвящій холодъ
 Абреку сердце пронизаль...
 Онъ вновь въ сѣдлѣ — и поскакалъ.
 Абрекъ коня къ аулу гонить,
 И конь летитъ, охваченъ мглой,
 А сердце пламенное стонетъ,
 Какъ голубь, раненый стрѣлой.
 Абрекъ у милаго порога.
 Не видно дѣвушки лица.
 Но что за странная тревога
 Въ покояхъ стараго отца?
 Старикъ возводитъ къ небу взоры
 И съ воплемъ лишь твердитъ, что дочь

*) Пѣвецъ.

Пошла встрѣчать абрека въ горы —
 И не вернулась въ эту ночь!..
 Абрекъ не слышитъ словъ печали.
 Отвагой юный взоръ блеснулъ.
 Конь вздрогнулъ... Мигъ, и въ синей дали
 Женихъ несчастный потонулъ.

III

Волшебный край любви и нѣгъ,
 И дружбы ласковой и чудной!
 Жилище, горы, человѣкъ
 Родные тамъ, какъ съ моремъ — брегъ,
 Какъ съ берегомъ — тополь изумрудный.
 Тамъ ночью царство дивныхъ грезъ.
 Тамъ цѣлый міръ чудесъ, сіянья!..
 Тамъ ароматъ магнолій, розъ
 Пьянитъ, какъ жгучее лобзанье.
 Тамъ кипарисъ стрѣлой растеть,
 Безсмертный лавръ благоухаетъ,
 И мѣсяцъ съ влагой темныхъ водъ
 Дождемъ брильянтовымъ играетъ.
 Звончѣй тамъ пѣсни соловья,
 Милѣй паденье водопада
 И говоръ горнаго ручья,
 И моря синяго струя,
 И въ зной — древесная прохлада.
 Но непонятна и чужда
 Ему краса Тавриды дивной:
 Онъ росъ безсмѣнные года
 Съ роднымъ Кавказомъ неразрывный.
 Его онъ пламенно любилъ,

Какъ любить ширь небесъ орленокъ,
 И въ сердцѣ ликъ его носиль,
 Какъ образъ матери — ребенокъ.
 Не знаетъ устали джигить;
 Не меркнетъ юная отвага...
 День, зарождаясь, золотить
 Хребетъ горбатый Аю-Дага.
 Блѣднѣть серпъ златой луны.
 Въ вѣнцѣ лучей восходитъ утро.
 На небесахъ, какъ ночи сны,
 Сквозятъ отливы перламутра.
 Съ долинъ сѣдой туманъ встаетъ.
 Зефиръ дохнулъ, благоухая,
 И море солнцу гимнъ поетъ,
 Цвѣтами радуги сверкая.
 Великъ Аллахъ! Видна на всемъ
 Его священная забота:
 Какъ звѣздамъ въ небѣ голубомъ,
 Такъ высшимъ милостямъ нѣтъ счета!
 Цвѣтокъ росой онъ напоиль,
 Дохнулъ на землю животворно,
 На мирный трудъ благословиль
 Жнеца, собирающаго зѣрна.
 Ужели Онъ осиротитъ
 Надежды сердца молодого?
 Не знаетъ устали джигить,
 Но грудь тоска гнететъ сурово.
 Но конь усталъ. Уже съ небесъ
 Полдневнымъ зноемъ солнце пышетъ.
 Листвой не дрогнетъ темный лѣсъ,
 Волною море не колышетъ.
 Истомы полная земля

Вся замерла подъ лаской жгучей,
 И недвижимы тополя
 Надъ бездной, на скалѣ горючей.
 Вонъ изумрудный звонкій жукъ
 Сокрылся въ чащѣ мака красной.
 Орелъ на небѣ чертитъ кругъ,
 Чернѣя точкою неясной.
 На мшистыхъ камняхъ и скалѣ
 Мелькають ящерки и змѣи,
 И тонетъ моря даль во мглѣ,
 Какъ въ серебристой дымкѣ феи.
 Вездѣ царить волшебный сонъ.
 Лишь слышенъ ропотъ водопада
 Да звонъ ручья, немолчный звонъ,
 Да монотонная цикада.
 Пора, наѣздникъ, отдохнуть!
 Томится жаждой конь вспѣнѣнный.
 И вотъ Абрекъ спѣшитъ свернуть
 Съ своей дороги въ лѣсъ зеленый.
 Не разъ ужъ слышалъ онъ, что тамъ
 Живетъ старикъ необычайный,
 Что на землѣ его очамъ
 Открыты всѣ дѣла и тайны.
 »Что случилось съ милой? Гдѣ она?
 Тупая мысль его тревожить,
 »Куда и кѣмъ увезена?
 Старикъ найти ее поможетъ!..«
 Увы, надежды кратокъ мигъ...
 Подъ острымъ горемъ сердце вянетъ...
 Напрасно ты главой поникъ:
 Любовь — вѣрнѣйшій проводникъ,
 Любовь джигита не обманетъ.

IV

Въ лѣсной глуши отшельникъ жилъ.
Онъ съ малолѣтства не взлюбилъ
Земную жизнь съ ея пустой,
Тлетворной, мелкой суетой.
Душою чуткой онъ постигъ
Тщету всѣхъ радостей земныхъ,
Тщету восторговъ и надеждъ,
Утѣху женщинъ и невѣждъ.
И отъ жилищъ людскихъ, гдѣ зло
Гнѣздо ужасное свило,
Онъ удалился въ лѣсъ глухой.
Тамъ непорочною рукой
Въ землѣ онъ вырылъ темный гротъ —
Пріютъ отъ бурь и непогодъ.
Служили пищею ему
Коренья, медъ, и потому
Дружила съ нимъ лѣсная птица,
Орелъ и хищная волчица.

Абрекъ пустилъ коня къ ручью,
И самъ кристальную струю
Онъ съ жаждой пьетъ неутолимой:
Какъ будто хочетъ онъ въ груди
Залить огонь неугасимый.
Потомъ онъ видитъ: впереди,
Едва прикрытъ одеждой бѣдной,
Стоитъ старикъ худой и блѣдный;
И дружной стаею за нимъ
Летятъ довѣрчивыя птицы,

А. онъ съ улыбкой кроткой имъ
Бросаетъ зернышки пшеницы.

Вотъ пришлеца замѣтилъ онъ;
Его явленьемъ изумленъ,
Взоръ вопрошающе — безмолвный
Остановилъ на немъ, и тотъ,
Спѣша, къ отшельнику идетъ
И, безконечной грусти полный,
Колѣни клонить передъ нимъ
И говорить, тоской томимъ:

»Старикъ! Я слышалъ, что Аллахъ
Тебя перстомъ Своимъ отмѣтилъ,
Что, какъ звѣзда на небесахъ,
Твой духъ непогрѣшимъ и свѣтель.
О, если такъ, — скажи, молю:
Гдѣ та, которую люблю?
Гдѣ Маюме?.. О, я добуду
Ее, хотя бы самъ Аллахъ
Себѣ ее похитилъ! Ахъ,
Открой лишь, гдѣ она? И буду,
Клянусь, тебѣ служить потомъ
Собакой подлюю! Рабомъ!
О, облегчи мнѣ горе!.. Или
Не видишь ты, какъ мучусь я?
Вѣдь въ ней одной вся жизнь моя,
А безъ нея — милѣй въ могилѣ.
Пойми, старикъ: вѣдь я возросъ
Въ чужой семьѣ и отъ рожденья
Извѣдалъ горечь жгучихъ слезъ,
Насмѣшки, холодъ и презрѣнье.

Я былъ одинъ... Госкливъ, угрюмъ...
 Я ненавидѣлъ бранный шумъ...
 Одна лишь мнѣ была отрада:
 Слѣдить за звѣздами небесъ,
 Глядѣть на бездны, горы, лѣсъ
 Да слушать стоны водопада.
 Одинъ любимый, вѣрный другъ
 Былъ у меня и мой досугъ
 Со мной дѣлилъ въ уединеньи:
 Моя зурна; одной лишь ей
 Ввѣрялъ я скорбь души моей,
 Мои мятежныя волненья.

Но вотъ, какъ лучъ звѣзды во тьмѣ,
 Очамъ предстала Маюме
 И путь мой бѣдный озарила.
 Старикъ! Она меня любила!
 Я счастливъ былъ... Ея отецъ
 Богатъ и знатенъ... Я — пѣвецъ.
 Даръ пѣсенъ — все мое богатство.
 И долго на мои мечты
 Глядѣлъ онъ гордо съ высоты,
 Какъ на слѣпое святотатство.

Но вотъ, въ тотъ мигъ, какъ изъ-за тучъ
 Готовъ блеснуть былъ яркій лучъ
 Душѣ моей, — звѣзда пропала...
 О, помоги! Молю тебя!
 Я кровью изойду, любя!
 Тоска мнѣ душу истерзала!«

Съ Абрека не спуская глазъ,
 Его безхитростный разговоръ
 Отшельникъ выслушалъ, и вотъ

Онъ гостя за руку беретъ
И тихо сѣсть велить съ собой
На дубъ, поверженный грозой.
И въ глубинѣ его очей,
Погасшихъ для земныхъ скорбей,
Прочестъ теперь бы всякій могъ
И сожалѣнье, и упрекъ.
Кому? быть можетъ небесамъ.
Они для мукъ и горя намъ
Послали призракъ въ царство тьмы.
Его зовемъ *любовью* мы.
Она на мигъ насъ оживить
Своимъ обманчивымъ лучомъ
И, растерзавши грудь, огнемъ
Въ ней сердце все испепелить.

И говоритъ старикъ: »Мой сынъ
Всевѣдущъ лишь Аллахъ одинъ,
И лишь невѣдѣнье одно
Рабу земли въ удѣлъ дано.
Мы съ нимъ родимся, съ нимъ живемъ,
Съ нимъ въ землю мрачную сойдемъ.
Но все же выслушай меня:
Тому назадъ четыре дня
Здѣсь, по пути въ Бахчисарай,
Промчались всадники... Средь нихъ
Я видѣлъ плѣнницъ молодыхъ,
Которымъ чуждъ былъ этотъ край.
Одну въ толпѣ замѣтилъ я.
Быть можетъ то звѣзда твоя.
Въ ней было все, что мѣръ земной
Зоветь цвѣтущей красотой.

Но грустенъ былъ прекрасный взоръ,
 Лицо какъ горный снѣгъ бѣло,
 Какъ будто грозное крыло
 Надъ нею Азраиль простеръ».

»Она! Она была средь нихъ!«
 Вскричалъ Абрекъ, и въ тотъ же мигъ,
 Онъ, на усталость не взирая,
 Стремится, точно горный снѣгъ,
 Съ вершинъ покинувшій Казбекъ,
 Туда, къ вратамъ Бахчисарая.

V

Въ уныньи весь Бахчисарай.
 Тоскуеть ханъ, рабы и дѣвы.
 Гаремъ, плѣнительный какъ рай,
 Не оживляютъ ихъ напѣвы:
 Больна опасно Маюме —
 Звѣзда мечтаній падишаха.
 Наука ползаетъ во тьмѣ
 Предъ властной волею Аллаха.
 Холодный ангелъ смерти всталъ
 Къ ея одру, какъ призракъ черный.
 Его невидимый кинжалъ
 Не пощадитъ царицы горной.
 Вдали родимой стороны
 Угаснетъ жизнь въ борьбѣ мятежной,
 Какъ влага пѣнная волны
 Дробится у скалы прибрежной.
 Но, скорбь! заката не мрачи!
 Здѣсь, на землѣ, предъ смертью снова
 Блеснутъ душѣ ея лучи

Любви, блаженства неземного.

Ужъ милый близко у дворца.

По договору съ властнымъ ханомъ

Врачомъ съ Кавказа самозваннымъ

Къ больной пропустятъ удалыа.

Но смерть близка; ея дыханье

Уста несчастной леденить.

Слабѣтъ сердца трепетанье,

Блѣднѣютъ впадины ланить.

Спѣши, абрекъ! Пусть жаръ лобзанья

Отъ смерти пери сохранить

И воскресить очей сянье,

И трепеть сердца оживить.

Абрекъ вошелъ и, костенѣя,

Блѣдна, какъ бѣлая лилея,

Прильнула къ милому она,

Уста слила съ его устами,

Какъ бы томимая мечтами

Напиться счастьемъ до дна.

Потомъ въ лицо его взглянула,

Съ глубокой нѣжностью вздохнула.

»Люблю!« сорвалось съ тонкихъ губъ,

И въ небо, къ трону Магомета,

Душа вспорхнула, ковамъ свѣта

Оставивъ лишь холодный трупъ.

Абрекъ ужасными очами

На трупъ ея глядитъ, потомъ

Съ безумнымъ смѣхомъ и рѣчами

Слагаетъ руки ей крестомъ

И, кудри нѣжно разбирая,

Поетъ безсвязно пѣсню горъ,

Про упоенье счастьемъ рая
 И про войну, и милый взоръ...
 И вновь смѣется, и любовно
 Въ объятя мощныя беретъ,
 И трупъ, какъ статуя безкровный,
 Онъ къ шаху грозному несетъ.
 Въ душѣ Абрека нѣтъ боязни,
 Она сознанья не таитъ,
 Очамъ безумнаго закрыть
 Глухой позоръ грядущей казни.

VI

Между кустами пышныхъ розъ,
 Какъ стражъ у каменной гробницы,
 Могильный кипарисъ возросъ
 Неподалеку отъ темницы.

Лишь только въ небѣ, роемъ ось,
 Исчезнуть звѣзды-чаровницы
 И красокъ нѣжащихъ хаосъ
 Прогонитъ алый блескъ денницы,

Тамъ гимны грустные свои
 Поютъ звончѣ соловьи;
 Вздыхаетъ вѣтеръ чужедальній,

И на траву, какъ жемчугъ слезъ,
 Росу роняютъ вѣтви розъ
 Въ истомѣ сладостно-печальной.

А. М. Федоровъ

СОВРЕМЕННАЯ МЕКСИКА

Изъ путевыхъ замѣтокъ

Пауля Линдау

Главный городъ Мексико

а) Наружный видъ и положеніе города. Ближайшія окрестности

Большой городъ или захолустье? — Мексиканскія дѣвушки и женщины. — Физіономія улицъ. — Скрытыя красоты: дворцы. — Городъ съ высоты птичьяго полета. — Мѣстность передъ городскими воротами. — Тлальпамъ. — Оба „вулкана“ при захожденіи солнца.

Мексико, столица Мексики, принадлежитъ къ городамъ, не выказывающимъ назойливо своихъ особенностей и красотъ. Признаюсь, первое впечатлѣніе, какое я испыталъ тамъ, походило на разочарованіе: я ожидалъ найти нѣчто гораздо болѣе величественное и, въ особенности, болѣе оригинальное. Мексико вообще не представляетъ ничего характернаго и тому, кто не знаетъ этого города, трудно дать о немъ настоящее понятіе. Все, что можно сказать объ этой столицѣ, будетъ въ одно и то же время и вѣрнымъ, и невѣрнымъ.

Когда въ послѣпоуденные часы или подъ вечеръ идешь или ѣдешь по главнымъ торговымъ улицамъ или по фешенебельной Paseo de la Reforma, когда видишь блестящіе магазины на улицѣ Серебряниковъ или на улицѣ С. Франциско и съ трудомъ пробираться чрезъ густыя толпы, двигающіяся въ ту и въ другую сторону подобно волнамъ, тогда хочется согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что Мексико отчасти міровой городъ и во многомъ напоминаетъ столицы юга

Европы. Но уже между 8 и 9 часами жизнь города замираетъ, на красивой Paseo de la Reforma не видно ни одного экипажа, самыя оживленныя улицы безлюдны—и тогда опять склоняешься къ мнѣнію тѣхъ, которые называютъ Мексико большимъ захолустьемъ.

Это—несомнѣнно обширный и населенный городъ, но многіе не рѣшаются признать его большимъ городомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, несмотря на его 300.000 жителей. Правда, въ послѣполуденные часы, между 5 и 8, на главныхъ улицахъ тамъ необычайно сильное движеніе, но все же городу не достаетъ настоящей величественности и въ немъ слишкомъ мало изящества.

Замѣчательно, что и среди женщинъ встрѣчается лишь немного привлекательныхъ, не говоря уже о настоящихъ красавицахъ. Смѣсь испанской и индѣйской крови должна, казалось-бы, породить типъ съ оригинальной, характерной красотой; но на дѣлѣ этого не замѣчается. Миловидныя женщины и привлекательныя дѣвушки и въ народѣ, и въ высшихъ классахъ составляютъ большую рѣдкость.

Такое общее заключеніе не можетъ быть, конечно, безусловно справедливымъ и допускаетъ благопріятныя изыятія. Съ тѣмъ же правомъ это положеніе можетъ быть понято въ обратномъ смыслѣ и можно сказать, что мексиканскія женщины въ отдѣльныхъ случаяхъ выказываютъ рѣдкую красоту. Ихъ глаза, зубы и волосы, дѣйствительно, почти всегда великолѣпны, и цвѣтъ кожи, съ оттѣнками отъ матоваго топазовожелтаго до темнобронзоваго, обладаетъ особою прелестью. Но общее впечатлѣніе, какое производятъ мексиканскія женщины и дѣвушки, нельзя назвать пріятнымъ. Фигуры ихъ по большей части неграціозны; держатся мексиканки неизящно, и ихъ часто портитъ преждевременная полнота. Мало того, онѣ отнимаютъ всякое значеніе у лучшей своей особенности—смуглаго цвѣта кожи—неразумнымъ злоупотребленіемъ рисовой пудрой. Онѣ не довольствуются легкимъ налетомъ ея, а покрываютъ лицо толстымъ бѣлымъ слоемъ, имѣющимъ отвратительное сходство съ штукатуркой.

Но если мексиканка красива, тогда она уже необыкновенно хороша. На бѣговой площади я видѣлъ нѣсколькихъ прелестныхъ молодыхъ дамъ, изъ которыхъ у двухъ, самыхъ красивыхъ, былъ замѣтный пушокъ на губѣ, съ прекрасными выразительными глазами и несравненной пышностью изсинечерныхъ блестящихъ мягкихъ волосъ, весьма искусно убранныхъ. И между дѣвушками изъ народа встрѣчаются иногда такія, природная красота которыхъ бросается въ глаза, несмотря на

безграничное пренебреженіе ихъ къ костюму. Но, вообще, про мексиканокъ, также какъ про дѣвушекъ Вѣны и Буда-Пешта, можно сказать, что онѣ не поражаютъ своими внѣшними качествами.

Напротивъ, судя по всему, что здѣсь приходится слышать, нравственность ихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мексиканскія женщины вполнѣ посвящаютъ себя домашнему хозяйству и воспитанію дѣтей. Выйдя замужъ, онѣ почти совершенно удаляются отъ шумной общественной жизни и появляются въ свѣтѣ лишь зрѣлыми женщинами, матерями подросшихъ дѣтей, которыхъ надо вывозить въ свѣтъ. Это — самыя почтенныя жены и матери, какихъ только можно себѣ представить.

Улицы столицы широки и содержатся положительно лучше, чѣмъ въ большей части городовъ сосѣднихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но на нихъ непрерывно производятся работы. Когда я высказывалъ удивленіе по поводу того, что въ одно и то же время на многихъ изъ самыхъ оживленныхъ улицъ мостовая снята и замѣняется новой, мнѣ приходилось слышать, что постоянное перемачиваніе города составляетъ одну изъ его хроническихъ язвъ. Извѣстно, что Мексико выстроена на засыпанномъ озерѣ. Вслѣдствіе этого мостовая съ теченіемъ времени осѣдаетъ и постепенно погружается въ землю. Нужно непрерывно подсыпать новый слой ея. Тамъ были испробованы всевозможные роды мостовыхъ — деревянныхъ, желѣзныхъ и каменныхъ. Наибольшую способностью сопротивленія и прочностью обладаетъ, повидимому, мостовая изъ крупныхъ глыбъ асфальта, примѣняемая въ настоящее время на главныхъ улицахъ.

Несмотря на сравнительную опрятность, удобства и ширину, улицы сами по себѣ не производятъ пріятнаго впечатлѣнія. Надо внимательно присматриваться къ нимъ, чтобы среди некрасивыхъ, часто пестро окрашенныхъ, домовъ, въ непрерывной вереницѣ мало заманчивыхъ человѣческихъ жилищъ и еще менѣе заманчивыхъ шинковъ, увидеть болѣе благородныя зданія, съ богатымъ художественнымъ орнаментомъ — тѣ прославленные дворцы, которымъ воздавалъ хвалу еще Александръ фонъ-Гумбольдтъ и которые, немало потерпѣвъ отъ времени, все же позволяютъ распознать свое прежнее великолѣпіе. Неприятительно и незамѣтно стоятъ они бокомъ-о-бокъ съ неприглядными лавками, едва превосходя ихъ величиною, и только при дальнѣйшихъ странствованіяхъ, когда вниманіе сосредоточивается больше на отдѣльныхъ подробностяхъ, они выдѣляются сообразно своему достоинству.

Мексико, какъ я уже говорилъ, обладаетъ тою особенностью,

что въ ней все характерное и красивое какъ будто прячется и надо извлечь его изъ тайниковъ, чтобы насладиться имъ. Даже и роскошь величественныхъ зданій, прежнихъ дворцовъ и монастырей, угадывается съ трудомъ по фасадамъ, обращеннымъ на улицы. Только вступивъ въ самое зданіе, кажущееся снаружи столь незамѣтнымъ и ординарнымъ, стиснутое новѣйшими сосѣдними постройками, только тогда мы можемъ оцѣнить это зданіе въ его настоящемъ значеніи. Передъ нами съ поразительной величественностью выступаетъ красивый широкий дворъ „патио“, окруженный стройными мраморными колоннами, поддерживающими высокія крытыя галлерей. Вся архитектура патио выдержана въ самомъ благородномъ стилѣ, и все выдѣлано изъ самаго благороднаго матеріала. Галлерейамъ, охваченнымъ художественными богатыми металлическими перилами, роскошныя пестрыя украшенія изъ цвѣтовъ придаютъ свѣжий, радостный видъ. Никто не могъ бы предположить, что подъ скромной наружной стороною таится столько веселаго блеска и изящества. И если подняться по широкой мраморной лѣстницѣ и войти въ жилыя комнаты, то приходится удивляться и величію архитектурнаго замысла, и замѣчательной соразмѣрности царственныхъ покоевъ, и ихъ декоративной пышности.

За этими немногими исключеніями на всѣхъ домахъ Мексико лежитъ печать демократическаго равенства, придающаго улицамъ города скромный и ординарный видъ. Даже многочисленныя, по большей части красивыя, а иногда и величественныя, церкви почти не могутъ измѣнить этого общаго впечатлѣнія. Кромѣ величавой и внушительной Plaza mayor, всѣ просторныя и большія площади, слишкомъ громкія восхваленія которыхъ мнѣ приходилось слышать, не оказывали на меня никакого дѣйствія. Короче сказать, городъ, не сохранившій на своихъ общественныхъ путяхъ ни одного памятника великой эпохи адтековъ, довольствующійся монументами временъ стариннаго испанскаго владычества, малозамѣтными среди скучныхъ, незначительныхъ зданій позднѣйшаго происхожденія, своими прямыми неинтересными улицами производитъ вялое, непривлекательное впечатлѣніе.

Находясь въ настоящемъ центрѣ города, трудно имѣть понятіе о красотѣ положенія Мексико. Объ этомъ надо услышать отъ когонибудь. Правда, на нѣкоторыхъ улицахъ въ дальней перспективѣ виднѣются горы, но они не оказываютъ надлежащаго дѣйствія. Картина становится уже гораздо красивѣе, если удалиться отъ полнаго движеніемъ городского центра на Paseo de la Reforma. Оттуда, при благопріятной погодѣ, можно увидѣть покрытые вѣчнымъ снѣгомъ оба исполинскіе вулкана —

Попокатепетль и Ихтаксиуатль *). Даже эти колоссы, при необычайно возвышенномъ положеніи города, кажутся съ перваго взгляда менѣе внушительными, чѣмъ можно было предположить. Должно пройти въкоторое время прежде чѣмъ удасться оцѣнить ихъ величіе, и ихъ несравненная красота станетъ понятной лишь тогда, когда счастливый случай дасть возможность полюбоваться ими въ волшебномъ освѣщеніи огнистаго заката. Но въ самомъ городѣ, гдѣ приходится проводить большую часть дня, вулкановъ вовсе не видно; остается только убѣжденіе, что они гдѣ-то недалеко отсюда.

Подобно тому, какъ въ дома Мексико надо войти, чтобы оцѣнить ихъ великолѣпіе, надо взобраться на крышу, чтобы ознакомиться съ очаровательной картиной города, и надо обратиться за его черту, чтобы убѣдиться въ могущественности, величественности его положенія. Стоитъ удалиться на нѣсколько шаговъ отъ городской суеты, чтобы почувствовать себя во власти чудной природы и, увидя вулканы, ощутить полный миръ въ душѣ. И даже въ своемъ жилищѣ, съ балкона котораго нельзя замѣтить ничего характернаго или интереснаго, стоитъ только подняться на нѣсколько оборотовъ лѣстницы, ведущей на плоскую кровлю, чтобы остановиться въ изумленіи предъ чарующимъ зрѣлищемъ.

Почти непостижимо—какимъ образомъ изъ слиянія предметовъ столь некрасивыхъ въ отдѣльности можетъ получиться такое удивительное цѣлое. Дома съ плоскими кровлями производятъ веселое и свѣтлое впечатлѣніе; на привѣтливыхъ прямыхъ улицахъ кипитъ пестрая толпа; мѣстами дома отступаютъ и даютъ мѣсто широкой площади, восхитительной въ своей красѣ изъ древесной зелени и цвѣтовъ, а надъ всѣми плоскими домами, какъ будто тяжело присѣдающими, высятся многочисленныя горделивыя и стройныя колокольни церквей.

Но самое прекрасное, возвышенное и незабвенное въ этой картинѣ составляетъ пейзажъ, окружающій городъ—чудный профиль горной цѣпи съ мощнымъ Ахуско и еще болѣе могучими „вулканами“, которые теперь, когда ихъ можно видѣть, въ связи съ окружающими ихъ высокими горами, своими блестящими, сверкающими плотными снѣжными массами подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ позволяютъ угадывать ихъ настоящіе размѣры. При этомъ зрѣлищѣ убѣждаешься, что самыя оживленныя похвалы единственному по своей красотѣ мѣ-

*) Согласно обиходному языку мексиканцевъ я обозначаю обѣ эти горы, всегда упоминаемыя вмѣстѣ, наименованіемъ вулкановъ, хотя мнѣ не безызвѣстно, что вулканическая природа второй изъ нихъ подвержена сильному сомнѣнію и даже совершенно отрицается новѣйшей наукой. Всѣ горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, мексиканцы называютъ „volcanos“.

стоположенію Мексико остаются далеко позади неописуемо-прекрасной дѣйствительности.

Еще волшебнѣе, еще поразительнѣе кажется эта картина, если на нее, послѣ золотистаго солнечнаго дня, смотришь въ серебряную лунную ночь. Кругомъ царствуетъ глубочайшая тишина, нарушаемая только великолѣпными мелодическими звуками мексиканскаго дрозда; весь городъ, точно окутанный таинственнымъ покрываломъ, лежитъ передъ нами въ кроткомъ сіяніи мѣсяца, и въ этомъ обманчивомъ свѣтѣ ночи всѣ разстоянія измѣняются: здѣсь горы кажутся надвигающимися на дома, тамъ теряющимися вдали, въ неясномъ сумрактѣ.

Въ городѣ огни давно уже погашены. Бережливое городское управленіе въ виду лунныхъ ночей, помѣченныхъ въ календарѣ, вовсе не освѣщаетъ улицъ. Мы должны быть ему благодарны за это, такъ какъ ослѣпительный электрическій свѣтъ мѣшалъ бы единству свѣтоваго эффекта. На улицахъ на разныхъ разстояніяхъ виднѣются, подобно свѣтлякамъ, лишь маленькіе красные огоньки. Это—фонари ночныхъ сторожей, разставленные ими на дамбѣ, чтобы доставить обывателямъ успокоительную увѣренность въ близости ночной охраны.

Но кто хочетъ вполне насладиться живописностью мѣстоположенія Мексико, тотъ долженъ выѣхать за черту города.

Одинъ мой пріятель изъ моихъ соотечественниковъ, давно уже поселившійся здѣсь ради крупнаго торговаго дѣла, любезно пригласилъ меня принять участіе въ загородной поѣздкѣ или *dia de campo*, какъ говорятъ здѣсь, имѣвшей цѣлью близлежащій Тлальпамъ. Тамъ прелестно и уютно провели мы послѣ-полуденные часы подъ тѣнью стараго исполинскаго ясеня. Только тамъ я могъ убѣдиться, какъ удивительно расположенъ городъ Мексико; только тамъ и можно понять энтузіазмъ, съ какимъ отзываются о горныхъ великанахъ—объ Ахуско и въ особенности о гигантахъ-близнецахъ Попокатепетль и Ихтаксиуатль. Обѣ свѣговыя горы дѣйствительно поражаютъ своей красотой

Попокатепетль, поднимающійся въ видѣ правильнаго конуса, типичной формы вулкана, и близко прилегающій къ нему Ихтаксиуатль съ красивымъ вытянутымъ гребнемъ своими фантастическими очертаніями представляютъ всѣ данныя, чтобы дѣйствовать на воображеніе народа. Народъ называетъ Ихтаксиуатль „бѣлой женщиной“ и на самомъ дѣлѣ не надо большого напряженія фантазіи, чтобы въ замѣчательныхъ контурахъ хребта, покрытаго снѣгомъ, рѣзко выдѣляющагося на голубомъ небѣ, усмотрѣть фигуру распростертой исполинской женщины, какъ будто дремлющей, съ головою наклоненною

внизу, съ однимъ слегка приподнятымъ колѣномъ. Оба колосса, соприкасающіеся своими бѣлыми головами, производятъ подавляющее впечатлѣніе, которое становится еще несравненно сильнѣе, когда въ ясный день, при безоблачномъ небѣ, солнце пронизываетъ золотистымъ свѣтомъ вѣчный снѣгъ и обливаетъ удивительными красками глубже лежащія мѣста обѣихъ горъ — прозрачнымъ голубымъ цвѣтомъ неопикуемой нѣжности, постепенно переходящимъ въ свѣтлорозовый и замыкающимся огненнымъ рубиновокраснымъ цвѣтомъ. Это — самая сказочная, самая волшебная картина, какую только можно видѣть на землѣ. Эта роскошь красокъ, это лучезарное величіе безусловно завлаживаютъ зрителемъ, приковываютъ его къ мѣсту. Величавая игра цвѣтовъ исчезаетъ съ большой постепенностью. Снѣговья высоты еще сіяютъ золотистымъ блескомъ, а темнокрасный цвѣтъ уже становится холоднѣе и тусклѣе, и розовые оттѣнки гаснутъ. Вся горная цѣпь покрывается теперь чудными безконечно разнообразными фіолетовыми красками. Наконецъ, пропадаетъ золотистый отблескъ снѣга, фіолетовыя тѣни становятся однообразнѣе и темнѣе, но горизонтъ все еще пылаетъ, и на свѣтломъ вечернемъ небѣ высятся теперь черныя скалистыя массы съ холодными бѣлыми главами.

Но такое величественное, цѣльное, фантастически-живописное впечатлѣніе городъ и его ближайшія гористыя окрестности производятъ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на него при надлежащихъ условіяхъ и съ надлежащей точки зрѣнія. И это наслажденіе становится возможнымъ лишь послѣ нѣкотораго времени, проведеннаго въ городѣ. Первое впечатлѣніе вовсе не походитъ на него.

б) Главныя улицы и площади

Первое впечатлѣніе. — Соборъ. — Ниціе. — Главныя артеріи. — Запущенный вишній видъ. — Элегантное общество. — Paseo de la Reforma. — Памятники испанскому королю Карлу IV, Христофору Колумбу и Кватуемоку. — Исторія послѣдняго испанскаго правителя.

Жаркимъ утромъ покинулъ я вагонъ, съ которымъ въ теченіе послѣдней недѣли разставался только днемъ, чтобы вернуться въ него вечеромъ и послѣ короткаго отдыха отправиться дальше. Сознаніе, что я на долгое время, по крайней мѣрѣ на двѣ недѣли, останусь на одномъ и томъ же мѣстѣ, сознаніе, что я долгое время буду избавленъ отъ зрѣлища скучныхъ рельсовъ, толчковъ локомотива, свистковъ кондуктора и звона станціоннаго колокола, что я опять буду пользоваться неподвижной почвой и просторомъ для свободнаго движенія и что все окружающее не будетъ измѣняться за это

время,—это сознание имѣло въ себѣ что-то пріятное и освѣжающее. Послѣ продолжительнаго странствованія въ Мексико я долженъ былъ найти мѣсто отдыха и отчасти уголокъ родины на далекой чужбинѣ. Съ этимъ ощущеніемъ я ѣхалъ съ вокзала въ городъ.

Не могу сказать, что при этомъ первомъ вступленіи въ городъ мнѣ было совсѣмъ не по себѣ. Какъ я уже упоминалъ, былъ томительно-жаркій день; при этомъ дулъ рѣзкій вѣтеръ, обволакивавшій весь городъ въ густое желтое облако пыли. Впередъ не было видно даже на пять шаговъ. Отъ мелкой пыли сохло въ горлѣ и возбуждался сильный непріятный кашель. Солнечный жаръ, пыль и мухи—въ этомъ заключалось все великолѣпіе, которое показывала мнѣ мексиканская столица.

Благодаря ужасной погодѣ, улицы были почти безлюдны. Мужчины кутались въ свои пестрые одѣяла, женщины прикрывали лица большими платками до самаго носа и шли шурясь и моргая. Пыль толстымъ слоемъ ложилась на листья и глушила весеннюю зелень, которая успѣла пробиться въ весеннемъ солнцѣ. Все приняло сѣрожелтую окраску, и вѣтеръ не переставая наносилъ густыя облака или крутящіеся столбы. Я, впрочемъ, долженъ прибавить, что этотъ день былъ худшимъ изъ всѣхъ, какіе я провелъ въ Мексико. Мексико выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ, и знакомство не требуетъ много времени. Несмотря на значительное число жителей, которое показывается между 300.000 и 400.000, и несмотря на свое распространеніе въ пространствѣ, городъ, въ которомъ почти исключительно вращается чужеземецъ, на самомъ дѣлѣ очень невеликъ. Вся городская жизнь совершается съ педаггическимъ раздѣленіемъ времени на сравнительно тѣснымъ пространствѣ. Это—по утрамъ Аламеда, по вечерамъ, отъ 5¹/₂ до 7, — для высшаго общества, Paseo de la Reforma, и въ тѣ же часы до 8¹/₂ или 9, для менѣ счастливыхъ, для занятыхъ людей и всѣхъ, имѣющихъ съ ними дѣло, — колоннады вокругъ главной площади и улица, соединяющая главную площадь съ Аламедой, называемой вначалѣ Calle de los plateos и далѣе Calle de san Francisco.

Среди главной площади, которая послужила образцомъ для „Plazas“ всѣхъ другихъ городовъ, отличается отъ нихъ только значительностью своихъ размѣровъ и зданій, возвышается соборъ. Наши эстетики часто высказывали положеніе, что внѣшнія жизненныя условія въ Эладѣ и Италіи всего больше содѣйствовали развитію пластическихъ искусствъ. Въ справедливости этого положенія можно усомниться, убѣждаясь, какъ мало связи между нынѣшнимъ мексиканскимъ искусствомъ

и дѣйствительностью. Не исключая Востока, едва ли можно найти во всемъ мірѣ другую страну, которая доставляла бы художнику такой необычайно благодарный и обильный матеріалъ. По типу, по осанкѣ и одеждѣ мексиканскіе индѣйцы едва ли уступаютъ въ живописности какому либо другому народу земнаго шара. А пейзажъ, а роскошныя краски цвѣтовъ! А исполинскіе кедры, а могучія горы, а залитыя солнцемъ песчаныя пространства съ фантастическими формами кактусовъ! И наконецъ, эти невѣроятно красивые эффе́кты освѣщенія! Живописцу достаточно только раскрыть глаза и то, что онъ видитъ, передать такъ, какъ оно есть, и все будетъ интересно и красиво. Однако живописцы не схватываютъ того, что они видятъ.

И архитектура въ отдѣльныхъ подробностяхъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Мексиканскія церкви приблизительно походятъ одна на другую; соборъ въ Мексико для всѣхъ послужилъ образцомъ.

Поклонникъ чистаго архитектурнаго стиля съ удивленіемъ взглянулъ бы на эту исполинскую постройку, въ которой соединяются всевозможныя стили—іезуитскій, испанско-мавританскій XVI вѣка и античный. Загроможденіе фасада витѣватой штукатурной и скульптурной работой изъ песчанника безъ сомнѣнія вызвало бы порицаніе эстетическаго критика, но все-таки этотъ фасадъ производитъ величественное художественное впечатлѣніе. Сѣрыя известковыя украшенія на своеобразномъ красномъ фонѣ гладкихъ камней—пористаго известняка, пропитаннаго бычачьей кровью и сохранившаго пріятный красный цвѣтъ въ теченіе вѣковъ, несмотря на вѣтеръ и непогоду, дождь и пыль, величественный порталъ, стройныя высокія башни, однимъ словомъ, церковь въ ея цѣломъ, при золотистомъ солнечномъ свѣтѣ, представляетъ дѣйствительно великолѣпную картину.

Внутренность церкви слишкомъ изобильно покрыта раскрашенными и раззолочеными украшениями. Передъ алтарями, орнаменты которыхъ поднимаются почти до самаго свода, съ пластическими, часто грубыми, изображеніями Спасителя, Божьей Матери и святыхъ, стоятъ на колѣняхъ молящіеся въ разнообразныхъ позахъ съ распростертыми или высоко поднятыми руками, повидимому нисколько не смущаясь пытливыми взглядами проходящихъ мимо нихъ.

Признаюсь, украшенія собора на столько заняли меня, что я удѣлилъ менѣе вниманія самому величественному храму, производящему сильное впечатлѣніе своими громадными размѣрами. Соборъ окруженъ красивыми аллеями, здѣсь все зеленѣетъ и цвѣтетъ. И среди этой красоты, въ этомъ могушемъ

освѣщеніи у самой церковной стѣны корчатся ужасные прокаженные, самые страшные изъ всѣхъ нищихъ, когда либо видѣнныхъ мною. Однако при всемъ ужасѣ, какой вселяетъ эта картина, въ ней есть и живописная сторона. Тамъ встрѣчаются типы въ лохмотьяхъ и доскутьяхъ, какихъ не увидишь въ другой разъ. Тому, кто сомнѣвается въ возможности эстетики ужаснаго, надо обойти кругомъ собора въ Мексико.

Еще недавно тамъ было гораздо хуже. Отталкивающая толпа устроила себѣ постоянное жилище въ непосредственной близости собора, такъ что одна сторона послѣдняго сдѣлалась совсѣмъ недоступной. Императоръ Максимилианъ, такъ много сдѣлавшій для очищенія и украшенія города, освободилъ соборъ отъ этого сосѣдства. Онъ велѣлъ снести ветхіе бараки и тамъ, гдѣ прежде кишѣла всевозможная нечисть, теперь цвѣтутъ душистыя розы.

Если мы, оставивъ главную площадь, вступимъ въ самую оживленную улицу, идущую въ восточномъ направленіи и носящую въ этой части названіе улицы С. Франциско, и затѣмъ дойдемъ до конца этой улицы, по правую руку отъ насъ будетъ Аламеда. Продолжая путь въ прямомъ направленіи, мы придемъ къ круглой площади, къ юго-востоку отъ которой широкая аллея Paseo de la Reforma ведетъ къ замку Хапуль Тепекъ. Свершивъ этотъ путь, мы узнаемъ главныя артеріи столицы и, избирая настоящее время дня, увидимъ въ столичной жизни почти все, что въ ней можно видѣть.

Въ началѣ этой прогулки, проходя колоннадами главной площади, улицами Серебрянниковъ и С. Франциско, пріѣзжій поражается необычнымъ отсутствіемъ изящества во всемъ, что попадаетъ ему на глаза. Число людей, одѣтыхъ сколько нибудь прилично, почти ничтожно. Значительная часть мексиканцевъ средняго и низшаго сословія доходитъ въ пренебреженіи къ своей внѣшности до крайнихъ предѣловъ. Чувство, заставляющее у насъ даже и недостаточныхъ людей заботиться, выходя на улицу, объ извѣстномъ приличіи, повидимому столь же чуждо народамъ крайняго Запада, какъ и народамъ восточнымъ.

Индѣйцы и чистокровные, и метисы, составляющіе около 80% населенія страны и образующіе подавляющее большинство въ столицѣ, не придають ни малѣйшаго значенія своему наружному виду. Ихъ костюмъ, начиная отъ сандалій и кончая островерхими шляпами мужчинъ и большими головными платками женщинъ, находится по большей части въ состояніи, вызывающемъ содроганіе въ зрителѣ. Ихъ жизненныя привычки диаметрально противоположны обычаямъ индѣйцевъ американ-

скаго сѣвера; они осѣдлы и уже въ теченіе вѣковъ приспособились къ культурнымъ работамъ; они отказались отъ украшеній дикарей, отъ расписыванія лица и тѣла яркими красками, отъ украшенія головы орлиными перьями, отъ обвѣшиванія себя пестрыми бусами, тѣмъ не менѣе, они своею вѣдностью производятъ не болѣе культурное впечатлѣніе, чѣмъ названные дикари. Встрѣчаются цѣлыя группы ихъ, двигающіяся по улицамъ или сидящія на корточкахъ вдоль домовъ, возбуждая сожалѣніе своимъ животнымъ выраженіемъ. Подъ ихъ отрепьями и лохмотьями всюду сквозитъ темнобурое тѣло. Дѣвушки и женщины даже болѣе зажиточныхъ классовъ одѣты неопрятно, безъ всякаго понятія о приличіяхъ.

И такой видъ имѣетъ большинство гуляющихъ, наполняющихъ главныя улицы при наступленіи вечерней свѣжести и образующихъ издали весьма живописное, а вблизи весьма непріятное скопленіе людей.

Въ это время, среди самаго оживленнаго проявленія жизненности мексиканской столицы, встрѣчается лишь немного лицъ изъ высшаго общества. Это объясняется тѣмъ, что въ тѣ же часы элегантный и богатый классъ собирается тѣснымъ кружкомъ на Paseo de la Reforma. Это мѣсто въ шестомъ и седьмомъ часу вечера имѣетъ дѣйствительно весьма аристократическій видъ.

Поразительное количество крайне элегантныхъ экипажей, съ великолѣпными запряжками, катится тамъ взадъ и впередъ. Рядомъ съ красивыми и изящными мексиканскими лошадьми тамъ встрѣчаются прекрасные экземпляры сильныхъ и горделивыхъ, длинныхъ и широкогрудыхъ лошадей изъ Кентукки. Мексиканцы повидимому питаютъ особое пристрастіе къ лошадямъ соловой масти, которыя у насъ совершенно вышли изъ моды и попадаютъ только въ циркахъ. Я не помню, чтобы видѣлъ гдѣ нибудь одновременно столько соловыхъ лошадей, сколько мнѣ пришлось увидѣть ихъ на мѣстѣ прогулки богатыхъ мексиканцевъ.

Всѣ въ этомъ обществѣ какъ-будто знакомы между собой. Они раскланиваются другъ съ другомъ по мѣстному странному, но весьма привѣтливому способу, поднимая правую руку и быстро двигая обоими средними пальцами. Между изящными экипажами виднѣется и много всадниковъ; молодые щеголи на этой послѣобѣденной прогулкѣ являютъ въ дорогихъ національныхъ костюмахъ — въ узкихъ панталонахъ, усаженныхъ серебряными пуговицами и обильно обшитыхъ серебряными шнурами, и въ широкополыхъ высокихъ шляпахъ, покрытыхъ серебряными украшеніями. Высокую цѣнность представляютъ сѣдла изъ тисненой кожи съ богатѣйшими украшеніями изъ

благородныхъ металловъ. При этомъ не забыта и шпага, прикрѣпленная къ сѣдлу, въ кожаныхъ разукрашенныхъ ножнахъ. Такое сѣдло стоитъ отъ 1.200 до 1.500 марокъ.

Paseo de la Reforma начинается круглой площадкой, украшенной памятникомъ, и, прежде чѣмъ достигнуть, Хапультепека образуетъ нѣсколько подобныхъ же закруглений; на первыхъ трехъ изъ этихъ „glorietas“ воздвигнуты памятники, поэтому большая аллея распадается на три главныя части. Первая часть начинается у площади памятникомъ Карлоса IV и идетъ до первой площадки съ памятникомъ Колумба; отсюда начинается вторая часть до памятника индѣйскаго правителя Квахтемока, откуда послѣдняя идетъ до замка Хапультепекъ. Двѣ первыя части наиболѣе посѣщаются публикой.

Можно считать обстоятельствомъ особенно счастливымъ, что всѣ три памятника замѣчательно удались и обладаютъ высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Нельзя того же сказать о болѣе мелкихъ бронзовыхъ статуяхъ, окаймляющихъ путь по обѣимъ сторонамъ. Эти статуи, число которыхъ доходитъ приблизительно до 25, представляютъ всевозможныхъ мексиканскихъ знаменитостей, совершенно неизвѣстныхъ чужеземцу. Къ счастью, онѣ почти не замѣтны. Но три главныя статуи, выгодная постановка которыхъ усиливаетъ ихъ впечатлѣніе, дѣйствительно прекрасны.

Всего виднѣе, проще и величественнѣе конная статуя короля Карлоса IV испанскаго, поставленная на гладкомъ, лишенномъ всякихъ украшеній, цоколѣ. Король сидитъ на громадной могучей лошади, которая нѣсколько велика по отношенію къ размѣрамъ человѣческой фигуры. Но онъ сидитъ крѣпко въ горделивой, повелительной позѣ, и все это художественное произведеніе исполнено силы и красоты. Этотъ памятникъ весьма напоминаетъ монументы нѣмецкихъ великихъ курфюрстовъ, и знатоки искусства ставятъ его рядомъ съ лучшими конными статуями въ свѣтѣ. Его художественное достоинство объясняетъ также—почему городское управленіе допустило почтить подобнымъ изображеніемъ одного изъ испанскихъ притѣснителей, жестоко угнетавшихъ эту страну. На подножій памятника находится слѣдующая надпись: „Памятникъ Карлоса IV воздвигнутъ при послѣднемъ испанскомъ вице-королѣ, маркизѣ де-Брансифорте и открытъ 9 декабря 1803 года. Городъ сохраняетъ его только какъ произведеніе искусства“.

Нельзя однако умолчать, что городъ не вдругъ пришелъ къ этому независимому и разумному взгляду. Величественное произведеніе испанскаго скульптора дона Мануэля Толса, ве-

личественное уже по своимъ размѣрамъ — конь и всадникъ достигаютъ высоты почти 16 футовъ и вѣсятъ около 60.000 фунтовъ — при испанскомъ владычествѣ впервые поставленъ на главной площади противъ собора. Въ 1822 г., когда господствовало большое ожесточеніе противъ испанцевъ, его прикрыли досками. Но и большой досчатый, выкрашенный голубой краской, ящикъ все-таки возбуждалъ столько овлбленія, что въ 1824 г. рѣшено было укрыть его на внутреннемъ дворѣ университета, гдѣ онъ меньше привлекалъ къ себѣ вниманія. Тамъ онъ оставался до 1852 г. почти никѣмъ не замѣчаемый. Въ этотъ промежутокъ времени негодование противъ испанцевъ уже достаточно улеглось — мексиканцы вообще не злопамятны — выросло новое поколѣніе и въ городскомъ управленіи оказалось на столько художественнаго вкуса, что оно перемѣстило прекрасную статую на ту площадь, гдѣ она теперь находится. Утративъ всякое политическое значеніе, она служитъ выдающимся и благороднымъ художественнымъ украшеніемъ и ежедневно доставляетъ удовольствіе тысячамъ проходящихъ и проѣзжающихъ мимо нея. Народное остроуміе весь памятникъ и площадь окрестило, благодаря громадной боевой лошади, названіемъ „caballito“ (лошадка) и не иначе зоветъ его, какъ этимъ именемъ. Это обозначеніе имѣетъ ту хорошую сторону, что имя короля и ненавистной націи никогда не появляются на устахъ мексиканцевъ.

Окруженный красивыми аллеями, среди высокихъ фонарей, поднимается памятникъ въ честь Христофора Колумба. Это произведеніе французскаго скульптора Кордье несомнѣнно имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ два другіе памятника, но и оно производитъ весьма пріятное впечатлѣніе и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. На постаментѣ сидятъ, прислонившись къ колоннѣ, поддерживающей главную фигуру, четыре монаха, игравшіе, въ богатой привлеченіями жизни знаменитаго изслѣдователя, особенно важную роль. Колумбъ стоитъ въ простой позѣ съ поднятой правой рукой, сдерживая лѣвой съ глобуса, находящагося у его ногъ, покрывало, причѣмъ обнаруживается Новый Свѣтъ.

Самый оригинальный и во всякомъ случаѣ самый интересный изъ всѣхъ памятниковъ посвященъ послѣднему индѣйскому правителю Кваухтемоку. Творцомъ его былъ мексиканскій индѣецъ, донъ Франциско Хименесъ. Художникъ вѣрно угадалъ, что задачей его должно быть воплощеніе и въ цѣломъ, и въ подробностяхъ мотивовъ, доставляемыхъ древними памятниками ацтекскаго искусства.

Памятникъ стоитъ на возвышеніи, къ которому ведутъ нѣсколько ступеней; оно окружено низкой оградой, охраняемой

баснословными адтекскими фигурами — львами съ высокимъ индѣйскимъ головнымъ украшеніемъ вмѣсто гривы. Пьедесталь значительной высоты состоитъ изъ трехъ постепенно суживающихся ярусовъ. На самомъ большемъ нижнемъ ярусѣ находится спереди надпись: „Въ память Кваухтемока и воиновъ, которые сражались геройски, защищая свое отечество. 1521 г.“ („A la memoria de Quauhtemoc y de los guerreros que combatiéron heroicamente en defensa de su patria. MDXXI“). По обѣимъ сторонамъ находятся пластическія изображенія изъ послѣднихъ дней владычества индѣйцевъ и начала кроваваго господства чужеземцевъ: на одной сторонѣ изображено сердечное привѣтствіе завоевателя Кортеса слишкомъ доверчивымъ Монтедумой, на другой — расплата за гостепримство: мученія Кваухтемока и его приближенныхъ. Это — рельефныя работы съ трогательной почти дѣтской простотой композиціи, производяція глубокое впечатлѣніе. Второй ярусъ, окруженный адтекскими колоннами, занимаетъ оружіе дикарей, расположенное въ видѣ трофеевъ. Подобнымъ же, лишь болѣе простымъ, орнаментомъ украшенъ верхній ярусъ, служащій подножіемъ фигуры.

Фигуру героя художнику удалось выдержать въ величественномъ стилѣ. Прославленный герой стоитъ въ горделивой воинственной позѣ; характерную голову съ рѣзкими чертами прикрываетъ шлемъ съ величавыми высоко поднимающимися орлиными перьями; на обнаженное тѣло накинута одежда въ видѣ тоги съ украшениями по краямъ; правая рука вооружена копьемъ, поднятымъ для метанія. Дѣйствительно, эта фигура напоминаетъ гомеровскихъ героевъ, съ которыми мексиканскіе поэты такъ часто сравнивали великаго Кваухтемока. Весь памятникъ безспорно принадлежитъ къ самымъ своеобразнымъ, какіе когда либо народъ воздвигалъ своимъ историческимъ героямъ.

Вѣроятно многіе изъ моихъ читателей предложатъ тотъ же вопросъ, съ которымъ я обратился къ моему спутнику, увидя въ первый разъ прекрасный памятникъ, кто такой Кваухтемокъ? И быть можетъ имъ подобно мнѣ трудно будетъ подовать извѣстное чувство стыда, когда они узнаютъ, что этотъ дикарь дѣйствительно можетъ быть причисленъ къ величайшимъ героямъ всемірной исторіи и что, повидимому, онъ обязанъ лишь своему варварскому, трудно выговариваемому, имени тѣмъ, что имя его не упоминается наряду съ благороднѣйшими людьми, сражавшимися до послѣдней минуты за самое дорогое — за свободу и независимость своего отечества.

Исторія покоренія Мексики — одна изъ самыхъ жестокихъ, вѣроломныхъ, звѣрскихъ и кровавыхъ, какія когда либо ви-

дѣль міръ. Довѣрчиво и гостепріимно встрѣтилъ Монтесума пришельца изъ чуждыхъ странъ — Кортеса. Извѣстно, какъ послѣдній отблагодарилъ его за это. Завоеватель умерщвлялъ всѣхъ туземцевъ, какіе ему попадались подъ руку. Онъ до тла разорилъ столицу, которая была тогда гораздо могущественнѣе и величественнѣе, чѣмъ какова она теперь. И это надо понимать въ буквальномъ смыслѣ слова. Кортесъ, на самомъ дѣлѣ, не оставилъ камня на камнѣ. Всѣ дворцы, храмы, всѣ памятники ацтекской культуры, все, что напоминало о могуществѣ и вѣрѣ первобытныхъ обитателей, было сравнено съ землею, превращено въ развалины и пепель. Отъ величественнаго города не осталось ничего, рѣшительно ничего! И на развалинахъ были воздвигнуты эмблемы превосходства цивилизованнаго военнаго искусства — первыя испанскія зданія.

Пока чужеземецъ хозяйничалъ въ странѣ съ варварствомъ, не извѣстнымъ даже въ эпоху великаго переселенія народовъ, несчастный Монтесума умеръ. Его прямой наслѣдникъ царствовалъ лишь короткое время, и титуломъ верховнаго влѣстителя индѣйцевъ въ послѣдній разъ облекъ себя Кваухтемокъ. Съ неслыханной энергіей собралъ онъ вновь послѣднихъ защитниковъ своей родины, обезсиленныхъ ужасными пораженіями, составилъ изъ нихъ значительную боевую силу и выступилъ съ ними въ безнадежное состязаніе съ чуждыми завоевателями, обладавшими огнестрѣльнымъ оружіемъ. Онъ зналъ, что судьба его рѣшена, но онъ предпочиталъ гибель въ славной битвѣ позору чужеземнаго владычества. Въ нѣсколькихъ сильныхъ сраженіяхъ онъ разбивалъ завоевателей на голову, но подъ конецъ его маленькая кучка безстрашныхъ воиновъ была подавлена численностью непріятеля, и онъ самъ попался въ плѣнъ вмѣстѣ со своими приближенными. Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ защищалъ столицу отъ чужеземцевъ. Когда исчезла всякая надежда удержать за собой городъ, Кваухтемокъ собралъ несмѣтныя сокровища, хранившіяся во дворцѣ мексиканскаго царя, и погрузилъ ихъ въ озеро, чтобы они не достались въ руки побѣдителей. Звѣрская ярость послѣднихъ не удовольствовалась побѣдой, взятіемъ и разореніемъ города, плѣненіемъ страшнаго героя Кваухтемока: она желала еще воспользоваться сокровищами индѣйскихъ властителей. И Кортесъ отдалъ приказъ мучить Кваухтемока и его приближеннаго до тѣхъ поръ, пока они не отеркутъ тайны, гдѣ погужены сокровища. Оба, царь и его другъ, были связаны крѣпкими веревками и подъ ногами ихъ былъ разведенъ костеръ. Жестокое страданіе вырывало у друга индѣйскаго властелина невольныя жалобы. Кваухтемокъ, у котораго лицо не исказилось ни малѣйшей судорогой, обратилъ взглядъ упрека на

своего друга и сказалъ ему: „Развѣ я въ купальнѣ или на ложѣ изъ розъ?“ Во всѣхъ поэтическихъ прославленіяхъ послѣдняго индѣйскаго властителя повторяется сдѣлавшееся знаменитымъ изреченіе новаго Муція Сцевола: „Estoy yo acaso en un bano o en un lecho de rosas?“

Вотъ кто такой Кваухтемокъ, котораго мексиканскій народъ почтилъ прекраснѣйшимъ памятникомъ своей страны.

с) Хапультепекъ

По Paseo de la Reforma въ Хапультепекъ. — Паркъ съ исполинскими деревьями. — Воспоминанія о Максимиліанѣ. — Видъ съ террасы на городъ и его окрестности.

Подвигаясь отъ Хапультепека по Paseo de la Reforma къ городу можно видѣть въ монументальныхъ изображеніяхъ не совсѣмъ полный, но достаточно значительный очеркъ исторіи этой страны: мореплавателя, открывшаго Новый Свѣтъ, послѣдняго героя индѣйскаго величія и послѣдняго слабого представителя чужеземнаго господства, имя котораго затмилось за его громаднымъ конемъ. Я не могу сказать — задумываются ли надъ этими памятниками сотни людей, которые въ вечерніе часы проходятъ или проѣзжаютъ мимо нихъ. По крайней мѣрѣ элегантныя дамы и щеголеватые всадники на нихъ не смотрять.

Paseo — единственное мѣсто, на которомъ городская жизнь Мексико имѣетъ болѣе аристократической и веселый оттѣнокъ.

Во время моего пребыванія въ Мексикѣ въ мартѣ это гулянье совпадало съ самыми живописными часами дня, съ временемъ солнечнаго заката. Заходящее солнце производитъ здѣсь свѣтовые эффекты почти невѣроятной красоты. Все небо кажется объятымъ пламенемъ. И по мѣрѣ того, какъ пылающая золотисто-желтая полоса постепенно блѣднѣетъ и болѣе мягкіе оттѣнки покрываютъ безконечный сводъ, обѣ могущественныя горы, которыя видны всего лучше съ этой улицы, сверкаютъ удивительными розовыми отраженіями. Затѣмъ наступаетъ явленіе, которое я часто наблюдалъ, не умѣя въ достаточной степени объяснить его себѣ. Именно, тотчасъ же послѣ того, какъ солнце опустится, мгновенно наступаютъ густыя сумерки, въ которыхъ гаснетъ всякая игра цвѣтовъ. Но черезъ короткое время горизонтъ на западѣ опять принимаетъ интенсивное окрашиваніе, свѣтится все болѣе и болѣе, разгорается вновь, и вечернее небо еще долго-долго блеститъ въ чудномъ, слегка туманномъ, но яркзолотистомъ свѣтѣ, угасающемъ лишь при

наступленіи полной ночной темноты. Это явление всего лучше можно обозначить выраженіемъ, что здѣсь бывають въ одинъ и тотъ же день два различныхъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ, солнечныхъ заката.

Удовольствіе катанья по Paseo продолжается недолго. Около 5½ часовъ широкая аллея начинаетъ медленно оживляться, между 6 и 6½ эlegantное движеніе достигаетъ своего высшаго пункта, а въ 7 часовъ все уже кончается. Подъ конецъ катанья почти не видятъ другъ друга.

Однако опредѣленные часы удерживаются даже въ такое время, когда, вообще, ничего нельзя видѣть: это гулянье управляется не календаремъ, даже не погодой, а часами. Какъ бы погода ни была хороша и прохладна, въ неуставленные часы на Paseo нельзя увидать ни одного человѣка, и, какъ бы въ эти часы ни было пыльно или жарко, Paseo наполненъ экипажами и наѣздниками. Такъ дѣлалось прежде, такъ дѣлается и теперь! Утромъ прогулка по Аламедѣ, вечеромъ прогулка по Paseo—таково зимою и лѣтомъ распредѣленіе дня высшаго общества, не подлежащее никакому измѣненію.

Paseo de la Reforma, какъ я уже упоминалъ, ведетъ отъ „caballito“, мимо памятниковъ Колумба и Кваухтемока, по прямому направленію къ возвышенности, на которой расположенъ Хапультепекъ.

Зданія на холмѣ, густо поросшемъ древесной растительностью и окруженномъ удивительнымъ паркомъ, теперь служатъ помѣщеніемъ для военной школы, обсерваторіи и лѣтнимъ жилищемъ президента.

Хапультепекъ, считающійся въ чертѣ города Мексико, кажется многимъ красивѣйшимъ мѣстомъ во всей странѣ, а нѣкоторымъ энтузіастамъ даже на всемъ земномъ шарѣ. Паркъ дѣйствительно великолѣпенъ со своими колоссальными деревьями, называемыми здѣсь „ahuehuete“, принадлежащими, повидимому, къ какой-то породѣ кедровъ и мало уступающими древеснымъ гигантамъ Калифорніи. Справедливо, что такія прекрасныя могучія, громадныя деревья въ непосредственной близости человѣческихъ жилищъ, въ тщательно поддерживаемомъ паркѣ, едва ли гдѣ нибудь можно найти въ другомъ мѣстѣ. Правда, эти титаны увѣшаны поэтическими, но губительными висячими мхами, которые плотной тканью, какъ траурное покрывало, ниспадаютъ съ крѣпкихъ сучьевъ, иногда достигающихъ объема внушительнаго дерева. Но эти великаны, почти безъ исключенія, устояли отъ нападенія чужездныхъ растений, и въ ихъ зеленыхъ листьяхъ еще держится жизнь, хотя у нѣкоторыхъ первоначальная сила ствола видимо пострадала. Видъ этихъ великолѣпныхъ, величавыхъ деревьевъ съ тускло-

зелеными, плотно сплетенными прядями, не имѣеть себѣ подобнаго.

Хорошо содержимая и удобно поднимающаяся длинными извивами дорога, по которой сильныя лошади везуть экипажъ, не сбываясь съ рыси, въ короткое время приводитъ насъ къ воротамъ, открывающимся на широкой передней дворъ кадетскаго корпуса. По двору бродятъ, весело болтая, будущіе генералы въ своихъ опрятныхъ и удобныхъ мундирахъ, сдѣланныхъ по французскому образцу, и наслаждаются свѣжимъ, чистымъ воздухомъ и прекраснымъ видомъ. Ученики военной школы, въ сентябрѣ 1847 г. защищали съ большимъ мужествомъ Хапультеневъ отъ нападенія американскаго генерала Пиллау, и многіе изъ молодыхъ людей, подававшихъ надежды, пали при этомъ случаѣ на полѣ чести. Достойный памятникъ въ паркѣ напоминаетъ геройскій подвигъ погибшихъ славную смертью юношей.

Мы проходимъ по переднему двору и вступаемъ въ маленькій, поразительно чисто содержимый, садъ, окружающій замокъ въ собственномъ смыслѣ слова. На высокихъ цвѣтникахъ, обложенныхъ пышнымъ, сочнымъ дерномъ, цвѣтутъ всевозможныя цвѣты, въ особенности анютины глазки. Густолиственные деревья, которыхъ, впрочемъ, нельзя сравнивать съ великанами нижняго парка, отбѣняютъ дорожки. Мѣстами изъ зелени выступаетъ статуя, а въ серединѣ находится фонтанъ, плескъ котораго, впрочемъ, только едва слышенъ. Наше вниманіе обращаютъ на то, что эти и другія аллеи разведены „эрггерцогомъ Максимилианомъ Габсбургскимъ“, который имѣлъ здѣсь свою резиденцію, но котораго никакъ не слѣдовало называть „императоромъ Максимилианомъ“.

Объ императорѣ и обо всемъ, что вообще имѣеть связь съ Максимилианомъ, можно услышать только случайно и мимоходомъ. Мексиканцы, повидимому, находятся въ молчаливомъ соглашеніи считать австрійско-имперіалистскій эпизодъ никогда не существовавшимъ и вовсе не упоминать о Максимилианѣ. Если когда нибудь заходитъ рѣчь о несчастномъ императорѣ, то это бываетъ безъ всякаго ожесточенія, даже съ извѣстнымъ прискорбнымъ чувствомъ и даже съ сознаниемъ, что бѣдный принцъ былъ исполненъ честныхъ намѣреній и погибъ лишь жертвой наполеоновскаго вѣроломства, своего неразсчетливаго идеализма, роковаго заблужденія, дурныхъ совѣтовъ и личной слабости.

Изъ приверженцевъ Максимилиана здѣсь уцѣлѣли очень немногіе. Мексиканцы, служившіе императору, на сколько ихъ осталось въ живыхъ, или живутъ вдали отъ общества, или постепенно примкнули къ національной партіи. Изъ чужеземцевъ,

прибывшихъ съ Максимилианомъ, сохранилось въ странѣ самое незначительное число. Они хранятъ трогательную преданность къ своему несчастному государю и пользуются извѣстнымъ почетомъ со стороны мексиканцевъ, умѣющихъ отдавать должное такой неизмѣнной вѣрности.

Изъ такихъ приверженцевъ покойнаго императора самымъ популярнымъ можетъ назваться австриецъ, д-ръ Каска, извѣстный и въ столицѣ, и во всей странѣ. Проникнутый благоговѣйнымъ почитаніемъ къ императору Максимилиану, д-ръ Каска употребилъ значительную часть своего состоянія на собираніе всего оставшагося послѣ Максимилиана и Шарлотты. Въ его домѣ, который можно назвать Максимилиановскимъ музеемъ, находятся большіе *surtout de table*, полные фарфоровые сервизы съ императорскимъ вензелемъ, принадлежащій къ нимъ богемскій хрусталь и много любопытныхъ и драгоценныхъ предметовъ, каковы, напр., ордена, украшенія письменнаго стола, часы императорской четы и множество другихъ мелкихъ вещей, которыя благоговѣйно собраны и хранятся здѣсь. Къ замѣчательнѣйшимъ предметамъ этой коллекціи принадлежатъ эскизы портретовъ императорской четы во весь ростъ и самыя портреты, исполненные по этимъ эскизамъ, но законченные только до пояса. Какъ художественное произведеніе, наибольшую цѣнность имѣетъ портретъ императрицы Шарлотты. Какъ говорить, онъ обладаетъ поразительнымъ сходствомъ съ оригиналомъ.

Въ замкѣ Хапультепекъ Максимилианъ произвелъ много значительныхъ передѣлокъ и украшеній. Фрески, покрывающія наружныя стѣны (аллегорическія женскія фигуры, истинное значеніе которыхъ я не старался уяснить себѣ потому, что онѣ не привлекали меня въ художественномъ отношеніи), были выполнены при Максимилианѣ. Едва ли слѣдуетъ сожалѣть, что онѣ почти совершенно исчезли въ настоящее время. Въ замкѣ можно видѣть покои, въ которыхъ императоръ велъ такую несчастную жизнь, и узкую комнату безъ всякихъ претензій съ жесткой кроватью, на которой онъ напрасно искалъ сна. Теперь въ этой комнатѣ и въ немногихъ другихъ собрана мебель изъ всего замка, такъ какъ замокъ опять перестраивается и, повидимому, весьма основательно. Въ настоящую минуту онъ не манитъ къ себѣ.

Еслибы замокъ былъ красивъ и внутри, онъ не могъ бы привлекать насъ. Въ Европѣ мы не видимъ недостатка въ величественныхъ замкахъ и дворцахъ царственныхъ особъ. Здѣсь насъ манитъ на террасу, чтобы внимательнѣе разсмотрѣть картину, которая мелькомъ пробѣжала передъ нами, картину, дѣйствительно, несравненнаго величія.

Мы вполне присоединяемся къ восторгу энтузіастовъ. Видъ съ террасы, выстроенной съ пониманіемъ красоты пейзажа, окружающаго замокъ, безусловно поразительный. Надъ опрятными пестрыми садами, поверхъ большаго сѣроватозеленаго парка, съ нашей возвышенности на далекое пространство виднѣтся плоскогорье, окруженное горной цѣпью: вдали, точно игрушечный, лежитъ передъ нами большой городъ съ плоскими домами, выдѣляющимися въ разрѣженномъ чистомъ воздухѣ съ такою ясностью, что намъ кажется будто мы ихъ можемъ схватить руками. Мы видимъ своеобразныя башни многочисленныхъ церквей, въ особенности гордое великолѣпіе собора, — все съ необычайной отчетливостью, лишь въ крайне уменьшенномъ видѣ. Разстояніе ступешиваетъ все некрасивое, приводитъ въ порядокъ все неправильное, очищаетъ все неопрятное. Волны горной цѣпи замыкаютъ прелестную картину.

Мы дѣлаемъ нѣсколько шаговъ далѣе; привѣтливое и изящное замѣняется возвышеннымъ и могучимъ. Вотъ они опять оба вулкана, на которые никогда нельзя достаточно насмотрѣться: „бѣлая женщина“ и ея мощный сотоварищъ, возвышающіеся своими снѣжными главами надъ темными волнистыми линіями лежащей впереди нихъ горной цѣпи. Это поистинѣ чудесное зрѣлище! Опять и опять возвращается взглядъ на спокойную торжественность, на благородное величіе этой безпримѣрно прекрасной природы; дѣйствительно, я знаю немногіе пункты на обитаемой части земли, которые можно было бы поставить рядомъ съ этой картиной.

Да, Хапультепекъ дѣйствительно очарователенъ со своимъ чуднымъ видомъ на обширное зеленое пространство, на долину съ пасущимися стадами, на живописную столицу съ горделивыми башнями и на окружающую это зрѣлище горную цѣпь съ благороднымъ Ахуско, въ расщелинахъ котораго сверкаетъ только что выпавшій снѣгъ, и обоими горными колоссами, всегда покрытыми снѣгомъ. Видя эту красоту, легко понять, какимъ образомъ идеалистъ-мечтатель позволилъ убаюкать себя чудеснымъ грезамъ, которыя были такъ безжалостно разрушены жестокой дѣйствительностью.

d) Общественныя увеселенія

Тихій вечеръ. — Циркъ. — Teatro Principal. — Внутренній видъ Главнаго театра. — Представленіе. — Teatro Nacional. — „Тангейзеръ“ въ Мексико.

Солнце стояло уже низко, когда мы изъ Хапультепека вернулись въ надлежащее время на гулянье въ Расео. Когда мы вѣзжали въ городъ, зажигались первые фонари.

Вечеръ здѣсь непродолжителенъ и замѣчательно спокоенъ. Едва ли можно найти другую столь же тихую и непритязательную столицу, какъ Мексико. Около 8½ часовъ всѣ лавки здѣсь уже заперты. Обыватели удаляются въ свои дома, и улицы кажутся вымершими.

Солидность мѣстнаго населенія обнаруживается всего яснѣе почти полнымъ отсутствіемъ жизни въ гостинницахъ и въ кафе. Здѣсь замѣчается поразительный недостатокъ всевозможныхъ удовольствій, представляющихся въ большихъ городахъ; прїѣзжей, не имѣющей доступа въ семейные дома, съ трудомъ можетъ найти средство какъ ему убить вечеръ.

Изъ весьма немногихъ театровъ нѣтъ ни одного, который привлекалъ бы иностранца. Постоянной оперы здѣсь не существуетъ. Отъ времени до времени какой нибудь антрепренеръ привозитъ сюда итальянскую или американскую труппу, которая за колоссальныя цѣны даетъ рядъ представлений. Мнѣ выпала удача видѣть хорошую труппу, но это былъ случай исключительный.

О постановочныхъ пьесахъ, фееріяхъ и балетахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Концертныя кафе и подобныя имъ маленькія сцены, гдѣ исполняются шансонетки, здѣсь также отсутствуютъ.

Напрасно стали бы мы добиваться, гдѣ же наконецъ развлекается здѣшнее населеніе. Здѣсь нѣтъ никакихъ танцевальныхъ учреждений, народныхъ баловъ, кафе, концертовъ, не говоря уже о концертныхъ залахъ, гдѣ можно слышать хорошую музыку въ сносномъ исполненіи. Этотъ списокъ увеселительныхъ мѣстъ, которыхъ здѣсь не существуетъ, можно бы продолжать до безконечности.

Но что же здѣсь есть?

Кромѣ національнаго театра, въ которомъ, когда нѣтъ гастроллирующей оперной труппы, обыкновенно посредственные испанскіе актеры исполняютъ посредственныя пьесы, чаще всего переводы и передѣлки французскихъ пьесъ, — за исключеніемъ этого театра достойны упоминанія еще такъ называемый „курительный театр“, въ которомъ въ настоящее время гоститъ опереточная труппа, и неизбѣжный циркъ. Объ этихъ обоихъ источникахъ, утоляющихъ художественную жажду мексиканцевъ, я скажу нѣсколько словъ.

Представленія въ циркѣ происходятъ почти при полномъ отсутствіи лошадей. Изъ двадцати нумеровъ программы не болѣе какъ въ двухъ или трехъ выступаютъ дрессированныя лошади и наѣздики. Остальные нумера въ теченіе всего вечера наполняются самыми обыкновенными гимнастами, канатными плясунами, акробатами, жонглерами и т. п. Единственный не-

счастнѣй клоунъ долженъ былъ въ теченіе всего представленія олицетворять собою юморъ и заботиться о развлеченіи публики. Трудно себѣ представить что либо болѣе скучное. Публика такъ же скучна, какъ и представленіе.

Но здѣсь по крайней мѣрѣ помѣщеніе достаточно прилично и опрятно. Но что такое Teatro principal!..

Тамъ опять было объявлено „Боккаччіо“. Я слышалъ ту же оперетку лишь нѣсколько недѣль тому назадъ въ недурномъ исполненіи французской труппы въ Новомъ Орлеанѣ. Мнѣ хотѣлось сравнить ея искусство съ искусствомъ мексиканско-испанской труппы. Да и директоръ послѣдней возвѣщаль о великолѣпномъ представленіи: „*magnifica funcion por tandas*“.

Эти послѣднія слова требуютъ при своемъ переводѣ нѣкотораго разъясненія. Подобно тому, какъ во многихъ театрахъ Испаніи, здѣсь существуетъ своеобразное обыкновеніе представлять публикѣ свободу видѣть только часть представленія и только эту часть и оплачивать. Такимъ образомъ при смѣшанной афишѣ вы можете видѣть лишь интересующую васъ пьесу, а за остальную часть спектакля, отъ которой вы отказываетесь, вовсе не вносить денегъ. Если же представленіе состоитъ изъ одной пьесы, можно платить за каждый актъ въ отдѣльности. „*Magnifica funcion por tandas*“ значитъ: „великолѣпное представленіе съ отрѣзными билетами“.

Представленіе, на которомъ я присутствовалъ, имѣло четыре „*tandas*“ — одноактную оперетку и три акта Боккаччіо. Входная плата крайне скромныхъ размѣровъ. На весь спектакль, т. е. на всѣ четыре „*tandas*“, мѣсто въ партерѣ стоитъ долларъ, а ложа въ пять мѣстъ — четыре съ половиною доллара; ложа меньшей величины, въ 4 мѣста, стоитъ три доллара. Отрѣзной билетъ на одну „*tanda*“ въ партерѣ или въ ложѣ стоитъ 25 центовъ, т. е. около 50 копѣекъ, а въ галлерей — лишь 6 центовъ. Въ концѣ средняго акта театральныя чиновники обходятъ ряды партера и ложъ, и остающіеся въ залѣ должны подтвердить свое право на дальнѣйшее пребываніе въ ней, показавъ свои билеты или же должны за слѣдующій актъ уплатить 25 центовъ.

Въ виду скромной суммы, какая взимается здѣсь за наслажденіе искусствомъ, нельзя предъявлять слишкомъ высокихъ требованій, но то, что я здѣсь увидѣлъ, оказалось ниже самыхъ снисходительныхъ ожиданій. Исполнительница Фіаметты, которой при значительной скучности персонала достались важнѣйшіе нумера другихъ лицъ, была уже преклонныхъ лѣтъ и весьма некрасива собой, но въ ея уныломъ голосѣ слышалось, что вѣкогда она знала лучшіе дни. Артистка, игравшая Боккаччіо, была даже миловидна и только иногда фальшивила.

Поразительнѣе всего былъ ея костюмъ, который былъ гораздо чище ея голоса. Имени Зуппе не было на афишѣ, съ чѣмъ можно только поздравить композитора, такъ какъ съ его опереттой здѣсь обращались поистинѣ ужасно. Трудно представить себѣ, какою она подвергалась измѣненіямъ, искаженіямъ и урѣзкамъ. Къ этому надо прибавить еще полнѣйшее отсутствіе юмора и деревянность исполнителей. Самыя задираательныя шутки передавались съ похоронной миной, и исполненіе всего произведенія было проникнуто, если можно такъ выразиться, какой-то животной безталанностью.

Капельмейстеръ торопился болѣе всѣхъ, видимо, желая какъ можно скорѣе спустить свои четыре „tandas“. Стоить ли стараться за 25 centavos „por tanda!“ Выраженіе одного моего пріятеля „на фортеціано нельзя играть слишкомъ скоро“, очевидно, онъ перенесъ на музыку вообще. Въ своемъ сѣромъ лѣтнемъ сюртучкѣ сидѣлъ онъ на высококомъ стулѣ и жестигулировалъ, какъ будто командовалъ цѣлымъ играющимъ и поющимъ войскомъ. Самъ онъ отмѣчалъ такты сильными вскрикиваньями и звучнымъ, всюду слышнымъ, голосомъ провозглашалъ свои требованія оркестру и артистамъ на сценѣ: „сильнѣе!“, „начинайте“, „скорѣе“, „еще скорѣе!“ Все это онъ дѣлалъ какъ нельзя болѣе добродушно и непринужденно. Отъ времени до времени въ залѣ вспыхивали огоньки: это какой нибудь сенъоръ закуривалъ папиросу, свернутую изъ мѣстнаго, очень пахучаго, табаку. При этомъ, конечно, выпускалось немалое количество дыма. Еслибы публика не курила, мнѣ казалось бы, что здѣсь чего-то не достаетъ. Подобнаго храма музъ я еще никогда не видѣлъ.

„Teatro Principal“ занимаетъ первое мѣсто въ іерархіи здѣшнихъ учреждений, посвященныхъ искусству не только по своему громкому названію. Первое мѣсто можетъ у него оспаривать лишь Teatro Nacional, который служитъ первой сценой для драмы и большой оперы. „Главный театр“ и своими размѣрами можетъ имѣть притязаніе на значеніе большой столичной сцены. Партеръ его длиненъ и широкъ. Четыре ряда ложъ громоздятся другъ надъ другомъ. Если, полузакрывъ глаза, на минуту отдаться впечатлѣнію цѣлаго этой картины, то при входѣ въ залу можно, дѣйствительно, подумать, что находишься въ приличномъ театрѣ. Но стоитъ оглянуться около себя, чтобы удивиться запущенію, которое здѣсь поражаетъ на каждомъ шагѣ.

Узкія твердыя сидѣнья партера, покрытыя красной клеенкой самыхъ различныхъ оттѣнковъ, всегда грязны, часто съ заплатами или просто разорваны. Такъ называемыя ложи ни что иное, какъ четырехугольныя отверстія въ стѣнѣ съ

металлической перекладной, поднимающейся около фута над поломъ съ непонятною для меня цѣлью, такъ какъ она ничего не защищаетъ и не прикрываетъ. Благодаря такому устройству, сидящіе въ ложѣ видны во весь ростъ. Въ ложахъ находятся соломенные стулья самаго простаго качества, по 25 центовъ за штуку. Вся зала вымазана известью, возмутительный бѣлый цвѣтъ которой, къ счастью, нѣсколько потемнѣлъ отъ табачнаго дыма и пыли. О варварской отвратительной внѣшности и непріютности этой залы, довольно ярко освѣщенной, трудно дать настоящее понятіе.

А его нечистота! Театры, какъ извѣстно, принадлежать къ самымъ пыльнымъ мѣстамъ и нужно особое стараніе, чтобы поддерживать въ нихъ хотя нѣкоторую опрятность. Здѣсь во избѣжаніе труда и расходовъ, сопряженныхъ съ чистотою театра, дѣло упростилось совершеннымъ устраненіемъ этой заботы: здѣсь никогда не мегутъ и не стираютъ пыли. Чтобы въ томъ убѣдиться, достаточно взглянуть на полъ съ глубоко въѣвшейся въ него пылью, множествомъ растоптанныхъ сигарныхъ и папиросныхъ окурковъ и тому подобныхъ отбросовъ.

Для меня непонятно было—какимъ образомъ дамы—между многочисленными особами женскаго пола, сидѣвшими въ ложахъ, нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, имѣли видъ дамъ—могли оставаться въ томъ помѣщеніи и въ той температурѣ. Я почувствовала, что для меня и одного „tanda“, заключавашаго въ себѣ первый актъ „Боккаччіо“, начавшійся около 10 часовъ, вполне достаточно. Мой скептической взглядъ на женскую половину публики поддерживается слѣдующимъ примѣчаніемъ, стоящимъ на афишѣ: „Дамы безъ сопровожденія кавалеровъ не впускаются въ партеръ и ложи перваго яруса“. Между различными ярусами нѣтъ различія въ цѣнахъ, и именно въ ложахъ 2-го и 3-го ярусовъ женскій элементъ былъ особенно много численъ. Дамы этихъ высшихъ сферъ принадлежали къ тѣмъ „маргаритамъ“, которыя ходятъ въ театръ безъ провожатыхъ.

Туда можно ходить и съ собаками. Въ главномъ проходѣ партера лежали два крупныхъ красивыхъ дога.

Въ первый день Пасхи, 29 марта, открылся „Teatro Nacional“, самый большой въ столицѣ и даже единственный, который по своему устройству хотя отчасти можетъ назваться приличномъ театромъ. Это открытіе было для насъ особенно заманчиво, такъ какъ оно въ тоже время было первымъ представленіемъ въ Мексико самой нѣмецкой изъ всѣхъ оперъ, „Тангейзеръ“ Рихарда Вагнера.

Вартбургъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ Попокатепетля—

дѣйствительно въ этомъ было нѣчто особенное интересное. И этотъ вечеръ всѣмъ друзьямъ нѣмецкаго искусства доставилъ большой и радостный сюрпризъ. Представленіе какъ въ вокальномъ, такъ и въ инструментальномъ отношеніи прошло превосходно, публика выказала много тонкости чувства и пониманія. Правда, въ здѣшней публикѣ нѣмецкая колонія была представлена довольно полно, но, безъ сомнѣнія, мѣстные слушатели находились въ преобладающемъ большинствѣ, и если бы произведеніе Вагнера не понравилось мексиканцамъ, энтузіазмъ нашихъ соотечественниковъ не нашелъ бы никакаго отклика и, быть можетъ, даже вызвалъ бы противодѣйствіе. Но успѣхъ былъ необычайно значительный, горячій и искренній.

Уже послѣ увертюры поднялся такой шумъ одобренія, что ему надо было успокоиться, прежде чѣмъ капельмейстеръ могъ приступить къ повторенію финала, начиная отъ вступленія хора пилигримовъ. И во время представленія нѣсколько разъ раздавались оживленные аплодисменты, но всегда непродолжительные, потому что слушателямъ не хотѣлось терять ни одного такта изъ дальнѣйшаго исполненія оркестра. Венера, удерживающая томящагося пѣвца, Елизавета, выражающая радость ожиданія возвращающагося друга, входъ гостей, любовныя пѣсни Вольфрама и Вальтера, молитва Елизаветы и пѣсня Вольфрама къ вечерней звѣздѣ были встрѣчены хотя не продолжительными, но тѣмъ болѣе сильными одобреніями, а по окончаніи актовъ рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца. Однимъ словомъ, былъ полный, истинный успѣхъ. Дѣйствительно, хорошее исполненіе добросовѣстно содѣйствовало ему.

Оперная труппа, прибывшая сюда, не обладала ни одной настоящей „звѣздой“. И это было ея главное достоинство: выдающаяся особенность ея заключалась въ слаженномъ и выравненномъ ансамблѣ. Такое достоинство — большая рѣдкость у труппъ этого рода, набираемыхъ спекуляціей, дающихъ при своемъ образованіи большой просторъ прихоти случая.

Однако всякое артистическое предпріятіе въ этой странѣ должно имѣть свою „звѣзду“, и примадонна, дѣвица Эмма Юхъ, избрана была дать свое имя труппѣ. Сама она была блондинка приятной наружности съ небольшими, но симпатичными голосовыми средствами, съ художественнымъ вкусомъ и достаточной сценической опытностью. Подъ именемъ „Общества Эммы Юхъ“ оперная труппа прославлялась уже въ теченіе нѣсколькихъ недѣль всѣми средствами американской рекламы. Имя этой артистки, пользующеся почтенной репутаціей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи совершенно неизвѣстно.

Уже цѣлый мѣсяцъ въ окнахъ оживленныхъ улицъ виднѣ-

лись большіе портреты примадонны во всѣхъ возможныхъ костюмахъ и заманчивыхъ позахъ, а на всѣхъ углахъ улицъ громадныя афиши съ пестрымъ рисункомъ въ натуральную величину. День за днемъ газеты приносили извѣстія о составленіи труппы, объ успѣхахъ, какіе она имѣла въ другихъ мѣстахъ, пока, наконецъ, нѣсколько дней тому назадъ, на углахъ, буйвами величиною въ футъ, появилась телеграмма, что оперная труппа находится на пути въ Мексико. Затѣмъ было объявлено: „Экстренный поѣздъ съ оперной труппой Эммы Юхъ сегодня прибылъ“, далѣе: „Репетиціи уже начались“ и, наконецъ, „Завтра состоится первое представленіе“.

Всѣ эти громкіе трубные звуки, раздававшіеся ради наполненія театральной залы, легко объясняются цѣнами, которыя здѣсь назначаются и выплачиваются. Общество Эммы Юхъ дало 12 представлений. Абонементная цѣна за восьмимѣстную ложу въ первомъ ярусѣ была назначена въ 400 долларовъ, во второмъ ярусѣ — 300, а въ третьемъ — 200 долларовъ. Маленькія ложи въ четыре мѣста на верхней галереѣ стоили 80 долларовъ. Мѣсто въ партерѣ стоило 50 дол. Цѣна за каждое отдѣльное представленіе равнялась десятой части абонементной платы, т. е. ложа въ первомъ ряду, въ которой отдѣльныя мѣста не продавались, стоила на одинъ вечеръ 40, мѣсто въ партерѣ — 5 долларовъ и т. д.

Правда, и расходы труппы соответствуютъ высокой входной платѣ. Общество состояло изъ 96 лицъ, которыя занимали четыре пульмановскихъ спальныхъ вагона, по 24 мѣста въ каждомъ.

Все предпріятіе основано на томъ, чтобы не пропадало ни одного часа. Изъ болѣе крупныхъ городовъ, въ которыхъ артисты остаются на нѣсколько недѣль, въ дни свободные отъ представлений, на сколько позволяютъ пути сообщенія, производятся небольшія поѣздки въ сосѣднія города меньшаго значенія. Надо, однако, знать что называется „сосѣднимъ“ въ этой части свѣта, изобилующей необработанными пространствами. Разстоянія въ 10 — 12 часовъ пути считаются ничтожными. Требования, какія предъявляются къ физическимъ силамъ артистовъ, и какія они выполняютъ на дѣлѣ, кажутся почти невѣроятными. Съ половины августа артисты сдѣлали по желѣзнымъ дорогамъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 20.000 миль. Для нихъ вовсе не было чѣмъ либо исключительнымъ послѣ 12 часовой поѣздки, прибывъ въ городъ, гдѣ былъ объявленъ абонементъ, даже не заѣзжая въ гостиницу, прямо изъ вагона отправиться въ театръ. Черезъ полтора часа послѣ пріѣзда имъ приходилось начинать представленіе, а иногда черезъ два часа послѣ его окончанія отправляться вновь въ другой городъ,

лежащій также на двѣнадцатичасовомъ разстояніи. Утомленія для нихъ не существуетъ. При какихъ бы то ни было обстоятельствахъ все требуемое контрактомъ должно быть исполнено.

Нечего говорить, что дѣло не обходится безъ всевозможныхъ забавныхъ случайностей. Съ нашей труппой было замѣчательное приключеніе нѣсколько недѣль тому назадъ въ Лосъ Анхилесъ, въ Калифорніи. Вслѣдствіе какого-то происшествія на желѣзной дорогѣ поѣздъ опоздалъ на шесть часовъ. Представленіе было назначено въ восьмомъ часу вечера, а артисты пріѣхали въ Лосъ Анхилесъ только въ 9¹/₂ часовъ. На вокзалѣ агенты ихъ встрѣтили словами: „Публика ждетъ“. Тогда всѣ тотчасъ же отправились въ театръ.

Въ различныхъ уборныхъ была произведена необходимая чистка. Тѣмъ временемъ тюки съ костюмами уже были распарованы, декорации поставлены, и въ 11¹/₄ капельмейстеръ Нейендорфъ могъ постучать своей палочкой и начать интродукцію къ „Карменъ“.

Что же дѣлала публика отъ 8 до 11¹/₄? Послѣ возвѣщенія директора, что поѣздъ сильно опоздалъ и потому представленіе начаться не можетъ, произошли настоящіе парламентскіе дебаты — получать ли обратно деньги изъ кассы, на что соглашался директоръ, или ожидать прибытія труппы. Въ концѣ концовъ, при голосованіи, большинство высказалось за послѣднее рѣшеніе: добродушные театралы предпочли *faire bonne mine au mauvais jeu*. Вскорѣ по всей залѣ установилось самое благодушное настроеніе: пѣлись хоромъ пѣсни, и въ заключеніе нѣкто попросилъ слова и при общемъ одобреніи предложилъ потребовать сюда ужинъ изъ ближайшихъ ресторановъ. Черезъ полчаса можно было видѣть, какъ въ рядахъ партера и въ ложахъ проворные и услужливые кельнеры разносили кушанья и напитки, и общій ужинъ прошелъ при самомъ веселомъ расположеніи духа. Во время ужина директоръ вновь появился передъ своей публикой и съ ликующимъ видомъ сообщилъ полученное имъ извѣстіе, что артисты только что пріѣхали и что черезъ часъ начнется представленіе. Такъ и случилось. Когда музыканты появились въ оркестрѣ, они были встрѣчены кликами радости и одобренія. Въ теченіе всего представленія публика оставалась въ томъ же пріятномъ настроеніи и, восхищенная испытаннымъ ею наслажденіемъ, оставила жаркую залу лишь въ три часа утра.

Къ девяносто шести лицамъ, необходимыхъ для труппы, кромѣ солистовъ, капельмейстера, режиссера и низшаго служебнаго персонала, каковы гардеробщицы, театральные парикмахеры и т. п., принадлежитъ еще довольно многочисленный

хоръ; легко понять, что при такихъ условіяхъ оркестръ не можетъ быть очень большимъ. Дѣйствительно, постоянныхъ исполнителей оркестра насчитывается не болѣе двадцати пяти; но это были хорошіе, солидные, настоящіе музыканты. Въ большихъ городахъ они составляютъ кадръ, къ которому присоединяются еще двадцать пять мѣстныхъ театральныхъ артистовъ. Это новое формированіе оркестра, безъ сомнѣнія, крайне затрудняетъ работу капельмейстера и постоянныхъ музыкантовъ, такъ какъ для каждой оперы требуется нѣсколько особыхъ, добавочныхъ, репетицій. Труппа Нейендорфа даетъ самыя трудныя и большія изъ всѣхъ оперъ, а именно вагнеровскія и ему приходится сажать за ноты „Тангейзера“, „Лоэнгрина“, „Моряка скитальца“ и др. 25 мексиканцевъ, которые никогда не слышали и не сыграли ни одного тона Вагнера; легко понять, что для этихъ трудныхъ и скучныхъ репетицій требуются всѣ часы дня и даже многія часы ночи.

Роскошь оркестра въ пятьдесятъ музыкантовъ допускается, впрочемъ, въ большихъ городахъ, какъ, напр. въ Мексико, Санъ-Франциско, Чикаго, Мильвоки, Филадельфіи, Балтиморѣ и т. д. Въ болѣе мелкихъ городахъ обходятся основной труппой своихъ 25 человѣкъ. Съ этимъ маленькимъ оркестромъ исполняются большія оперы, не исключая и вагнеровскихъ. Во многомъ приходится приспособляться къ обстоятельствамъ, но, вообще, все идетъ недурно. Духовые инструменты—почти въ полномъ комплектѣ. Струнный квартетъ нѣсколько жидковатъ, но, какъ мы уже говорили, всѣ они—хорошіе музыканты, на которыхъ можно вполне положиться. Кромѣ того господа и дамы въ Еленѣ и Ванкуверѣ, привыкшіе къ постоянному оркестру въ восемь или девять человѣкъ, весьма нетребовательны и находятъ нейендорфскій оркестръ какъ нельзя болѣе внушительнымъ.

Впрочемъ, способность довольствоваться малымъ составляетъ основную черту американцевъ. Они ко всему готовы и принимаютъ совершившіеся факты съ изумительнымъ равнодушіемъ. Въ мелкихъ городахъ, въ которыхъ любителямъ искусства тоже приходится платить весьма повышенныя цѣны, театры, если они существуютъ, снабжены декораціями и реквизитомъ въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ; при случайныхъ поѣздкахъ въ эти мѣста, которыя захватываются только по пути, весь тяжелый и разнообразный театральный скорбъ не берется съ собою. По этой причинѣ нѣсколько недѣль тому назадъ леди и джентельмэны въ Монтанѣ видѣли „Волшебнаго стрѣлка“ въ такой обстановкѣ, которая отличалась болѣе милой простотой, чѣмъ характерною вѣрностью сюжета. Декорацій даже не было вовсе. На заднемъ планѣ въ первомъ актѣ

былъ развѣшенъ американскій звѣздчатый флагъ; во второмъ актѣ въ „Волчьей долинѣ“ было повѣшено зеркало, а въ третьемъ актѣ—англійскій флагъ. Но все сошло отлично. Зала была полна, публика восхищалась веберовской музыкой и превосходнымъ исполненіемъ, и никто не вспомнилъ о знаменитой совѣ, правильно хлопающей крыльями и, безвредныхъ, страшныхъ видѣніяхъ фантастической охоты.

И въ здѣшнемъ представленіи „Тангейзера“ декоративная сторона предъявляла фантазии зрителей нѣсколько смѣлыя требованія. Гора Венеры олицетворялась на заднемъ планѣ блестящей водяной поверхностью тропической бухты, надъ которой улыбается темноголубое небо и на берегу которой вдалекѣ возвышается фантастическій замокъ; на сценѣ находилось нѣчто среднее между омнибусомъ и бесѣдкой; это было довольно неудобное помѣщеніе Венеры, которое, при перемѣнѣ декораций, пришло въ движеніе и вмѣстѣ съ богиней любви откатилось въ кусты.

Основа предпріятія странствующей оперы—чисто спекулятивная, даже въ грубомъ смыслѣ этого слова съ безпощадной эксплуатаціей человѣческихъ силъ. Но результатъ ея являлся здѣсь въ прекрасной и благородной формѣ. Въ заключеніе можно было благодарить предпримчиваго импрессаріо за то, что онъ величественныя созданія новаго германскаго искусства распространялъ по всему громадному пространству сѣверо-американскаго материка и далъ возможность видѣть ихъ даже въ центрѣ страны адтековъ.

е) Разумныя и неразумныя установленія.

Позднее время спектаклей. — Ночные сторожа. — Домашній сторожъ. — Ночные врачи. — Попытка лишить улицы ихъ старыхъ почтенныхъ именъ.

Среди многого непонятнаго для насъ въ этомъ странномъ государствѣ мы встрѣчаемъ въ Мексикѣ обычай, противорѣчащій обычаю ранняго прекращенія общественной жизни, а именно позднее начало общественныхъ увеселеній. По афишамъ начало представленія въ театрахъ и въ циркѣ назначается на $8\frac{3}{4}$ часовъ; на самомъ дѣлѣ, однако, оно никогда не начинается раньше $9\frac{1}{2}$ и оканчивается только за полночь. Отъ 9 до 12 часовъ главные улицы почти безлюдны; послѣ полуночи городъ, на короткое время просыпается отъ сна, благодаря театральнымъ посѣтителямъ, направляющимся домой. Затѣмъ наступаетъ вновь мертвое безмолвіе.

Мексико въ ночную пору, когда, какъ мы уже знаемъ, въ дни полнолунія, онъ вовсе не освѣщается и особенно привлекателенъ въ этомъ поэтичскомъ полусвѣтѣ, обладаетъ двумя весьма разумными установленіями, которыя слѣдовало бы перенять другимъ большимъ городомъ. Первое изъ нихъ, общее съ испанскими городами, заключается въ томъ, что ночные сторожа всегда ходятъ съ фонаремъ, ставя его во время отдыха на углахъ улицъ или посреди дамбы, вслѣдствіе чего можно видѣть на большое разстояніе, гдѣ находится ночной сторожъ. Общественная ночная стража здѣсь прекрасно организована и очень значительна. По всѣмъ болѣе важнымъ перекресткамъ, на небольшихъ промежуткахъ, можно видѣть на землѣ красноватые керосиновые огоньки, дающіе гражданамъ увѣренность, что око закона бодрствуетъ. Тяжкія ночныя преступленія, нападенія и т. п. здѣсь почти никогда не случаются.

Климатическія условія и организація индѣйцевъ, еще не измѣненныхъ культурой, создаютъ возможность лучшаго способа охраненія домовъ, чѣмъ способы, принятые у насъ. Чужеземецъ, возвращающійся вечеромъ въ гостинницу, не имѣетъ необходимости, какъ у насъ, болѣе или менѣе долго стоять передъ дверью, пока заспанный слуга отворить ему. При первомъ легкомъ ударѣ дверной скобки онъ слышитъ, какъ изнутри отмыкается цѣпь, и вслѣдъ затѣмъ отворяется дверь. Сторожъ-индѣецъ спитъ не въ комнатѣ, а на дворѣ, непосредственно у входной двери. Вечеромъ онъ разстилаетъ тамъ матрацъ, заворачивается въ свое шерстяное одѣяло и при малѣйшемъ шумѣ двери просыпается. И другіе слуги дома, по видимому, не имѣютъ своей комнаты и спятъ въ проходахъ „ratio“, гдѣ каждый вечеръ устраиваютъ себѣ первобытное ложе. Такъ какъ ночи въ Мексико всегда довольно свѣжи, и большой четырехугольный дворъ не имѣетъ кровли, то люди, спящіе на открытомъ воздухѣ, должны быть закалены отъ простуды. Очевидно, они должны быть менѣе чувствительны къ вѣтру, непогодѣ и сырости, чѣмъ мы, потому что на каменномъ полу, холодъ котораго не можетъ не проходить черезъ тонкій жесткій матрацъ, они спятъ, завернувшись въ одѣяло, какъ я могъ замѣтить, очень крѣпко.

Другое разумное учрежденіе, которое не мѣшало бы заимствовать у мексиканцевъ, заключается въ томъ, что врачи, готовые служить своимъ искусствомъ и ночью, вывѣшиваютъ передъ окномъ на улицу большіе и яркіе, далеко свѣтящіе, фонари съ надписью: „врачъ во всякое время ночи“ („medico a toda hora de la noche“)

Напротивъ другое городское установленіе новѣйшаго про-

исхожденія заставитъ всякаго иностранца покачать головой и вызываетъ самое рѣшительное сопротивленіе мѣстныхъ жителей. Это—распоряженіе о перемѣнѣ названій всѣхъ улицъ. Такая произвольная мѣра, которую всюду было бы трудно провести, кажется особенно странной и загадочной. Такъ, напримеръ, здѣсь давно уже введена десятичная система въ монетномъ дѣлѣ и тѣмъ не менѣе здѣсь до сихъ поръ еще считаютъ на песеты, реалы, меди и квартильи. Старыя монеты давно вышли изъ обращенія, и этотъ счетъ вполне устарѣлъ. Требуется большая своровка въ счетѣ, чтобы переводить старыя монеты и единицы на новую систему. Однако народъ дѣлаетъ это довольно ловко, и въ мелкой торговлѣ, несмотря на запрещеніе начальства, все рассчитывается по несуществующимъ болѣе денежнымъ единицамъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ введеніе новаго рациональнаго счета имѣло полное основаніе и очевидную выгоду для международныхъ сношеній. Но необходимость или даже желательность въ одинъ прекрасный день лишить всѣ улицы ихъ старыхъ почтенныхъ именъ, замѣнивъ ихъ какими-то географическо-алгебраическими формулами, трудно поддается объясненію.

Подобно ново-американскимъ городамъ Мексико построены по простому правильному плану и раздѣлены на квадраты. Это обстоятельство привело какого-то деспота въ городскомъ управленіи къ несчастной и глупой мысли внести сюда и американское обозначеніе улицъ по положенію относительно странъ свѣта съ прибавленіемъ цифръ безъ индивидуальныхъ названій. Само по себѣ это, конечно, остроумно и во всякомъ случаѣ систематично; если только знать ключъ, по этимъ обозначеніямъ ориентироваться весьма легко. Городъ раздѣленъ на четыре части. Продольныя улицы называются восточными и западными проспектами или аллеями, поперечныя—сѣверными и южными улицами. Къ однѣмъ прибавляются буквы, къ другимъ—цифры. На бумагѣ все это выходитъ красиво и ясно.

Остроумное городское управленіе, принявши эту систему, вознамѣрилось однимъ почеркомъ пера уничтожить всѣ особыя названія улицъ и замѣстить ихъ новыми формулами. По всѣмъ угламъ прибиты маленькія голубыя дощечки, на которыхъ четкимъ шрифтомъ обозначены эти іероглифы. Нечего говорить, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Трудно вообразить себѣ—какимъ образомъ мудрые устроители города могли такъ неразумно забыть о силѣ преданія. Имъ слѣдовало бы вспомнить, что старыя историческія имена глубоко запечатлѣваются въ памяти народа и не устраниются никакими новыми выдумками. Въ новыхъ городахъ Америки, въ которыхъ все съ самаго основанія создается вновь и гдѣ не при-

ходится имѣть дѣла ни съ какимъ прошлымъ, тамъ эти простыя обозначенія съ помощью буквъ и цифръ вполнѣ практичны; но здѣсь это нововведеніе наталкивается на крѣпкіе устои непоколебимаго преданія. Здѣсь улицы въ теченіе вѣковъ носили свои имена и къ этой старинѣ слѣдовало относиться съ уваженіемъ.

Улицы въ устахъ народа и повсюду продолжаютъ сохранять свои характерныя имена, уничтоженныя на бумагѣ административнымъ распоряженіемъ; маленькія голубыя дощечки на углахъ служатъ только къ тому, чтобы сбивать прохожихъ. Даже извозчики недоумѣваютъ, если имъ назвать официально установленный адресъ. Дѣйствительно, трудно требовать, чтобы мексиканецъ, который всю свою жизнь ходилъ или ѣздилъ по улицамъ С. Франциско, принялъ къ свѣдѣнію, что одна часть ея называется „Avenida Poniente 4“, а другая — „Avenida Oriente 4“. Между тѣмъ настоящаго, единственнаго стараго, названія улицъ иностранецъ не находитъ нигдѣ.

Еслибы мексиканское городское управленіе захотѣло дѣйствовать разумно, оно должно было бы имѣть мужество признать, что сдѣлало ошибку, безцѣльно спутавъ официальное обозначеніе и настоящее названіе улицъ, и должно было бы возвратиться къ старымъ названіямъ послѣднихъ.

Окончаніе слѣдуетъ

Д. Коропчевскій

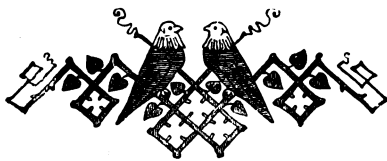

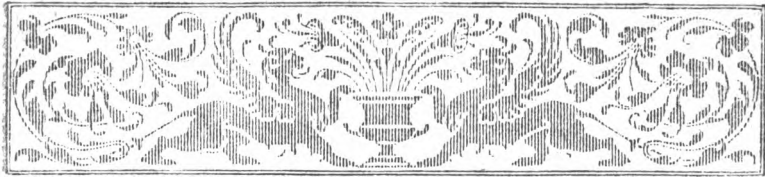

Ц В Ъ Т Ы

Гдѣ жизнь и счастье, что обѣщаль ты ей?
Теперь она одна, среди семьи своей,
Всѣмъ чуждая, стыдомъ, какъ трауромъ, покрыта,
Ждетъ только одного — чтобъ было позабыто
Все то, что въ жизнь ея собою ты принесъ
Подъ именемъ любви, въ букетахъ всякихъ розъ.
А ты, все о себѣ нѣжнѣйшей полнъ заботы,
Букеты тѣхъ же розъ другимъ несешь давно ты
И тамъ стараешься внушить, какъ тѣ цвѣты
Неувядаемы, что имъ приносишь ты.

Пл. Кусковъ

ТЕТРАДЬ УЧЕНИЦЫ

(Вырвано изъ гимназическихъ воспоминаній)

Бъ сожалѣнiю, эти странички, написанныя въ оригиналѣ на четырехъ листкахъ графленой бумаги, исписанной крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ по готовымъ линейкамъ, дѣйствительно вырваны изъ подлинной ученической тетради одной гимназистки еще въ 1875 году, когда владѣлицѣ тетрадки было съ немногимъ четырнадцать лѣтъ.

Здѣсь описанъ всего одинъ классный день, 9 августа.

Все, что набросано въ этихъ листкахъ, такъ чуждо литературности и такъ самобытно, что было бы жаль оставить, среди безслѣдно исчезающихъ сувенировъ, эту рукопись, которая уже начинаетъ желтѣть.

Пускай это лишь одна страничка изъ жизни дѣтскаго ума; но даже въ этомъ ничтожномъ отрывкѣ читатель успѣваетъ почувствовать оригинальный юморъ и даровитость выдающейся и воспримчивой дѣвочки.

Могу прибавить, что авторъ живетъ, что авторъ не обмануль ожиданiй, и что еще понынѣ онъ, т. е. она, продолжаетъ плѣнять всѣхъ, кто ее знаетъ, богатствомъ своей подвижной натуры, прелестью своей шутки и яркостью своихъ сужденiй.

»Да вотъ бѣда«, скажу я вслѣдъ за Лермонтовымъ: »не пишутъ эти господа«.

С. Андреевскiй

36*

9 августа

Nous allons comme sur des roulettes, сказала бы Victorine. Вот баба съ искрой эта Victorine! Но не объ ней я буду говорить, а о гимназиі. Прекомичный день былъ сегодня. Во первыхъ, первый разъ за 4 года П. не пришелъ. Не видали его тараканьихъ глазъ за ботаникой, и то отрада! Шаб. по этому случаю пронеслась индйскимъ танцемъ по классу, бія себя въ тощую грудь сухенькимъ кулачкомъ. Я предложила перенести мѣсто оргій за доску. Тотчасъ же туда бросились Леля, Женя, Шемет. и Немеровс. да еще Баранова (Утиная меланхолія не пришла). Отродье усѣлось мрачно зубрить на подставкѣ доски. Всѣ сѣли по турецки; я осмотрѣла группу: дохлая Леля повисла на Немер., надорванно хохоча въ свалкѣ съ ней, Шемет. ужасно не къ фигурѣ поза — она совсѣмъ короткая стала, Баранова зачѣмъ-то очень упорно гнетъ меня за шею; терпѣть не могу насилій даже въ шуткахъ. Женя съ темно-обведенными глазами широко и грустно глядитъ покачиваясь. Вотъ и всѣ. Всѣхъ ихъ знаю, а себя меньше всѣхъ. Знаю, что Б. пойдетъ за достойнаго человѣка (хоть и съ просѣдью, куда ни шло), а сама между тѣмъ любитъ своего репититора за его пріятную рѣчь и неразгаданность и убѣтъ это чувство какъ блоху. Знаю, что Шем. никуда на столько не тянетъ, чтобы плотно не позавтракать, знаю, что для Жени лучшій конецъ — самоубійство, знаю, что Леля такъ и будетъдохнуть 100 лѣтъ, знаю, что Нем. станетъ грошевой libre penseuse, знаю также, что Отродье давно любовница какогонибудь закоренѣлаго новатора, какъ она думаетъ, а въ сущности дурака. Все это мнѣ извѣстно, а про себя и знать не хочу. Боюсь только полюбить, тогда сломаюсь.

Баран. говоритъ, что я буду rapillon, Шем., кажется, усматриваетъ во мнѣ Асю, дай ей Богъ здоровья! Леля идолопоклонничаетъ, Люлька критикуетъ мой аристократизмъ (состоящій только въ чистыхъ воротничкахъ). Отродье никакъ ко мнѣ не относится: оно занято своей грязной идеей.

Женя не прочь бы, чтобы я умерла поэтической болѣзью, чтобы остаться Досей.

Итакъ, оргіи за доской не состоялось—мнѣ стало чего-то грустно, острая тоска — я ихъ бросила и сѣла носомъ въ окно. Вдругъ чья-то лапенка на плечѣ. »Что съ моей чудной Досинькой?« прошепталъ голосокъ Шевыревой. Я чуть не стукнулась о ея холодное личико.

Синіе глаза съ красноватыми жилками такъ не полюбки — нѣжно смотрѣли. Такимъ небеснымъ кладомъ несло отъ ея ласки, что мнѣ стало еще неуютнѣе. Ничего, это зубъ болитъ у меня.

»А я думала ропщете на что нибудь. Такъ вы воды въ ротъ наберите на больное мѣсто«.

Да я и такъ набрала — молчу, думала я съострить.

Ей, кажется, понравилось, потому что, погрозивъ мнѣ, она отошла.

Тутъ зазвенѣлъ призывъ къ ѣдѣ; молодые желудки встрепенулись. Начались мои любимыя завтракашныя сценки. Ш. крадется съ пирогомъ вдоль стѣнъ, напрасно стараясь ступевать хоть частицу его въ короткой лапкѣ. Я вижу это и неумолимо надвигаюсь на нее, настагаю и громовымъ голосомъ кричу надъ ухомъ: ты клялась въ любви; я хочу жертвъ — отдай пирогъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ

ДОМАШНЯЯ НАСТАВНИЦА

„Каждая школа, каждый педагогъ
неизбѣжно выполняетъ одну изъ
двухъ функций: или они готовятъ
счастье своей странѣ или не-
счастье“.

К. Ушинскій.

I

Въ ряду многочисленныхъ ошибочныхъ взглядовъ и понятій, господствующихъ въ нашемъ обществѣ, едва ли не самымъ опаснымъ и вреднымъ долженъ быть признанъ тотъ, по которому забота о воспитаніи и образованіи дѣтей можетъ быть предоставлена всякому, кто имѣетъ дипломъ, указывающій на то, что предъявитель онаго обучался въ такомъ-то и такомъ-то учебномъ заведеніи, гдѣ и окончилъ съ успѣхомъ полный курсъ наукъ.

Съ другой стороны воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній весьма охотно принимаютъ на себя обязанность воспитателей и учителей, но подобнаго рода трудъ ихъ является не результатомъ высшаго призванія, а результатомъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Та же причина (недостатокъ средствъ, крайняя нужда) въ особенности проявляется свое могучее дѣйствіе на воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, которымъ другіе роды дѣятельности являются недоступными по многимъ причинамъ; независимо, впрочемъ, отъ условій жизни многія изъ нихъ на педагогическое поприще идутъ соп амоге: быть учительницею, быть воспитательницею дѣтей вѣдь это призваніе женщины — будущей матери и противъ такого заявленія едва ли что возможно возразить. Между тѣмъ на практикѣ оказывается, что далеко не многіе изъ окончившихъ курсъ ученія въ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то въ институтахъ, гимназіяхъ,

пансіонахъ, способны быть не только прекрасными, но хотя бы сносными учительницами и въ особенности воспитательницами дѣтей. Въ данномъ случаѣ причина подобнаго явленія кроется въ томъ обстоятельстве, что между пріобрѣтеніемъ знанія съ одной стороны и сообщеніемъ таковаго другимъ, точно также какъ между подчиненіемъ своей воли, своихъ дѣйствій и желаній даннымъ требованіямъ учебнаго заведенія и способностью требовать подобнаго же подчиненія себѣ другихъ, кроется громадная разница. Можно многое знать, но не умѣть передавать своего знанія другимъ, можно пріучить свою волю, свои поштуки и желанія согласовать съ требованіями даннаго учебнаго заведенія, но не умѣть столь же успѣшно дѣйствовать по отношенію къ другимъ субъектамъ, нами воспитуемымъ. Факты подобнаго рода весьма часто мы можемъ наблюдать въ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ дѣвушка, полная силъ и искреннаго желанія трудиться и приносить посильную пользу окружающимъ ея людямъ; ея мечта—своимъ трудомъ зарабатывать кусокъ хлѣба; желаніе въ высшей степени благородное и законное.

Что же ей дѣлать?

Искать мѣста—занятій.

Вскорѣ ей отыскивается мѣсто — воспитательницы и учительницы къ дѣтямъ, мѣсто, по мнѣнію многихъ, прекрасное, ибо хорошо оплачивается. Въ первый же день ея новыхъ занятій, съ перваго же шага новой дѣятельности дѣвушка начинаетъ испытывать всю тягость своего положенія: она не знаетъ что дѣлать ей съ дѣтьми, какъ съ ними заняться и какъ поступить ей съ цѣлымъ рядомъ ихъ требованій и заявленій. Принятія ею на себя обязанности становятся ей быстро въ тягость, и она начинаетъ испытывать не только чувство скуки, но и злобы и злости. Прослѣдите внимательно, какъ протекаетъ ея день, и вы убѣдитесь, что весь онъ наполненъ цѣлымъ рядомъ мученій и страданій, причемъ не только страдаетъ она, но, что печальнѣе всего, страдаютъ дѣти и мучатся бѣдные родители. Настало утро. Дѣти проснулись. Одѣваться не желаютъ — дѣтская рѣзвость не охотно подчиняется требованіямъ строгой дисциплины. Въ дѣтской шумъ, крикъ, бѣготня. Всѣ ея попытки упростить дѣтей лаской, поцѣлуями оказываются недѣйствительными: дѣти условиями прошлой жизни не пріучены быстро и скоро подчиняться требованіямъ воспитательницы. Крикъ, шумъ выводятъ изъ терпѣнія родителей, и ихъ появленіе въ дѣтской не рѣдко оканчивается драньемъ ушей, колотушками и розгами. Въ результатѣ—затишье, сопровождаемое тихимъ плачемъ, и капризное, хотя вполнѣ молчаливое, одѣванье. Дѣти одѣты, идутъ на

молитву, пьютъ чай, кофе и получаютъ выговоры и наставленія отъ родителей и тетюшекъ, что такъ вести себя нельзя. Такого рода выговоры косвенно относятся и къ воспитательницамъ — ты, дескать, сударыня, не умѣешь съ дѣтми обращаться, а еще воспитательница! Вотъ чай оконченъ, начинаются занятія; тутъ новое мученье: дѣти сидятъ плохо, неохотно исполняютъ требованія учительницы, обучающей ихъ такъ, какъ когда-то ее учили въ школь. Если она мягкаго характера, то дѣти быстро завладѣваютъ ею, и она дѣлаетъ все то, что они требуютъ: наскучило писать — начали читать; наскучило и это — быстро перешли къ разсматриванію какихъ либо картинокъ, затѣмъ къ рисованію домиковъ и, наконецъ, просто къ маранью бумаги; учительница весьма довольна и счастлива: дѣти повидимому начали ее слушать — сидятъ тише; родители довольны тоже: дѣти не орутъ и не плачутъ. Слава Богу, наступила тишина и миръ водворился! Но вотъ поданъ завтракъ, обѣдъ; тутъ начинается вновь все то, что было раньше утромъ: ребенокъ плохо сидитъ, безъ передника, ему его надѣваютъ, онъ противится, ему приказываютъ — онъ не слушаетъ; дѣло оканчивается угломъ, лишеніемъ пирожного и т. д., и т. д. Ребенокъ не такъ держитъ ножъ, вилку — все это замѣчается ему, кушаетъ ли много, пьетъ ли мало, все это ставится ему на видъ.

Такимъ образомъ, обѣдъ и завтракъ проходятъ въ созерцаніи ребенка и въ производствѣ слѣдствія надъ его поступками. Оконченъ завтракъ, обѣдъ, дѣти уходятъ гулять въ садъ; воспитательница идетъ за ними, по ихъ слѣдамъ, не зная какъ и чѣмъ заняться съ ними. Начинаетъ она забавлять ихъ тѣмъ, чѣмъ когда-то ее забавляли—дѣти не увлекаются придуманною ею забавою, убѣгаютъ во дворъ, гдѣ находятъ себѣ развлеченіе съ дворникомъ, который разрѣшаетъ имъ исполнять его обязанности — подметать дворъ, убирать соръ, таскать песокъ и т. п. Воспитательница не позволяетъ подобныхъ занятій, начинается ссора. Наконецъ, она пускаетъ въ ходъ силу и стремится утащить непослушнаго ребенка въ комнату, въ результатѣ ребенокъ кусаетъ ее, царапаетъ и бьетъ. Бѣдная воспитательница, тихо заплакавъ, или уходитъ, покидая дѣтей, или идетъ жаловаться родителямъ. Происходить расправа; родители начинаютъ вычитывать нотации: „Вамъ приказано не ходить во дворъ, вамъ велѣно не подходить къ дворнику, а вы что же? А ты какъ смѣешь кусаться, царапаться!“ и т. д.

Ребенокъ, конечно, все слушаетъ, мысли же его и желанія далеки отъ всѣхъ этихъ наставленій—онъ лишь мечтаетъ снова удрать, снова схватить поливалку и отправиться исполнять

все то, что дѣлаетъ дворникъ и что ему дѣйствительно пріятно. Оканчивается дѣло тѣмъ, что ребенка снова наказываютъ или приказываютъ сѣсть и сидѣть смирно, или заставляютъ учительницу разсматривать съ нимъ картинки и вырѣзывать эти послѣднія. Дѣло какъ будто пошло на ладъ. Но быстро все опять смѣняется: дѣти начинаютъ просить учительницу, что либо прочесть; она, конечно, исполняетъ такое желаніе съ удовольствіемъ. Но натура дѣтская никакъ не можетъ привыкнуть къ занятіямъ такого сорта — сказки, басни, рассказы далеко не такъ занимаютъ вниманіе дѣтей, какъ факты дѣйствительности — пробѣжала собака, кошка, и этого совершенно достаточно, чтобы ребенокъ все забылъ и пустился за ними въ догонку или пустилъ имъ вслѣдъ что либо... Но его удержали и снова заставили слушать рассказъ и вырѣзывать картинки. Въ результатѣ: всѣ картинки изрѣзаны, учительница утомлена, все перепорчено, брошено, и дѣти вмѣстѣ съ учительницею чинно и мирно перебрались на новое мѣсто. Но — увы! — здѣсь они опять безъ всякихъ занятій, или занятія не клеются и не увлекаютъ дѣтей. Послѣдствіемъ такихъ занятій является скука и новыя шалости дѣтей.

Наступаетъ вечеръ; дѣти собираются идти спать; передъ отходомъ ко сну новыя капризы, новыя шалости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя наставленія, упреки, жалобы родителей, подчасъ сопровождаемыя колотушками и пинками. Но вотъ дѣти уснули, и воспитательница можетъ свободно вздохнуть; она устала еще болѣе своихъ воспитанниковъ и утомлена душевно, испытывая, быть можетъ, горькое чувство разочарованія въ своей педагогической дѣятельности. То же самое, съ нѣкоторыми лишь варіаціями, повторяется на второй, третій и четвертый день; проходятъ мѣсяцы, и въ результатѣ кромѣ ежедневныхъ огорченій и непріятностей нѣтъ ничего. натура человѣка, къ счастью, такой дѣятельности не можетъ вынести продолжительное время: воспитательница всю вину сваливаютъ на распущенность и дикость бѣдныхъ дѣтей, родители на неспособность воспитательницы заниматься съ дѣтьми, и послѣ непродолжительныхъ объясненій учительница покидаетъ мѣсто, отыскиваетъ новое, гдѣ повторяется, если не та же самая исторія, то нѣчто въ томъ же родѣ. Кто здѣсь правъ, кто виноватъ? Виновата учительница-воспитательница, взявшаяся за дѣло, не имѣя о немъ ровно никакого понятія, виновны родители, не имѣющіе также никакого понятія о томъ, какъ учить и воспитывать ихъ дѣтей... Невинны лишь дѣти, невинны уже потому, что они искренни, ибо поступаютъ и дѣйствуютъ такъ, какъ имъ подсказываетъ ихъ умъ и ихъ сердце. Неужели на нихъ слѣдуетъ возложить всю отвѣтственность за то, что ихъ

желаніями, ихъ дѣйствіями и поступками не умѣютъ управлять и руководить взрослые люди, смѣло и охотно принимающіе на себя обязанности воспитателей? Желая, однако, быть справедливымъ, нельзя и этихъ винить строго; что же дѣлать, когда среди нашего общества господствуетъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, то убѣжденіе, что дѣломъ воспитанія и обученія дѣтей можетъ заниматься всякій, кто самъ учился въ какомъ либо учебномъ заведеніи и снабженъ отъ этого послѣдняго надлежащимъ дипломомъ. Ошибочность такого взгляда имѣетъ въ своемъ основаніи то предположеніе, что всякій, располагающій какимъ либо знаніемъ, можетъ таковое и сообщать и передавать другимъ: практической опытъ жизни указываетъ на громадную пропасть между тѣмъ, что выражается словами *учиться* и *учить*. Можно много знать, но не умѣть передавать своего знанія другимъ, точно также какъ можно быть вполнѣ воспитаннымъ, но не умѣть воспитывать другихъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ браться за дѣло обученія и воспитанія дѣтей, необходимо знать—*какъ учить и какъ ихъ воспитывать*. Быть можетъ многимъ воспитателямъ и воспитательницамъ дѣтей покажется страннымъ или даже обиднымъ, если я позволю себѣ утверждать, что громадное большинство изъ нихъ совершенно незнакомо съ знаніемъ подобнаго рода и что большинство ихъ никогда не задавало себѣ вопроса о томъ, что требуется для того, чтобы быть умѣлымъ преподавателемъ и искуснымъ воспитателемъ? Едва ли найдется много такихъ воспитателей, которые ясно и отчетливо представляютъ себѣ тѣ условія, при наличности коихъ они смѣло могутъ браться за дѣло обученія и воспитанія дѣтей... Между тѣмъ фактъ безспорный, что неумѣлый учитель, плохой воспитатель столь же вредны для общества, какъ и многіе другіе порочные люди: плохой учитель изъ дѣтей создаетъ невѣжественныхъ людей, неумѣлый воспитатель сѣетъ въ душѣ ребенка сѣмена пороковъ, которые сдѣлаютъ изъ ребенка въ будущемъ человѣка несчастнаго, нравственнаго урода и вреднаго члена для семьи и общества.

Говорятъ, что дѣло воспитанія и обученія дѣтей — дѣло великое и святое, и въ этомъ заявленіи нѣтъ громкой фразы, но лишь глубокая истина; давно извѣстно, что школы наши являются мастерскими гуманности, а учителя-воспитатели тѣми мастерами, которые создаютъ человѣка, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что та же мастерская можетъ создать изъ человѣка или подобіе ангела, или подобіе діавола, причеиъ такая форма созданія всецѣло будетъ зависѣть не только отъ качества самаго матеріала, но и отъ ваятеля, придавашаго этой глинѣ извѣстную форму.

II

Дѣятельность домашней наставницы во многомъ отлична отъ занятій учительницы въ строго и правильно организованномъ учебномъ заведеніи. Не говоря уже о томъ, что при домашнихъ занятіяхъ съ дѣтьми, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, нѣтъ ни опредѣленной программы, ни опредѣленнаго плана занятій, а иногда даже нѣтъ вполне удобнаго мѣста для ежедневныхъ занятій, родители — что я готовъ имъ поставить въ большую заслугу — приглашая наставницу, всецѣло передаютъ своихъ дѣтей ея заботамъ и попеченіямъ, и ей такимъ образомъ предстоитъ трудъ организациі занятій. Правда, не всегда родители поступаютъ столь благоразумно и нерѣдко вѣшиваются въ ходъ занятій съ дѣтьми, что опять-таки въ громадномъ большинствѣ случаевъ, скорѣе можетъ оказать вредъ, чѣмъ пользу. Вотъ почему въ интересахъ успѣховъ дѣла обученія и воспитанія дѣтей всякой домашней наставницѣ я бы рекомендовалъ предварительно *обстоятельно* ознакомиться съ требованіями и желаніями родителей и *заранѣе* установить строго опредѣленныя отношенія родителей къ ея педагогической дѣятельности. Этому существенно важному условію наставницы мало придаютъ значенія и даже обходятъ его полнымъ молчаніемъ. наиболѣе же вниманія обращается на вопросы денежнаго вознагражденія и на число часовъ занятій съ дѣтьми. Въ особенности это послѣднее обстоятельство — установленіе числа часовъ занятій съ дѣтьми — является условіемъ крайне ненормальнымъ и вреднымъ для успѣха дѣла: подобное условіе имѣетъ свое значеніе и свой *raison d'être* лишь въ томъ случаѣ, когда наставница занимается съ дѣтьми какими либо опредѣленными предметами обученія, когда она не живетъ вмѣстѣ съ дѣтьми, и когда дѣти не поручены всецѣло ея заботамъ и попеченіямъ; словомъ, опредѣленіе числа часовъ занятій имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда наставница является исключительно преподавательницею какого либо предмета и приходитъ для подобныхъ занятій лишь въ опредѣленные дни и часы; но даже и въ этомъ случаѣ не представляется возможнымъ строго опредѣлить число часовъ занятій — иногда окажется необходимымъ для пользы дѣла въ извѣстный день или сократить, или увеличить занятія, и благоразуміе родителей должно въ этомъ случаѣ удержать ихъ отъ какихъ либо замѣчаній или выговоровъ учительницѣ, такъ какъ родители должны имѣть въ виду общіе успѣхи дѣтей, достигнутые ими при содѣйствіи учительницы въ періодъ извѣстнаго времени, но отнюдь не то обстоятельство, чтобы учительница непременно

пробыла на урокъ ровно часъ, но не часъ безъ 5 минутъ. Подобное отношеніе къ учительницѣ родители могутъ проявить, конечно, въ томъ случаѣ, когда они будутъ питать къ ней полное довѣріе; это же послѣднее учительница можетъ вызвать къ себѣ лишь добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ связи съ знаніемъ самаго дѣла.

Объ опредѣленіи числа часовъ занятій наставницы съ дѣтьми въ томъ случаѣ, когда дѣти ей поручаются всецѣло, въ теченіе всего времени дня, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ этомъ случаѣ наставница всецѣло принадлежитъ дѣтямъ и можетъ считать себя свободною отъ всякихъ заботъ о дѣтяхъ лишь въ часы ихъ сна или въ иные какіе либо часы, когда она знаетъ, что дѣти заняты и что ея присутствіе не является необходимымъ и неотложнымъ. Установленіе числа часовъ занятій съ дѣтьми тою наставницею, которой дѣти поручены всецѣло и съ которыми она проводитъ цѣлыя дни, всегда приводило и приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: наставница, пробывъ опредѣленное число часовъ съ дѣтьми, согласно договору уходитъ къ себѣ въ комнату, и дѣти остаются на произволъ судьбы; ихъ крики, ихъ шалости, ихъ вполне неодобрительные поступки нисколько не трогаютъ наставницу, исполнившую все, что установлено по условію; родители, видя отсутствіе должнаго надзора и заботы о дѣтяхъ, выражаютъ свое неудовольствіе наставницѣ; быстро устанавливаются между ними холодныя отношенія, возникаютъ недоразумѣнія, и все оканчивается тѣмъ, что наставницѣ отказываютъ отъ мѣста, дѣтей наказываютъ, приглашаютъ новую воспитательницу, къ требованіямъ которой дѣтямъ приходится вновь привыкать.

Такимъ образомъ, всякая особа, желающая себя посвятить труду домашней наставницы, должна прежде и раньше всего войти въ соглашеніе съ родителями дѣтей о томъ: обязана ли она быть лишь преподавательницею данныхъ предметовъ или преподавательницею и воспитательницею дѣтей. Быть преподавательницею, или, говоря проще, учительницею дѣтей, не одно и то же, что быть и ихъ наставницею, въ сферу дѣятельности которой по преимуществу входитъ забота о воспитаніи дѣтей. Намъ могутъ замѣтить, что при преподаваніи дѣтямъ предметовъ нельзя устранить въ то же время и заботу о ихъ воспитаніи, это вѣрно, но несомнѣнно, что преподаванію даннаго предмета возможно ограничить извѣстнымъ временемъ дня; заботы же о воспитаніи — что входитъ по преимуществу въ сферу занятій наставницы — не могутъ быть ограничены какимъ либо временемъ: ея присутствіе въ интересахъ успѣховъ дѣла потребуетъся ежечасно и ежеминутно.

Уяснивъ такимъ образомъ цѣль и задачу своей дѣятельности, всякая домашняя наставница разъ навсегда должна помнить, что она приглашена родителями не для отдыха, а для труда, труда въ высшей степени серьезнаго, причемъ, согласно выясненнымъ условіямъ, все свое время обязана посвящать заботамъ о физическомъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей, вѣранныхъ ея попеченіямъ.

При такихъ условіяхъ домашняя наставница не только учительница, не только воспитательница, но она становится членомъ семьи во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, какіе касаются интересовъ дѣтей, и ея дѣятельность, безспорно, должна вызывать къ себѣ полную благодарность со стороны родителей и полное уваженіе со стороны всѣхъ другихъ, какъ дѣятельность въ высшей степени благородная и полезная не только для данной лишь семьи, но и для всего общества.

III

Домашняя наставница, вступивъ въ данную семью, сдѣлавшись ея членомъ, прежде и раньше всего должна ознакомиться съ общими условіями ея ежедневной жизни, другими словами съ тѣми порядками жизни въ семьѣ, которые являются всегда обусловленными какъ матеріальными средствами семьи, такъ, съ другой стороны, родомъ занятій главныхъ ея членовъ — отца, матери и другихъ лицъ, живущихъ въ данной семьѣ. Сообразно всѣмъ этимъ условіямъ домашнею наставницею долженъ быть установленъ извѣстный режимъ ея дѣятельности, или, другими словами, режимъ ея занятій съ дѣтьми. Выработанное распредѣленіе времени для занятій ея съ дѣтьми и общій распорядокъ ежедневной дѣятельности дѣтей вообще, долженъ быть согласованъ съ желаніями родителей, и эти послѣдніе должны всецѣло подчиниться установленному порядку въ интересахъ пользы ихъ же дѣтей. Установленному порядку домашней наставницы дѣти должны слѣдовать неуклонно и исключенія должны быть дѣлаемы лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Установленный такимъ образомъ режимъ долженъ обнимать собою всю быденную жизнь и дѣятельность дѣтей, должны быть назначены строго опредѣленные часы для пробужденія отъ сна, для чая, для завтрака, обѣда, учебныхъ занятій, прогулокъ, игръ и т. д., и т. д. При этомъ необходимо строго держаться того правила, чтобы весь день былъ наполненъ занятіями и чтобы ребенокъ не могъ бы сказать, что онъ не знаетъ, что ему дѣлать, и не изъясилъ бы просьбы дать ему какія либо занятія. Въ основаніе составленнаго режима должны быть положены два общихъ правила, ко-

торымъ всякій человѣкъ долженъ руководствоваться въ своей самостоятельной жизни и дѣятельности, а именно:

- a) все должно быть въ свое время,
- b) ничего чрезмѣрно.

Одна изъ величайшихъ ошибокъ весьма многихъ нашихъ домашнихъ наставницъ состояла и состоитъ въ томъ, что онѣ охотно поддаются желаніямъ дѣтей и просьбамъ родителей, почему не рѣдко отступаютъ отъ режима, ими же самими намѣченнаго; такое отступленіе всегда производитъ вредное вліяніе на образованіе характера дѣтей. Разъ навсегда, напр., установленъ часъ вставанья отъ сна, и исполненіе этого должно быть строго соблюдаемо, между тѣмъ доброе сердце матери и безхарактерность домашней наставницы допускаютъ отступленіе, и ребенокъ встаетъ часомъ позже, и этого уже совершенно достаточно для того, чтобы вся послѣдующая жизнь и дѣятельность ребенка въ теченіе даннаго дня совершенно измѣнилась, и весь день прошелъ въ полномъ беспорядкѣ: поздно вставшій ребенокъ, бесполезно провалявшійся въ постели, не только физически чувствуетъ себя разслабленнымъ, но и всѣ послѣдующія его занятія происходятъ или слишкомъ спѣшно, или невольно пропускаются за недостаткомъ времени. Независимо отъ того, что иногда охотно допускаются отступленія отъ разъ установленнаго режима, этотъ послѣдній нерѣдко исполняется не въ той послѣдовательности, какъ то установлено: часы забавы переносятся на часы учебныхъ занятій, эти послѣдніе замѣняются часами обѣда, завтрака, прогулокъ, а эти послѣдніе часами занятій и т. п. Не разъ мнѣ приходилось слышать заявленія дѣтей о томъ, что теперь мы пойдемъ гулять, ибо на дворѣ де хорошо, солнце свѣтитъ, а займемся потомъ или—теперь займемся, а потомъ погуляемъ, и такія желанія дѣтей не рѣдко исполняются домашнею наставницею съ полною охотою; между тѣмъ въ подобнаго рода отступленіяхъ незамѣтно скрывается весь вредъ и вся та безалаберность, которая впоследствии упорно проявляется въ характерѣ ребенка и далѣе—взрослаго человѣка. Вотъ почему все должно быть въ свое время и замѣна одного другимъ не можетъ быть допускаема: необходимо заранѣе, смотря по условіямъ жизни всей семьи, строго опредѣлить, что вслѣдъ зачѣмъ должно слѣдовать, и отступленія не должны имѣть мѣста: день достаточно великъ для того, чтобы въ теченіе его найти время для всякаго рода занятій, причемъ, повторяю, установленныя занятія всегда должны быть согласованы съ условіями всей семьи; это послѣднее обстоятельство важно въ томъ отношеніи, чтобы условія жизни взрослыхъ (измѣнить каковыя далеко неудобно, а иногда даже и невозможно) вполне бы гармонировали съ по-

рядкомъ жизни дѣтей и не служили бы вполне уважительнымъ поводомъ къ измѣненію этой послѣдней. Такимъ образомъ, всякая домашняя наставница, сообразуясь съ условіями жизни всей семьи, обязана разъ навсегда опредѣлить часы дня:

- a) для учебныхъ занятій;
- b) для прогулокъ, игръ, забавъ и занятій дѣтей;
- c) для принятія пищи: чая, кофе, обѣда, ужина и т. д.
- d) для сна.

При этомъ установленный режимъ долженъ быть различенъ для дней будничныхъ (рабочихъ) и для праздничныхъ (дней отдыха).

Выдѣленіе дней будничныхъ отъ праздничныхъ имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ обученія и воспитанія нашихъ дѣтей.

Къ сожалѣнію, это послѣднее условіе, вполне благоприятствующее какъ развитію умственныхъ силъ и способностей дѣтей, такъ, въ особенности, образованію ихъ характера, сознается далеко не всеми нашими педагогами и намъ извѣстны случаи, когда слабые успѣхи воспитанниковъ по нѣкоторымъ предметамъ гимназическаго курса выполнялись специальными уроками по тѣмъ же предметамъ въ праздничные и воскресные дни недѣли; ребенокъ при этомъ совершенно терялъ въ своемъ внутреннемъ мирѣ всякое представленіе между буднями и праздникомъ — днемъ работы, труда и днемъ отдыха и покоя.

Подобнаго рода сліяніе будничныхъ дней съ праздничными прежде всего, съ нашей точки зрѣнія, вредно въ томъ отношеніи, что ребенокъ, теряя различіе между днями недѣли — днями труда и днями отдыха — теряетъ въ тоже время рѣзкое понятіе о трудѣ, отдыхѣ и удовольствіяхъ, связанныхъ съ этимъ послѣднимъ. День труда представляетъ собою такую часть недѣли, когда не могутъ и не должны быть удовольствія, причемъ самое распредѣленіе времени рѣзко отлично въ дни труда и въ дни отдыха.

При сохраненіи такого раздѣленія жизни ребенка какъ бы входитъ во общую колею жизни всего народа, и ребенокъ знаетъ что ему дѣлать и чего ему желать — сегодня онъ *долженъ* трудиться, а чрезъ нѣсколько дней, когда наступитъ праздникъ, онъ *долженъ* и повеселиться; при такихъ условіяхъ невольно вырабатывается понятіе о долгѣ, объ обязанности, причемъ подобная смѣна періода трудовой жизни съ праздничнымъ днемъ создаетъ не только теченіе жизни болѣе правильнымъ, но и дѣлаетъ самые дни отдыха болѣе пріятными и веселыми. Также самое различіе между буднями и праздниками болѣе чѣмъ что либо способно разъ навсегда въ душѣ

ребенка установить рѣзкую грань между понятіями „о трудѣ и объ удовольствіяхъ“ и приучить ребенка смотрѣть на праздничный день какъ на день награды за труды и занятія въ будни, причѣмъ это же самое различіе можетъ способствовать легкости отказывать своимъ желаніямъ, откладывая осуществленіе этихъ послѣднихъ на извѣстные лишь дни недѣли. Это же различіе рабочихъ отъ праздничныхъ дней можетъ способствовать развитію бережливости и аккуратности: готовясь къ извѣстному праздничному дню, возможно ожидать, что многое будетъ собрано и сохранено къ дню веселій, сохранено съ извѣстною точностью, дабы по возможности праздникъ отдыха сдѣлать веселымъ и пріятнымъ. Подобное различіе дней недѣли приучить дѣтей отказывать себѣ въ своихъ желаніяхъ или — точнѣе — откладывать исполненіе своихъ желаній на болѣе или менѣе продолжительное время.

Независимо отъ всѣхъ этихъ соображеній, разъ въ душѣ дѣтей укоренится понятіе о праздникахъ какъ дняхъ отдыха и иныхъ занятій, чѣмъ тѣ, какія существуютъ въ дни труда, домашней наставницѣ представится возможнымъ установить строгую дисциплину въ занятіяхъ и при случаѣ даже воспользоваться какъ мѣрою награды или наказанія въ лишеніи или предоставленіи извѣстнаго удовольствія въ ближайшей предстоящей день отдыха, совпадающей съ извѣстнымъ днемъ праздника.

То же самое правило — *все въ свое время* — въ равной степени должно быть приложимо не только къ установленію общаго режима жизни и дѣятельности дѣтей, но и въ области ихъ учебныхъ занятій, о чемъ мы будемъ говорить ниже.

IV

Если правильный режимъ, установленный въ жизни дѣтей, можетъ оказать серьезное вліяніе на образованіе ихъ характера, то примѣненіе другаго правила — *ничего черезчуръ, чрезмерно* — можетъ имѣть благотворное вліяніе какъ на общее состояніе ихъ физическаго здоровья, такъ и на свѣжесть ихъ умственныхъ силъ и способностей. Легкое утомленіе дѣтей отъ какихъ бы то ни было занятій и вслѣдъ затѣмъ наступившій отдыхъ, конечно, не представляетъ вреда для дѣтскаго организма и даже должно быть признано полезнымъ, какъ способствующее укрѣпленію силъ организма путемъ восстановленія матеріала, израсходованнаго организмомъ. Но между легкимъ утомленіемъ и усталостью организма необходимо дѣлать строгое различіе, причѣмъ установленіе подобнаго предѣла всецѣл должно быть предоставлено усмотрѣнію наставницы. Вредн

вліяніе чрезмѣрныхъ занятій всякаго рода опасно еще и въ другомъ отношеніи: чрезмѣрныя занятія не только ослабляютъ вниманіе дѣтей, уничтожаютъ интересъ, но не рѣдко поселяютъ въ душѣ дѣтей нелюбовь къ даннымъ упражненіямъ и занятіямъ. Вотъ почему полезнѣе всего, не насилуя дѣтской природы, распредѣлить занятія дѣтей такъ, чтобы организмъ дѣтей не чувствовалъ замѣтныхъ утомленій, но всегда былъ бы бодръ и свѣжъ: сравнительно непродолжительныя учебныя занятія, при полномъ интересѣ дѣтей къ ихъ усвоенію, гораздо полезнѣе продолжительныхъ, многочасовыхъ сидѣній ребенка надъ книгою, усвоеніе содержанія коей недоступно его пониманію. Точно также продолжительныя игры и забавы дѣтей, хотя бы и вполнѣ охватывающія вниманіе дѣтей, не должны быть поощряемы, такъ какъ въ данномъ случаѣ, если не можетъ быть рѣчи о значительномъ утомленіи, то во всякомъ случаѣ о затратѣ ими времени на занятія исключительно пріятнаго свойства и не на столь тяжелыя, какъ занятія инаго рода, гдѣ необходимо проявленіе активной воли и активного вниманія.

Необходимо поэтому стремиться къ тому, чтобы ребенокъ легко переходилъ какъ отъ игръ, забавъ, къ занятіямъ менѣе пріятнымъ, точно также, какъ онъ всегда готовъ на переходъ въ обратномъ отношеніи — къ играмъ и забавамъ.

То же самое правило въ равной степени должно быть при- мѣняемо и ко всѣмъ другимъ условіямъ жизни дѣтскаго организма: чрезмѣрное, усиленное питаніе столь же вредно, какъ и продолжительный сонъ или непомѣрное бодрствованіе, влекущее за собою недосыпаніе; усиленное хожденіе, бѣганье столь же вредны, какъ и непрерывное сидѣнье на одномъ мѣстѣ и т. д., и т. д.

Словомъ, все то, что переходитъ границы потребностей дѣтскаго организма, все то, что является *излишнимъ*, все это дѣйствуетъ вредно на развитіе дѣтскаго организма.

Въ этомъ отношеніи въ особенности немалый вредъ приносятъ дѣтямъ родители, обладающіе значительными матеріальными средствами: приучая дѣтей жить въ роскоши, они невольно предоставляютъ своимъ дѣтямъ *болѣе* того, что имъ нужно, и ребенокъ съ раннихъ лѣтъ приучается къ неумѣренности, неаккуратности, лѣни и беспорядочности: у ребенка масса игрушекъ, и онъ непрерывно переходитъ отъ одной къ другой, подчасъ ломая то ту, то другую; изобиліе книгъ, картинокъ влечетъ къ тому, что ребенокъ все это портитъ и безжалостно уничтожаетъ. Ребенокъ не только въ подобной обстановкѣ своихъ занятій, благодаря изобилію предметовъ, обнаруживаетъ къ нимъ дѣйствія вполнѣ неодобрительныя, но то же

самое онъ проявляетъ и въ области предметовъ безусловно полезныхъ и важныхъ для его жизни: значительное и разнообразное количество костюмовъ, обуви, бѣлья и т. п. все это вредно отзывается на жизни и дѣятельности ребенка; ребенокъ дѣлается капризнымъ, требовательнымъ, зная, что то, что онъ требуетъ, дѣйствительно есть, но что ему не хотятъ его дать. Малѣйшая слабость со стороны матери или няни всегда приводитъ къ тому, что ребенокъ самъ залазитъ въ комоды, ящики, выбираетъ оттуда все по своему личному усмотрѣнiю, производя полный беспорядокъ и хаосъ среди остальныхъ вещей. Быстро удовлетворенное желанiе замѣняется новымъ, которое ребенокъ опять стремится выполнить; слабость же характера и недостатокъ стойкости воли родителей приводятъ къ тому, что ребенокъ, удовлетворивъ свой капризъ, тотчасъ проявляетъ новый, и все это происходитъ исключительно отъ того, что ребенку предоставляется болѣе, чѣмъ то требуется ему въ дѣйствительности.

Вотъ почему мы позволяемъ, въ данномъ случаѣ, рекомендовать какъ наставницѣ, такъ и родителямъ избѣгать излишества въ чемъ бы то ни было по отношенiю удовлетворенiя просьбъ и желанiй дѣтей и скорѣе готовы рекомендовать поступать съ дѣтьми въ томъ направленiи, чтобы они во многомъ испытывали нужду, какъ бы родъ бѣдности, но отнюдь не изобилiе: чрезмѣрность во всемъ вредна для дѣтскаго организма, чрезмѣрность же, имѣющая въ своей основѣ роскошь — пагубна для будущей жизни и дѣятельности ребенка какъ взрослога человѣка; пусть ребенокъ получаетъ и имѣетъ все то, что ему необходимо, но лишь въ предѣлахъ полной необходимости, все же излишнее — вредно для развитiя его силъ, причемъ изобилiе предметовъ роскоши оказываетъ всегда влiянiе на развитiе его нравственныхъ силъ и духовныхъ способностей вообще. Во многихъ даже случаяхъ недостатокъ, какъ бы бѣдность, въ удовлетворенiи какой либо потребности ребенка неизмѣримо полезнѣе для него же, чѣмъ безумная роскошь и полное удовлетворенiе всѣхъ его желанiй. Рекомендую до нѣкоторой степени лишенiя, считаемъ необходимымъ замѣтить, что предѣлы такого лишенiя всегда должны быть устанавливаемы благоразумiемъ воспитательницы, причемъ необходимо всегда дѣлать строгое различiе между предметами первой необходимости и предметами роскоши, другими словами между тѣмъ, что безусловно необходимо для жизни ребенка, и тѣмъ, безъ чего ребенокъ легко можетъ обойтись и что составляетъ нѣчто второстепенное и неважное. Такимъ образомъ, уменьшенiе обильнаго хорошаго и здороваго питанiя, цѣлаго ряда физическихъ занятiй, способствующихъ укрѣпле-

нію организма, все это и тому подобное должно быть подвергаемо лишенію съ большою осторожностью и осмотрительностью; съ другой стороны цѣлый рядъ многихъ веселій и развлеченій и — въ особенности — недѣтскаго характера, все это съ большимъ рвеніемъ должно быть подвергаемо лишенію, ибо уменьшеніе или устраненіе таковыхъ всегда находится въ связи съ сохраненіемъ силъ дѣтскаго организма. Во всякомъ случаѣ, повторяю, благоразуміе воспитательницы должно служить въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, тѣмъ регуляторомъ ея дѣйствій и распоряженій, который можетъ всегда предохранить ее отъ крайностей, и въ этомъ отношеніи всякому воспитателю по отношенію къ самому себѣ слѣдуетъ столь же строго примѣнять тотъ же принципъ, какимъ онъ руководствуется при воспитаніи дѣтей — *ничего чрезмѣрно, ничего чрезчуръ! Nihil nimis!*

V

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію новыхъ условій, способствующихъ успѣшнымъ занятіямъ съ дѣтьми.

Прежде и раньше всего отъ всякаго лица, рѣшившагося взять на себя трудъ учителя и воспитателя дѣтей, требуется знакомство и притомъ весьма солидное не только съ предметами обученія, съ методами ихъ преподаванія, но также и съ общими правилами воспитанія дѣтей вообще. Къ глубокому сожалѣнію, нашимъ ученикамъ, какъ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеній, по окончаніи имп курса наукъ приходится лично пополнять свои познанія въ означенномъ направленіи: пріобрѣтая знакомство съ предметами и явленіями видимаго міра, изучая въ мелкихъ подробностяхъ разнообразныя событія исторіи человѣчества, явленія социальной жизни различныхъ народовъ, ихъ вѣрованія, политической и общественной строй ихъ жизни, все это и тому подобное, значительно увеличивая познанія учениковъ о томъ, что существовало и что нынѣ существуетъ на земномъ шарѣ, расширяетъ лишь ихъ умственный кругозоръ познаній о природѣ и о людяхъ, но въ то же время воспитанники всѣхъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній мало или вовсе не имѣютъ познаній о томъ — какъ и какимъ путемъ слѣдуетъ съ успѣхомъ вести передачу пріобрѣтенныхъ ими знаній другимъ лицамъ и притомъ лицамъ сравнительно съ ними физически и умственно слабо развитымъ. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ существующіе курсы педагогіи представляютъ собою лишь рядъ теоритическихъ положеній изъ области психологіи, этики и т. п. познаній; всѣ эти познанія, представляя

рядъ безспорныхъ истинъ, могутъ лишь содѣйствовать успѣшнымъ на практикѣ занятіямъ съ дѣтьми, но отнюдь не готовятъ лицъ de facto способныхъ къ обученію и воспитанію дѣтей: практика и опытъ непосредственныхъ лишь занятій съ дѣтьми создаетъ лицъ, способныхъ къ обученію дѣтей, и этой-то практики, этого опыта ученики какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ стѣнахъ ихъ учебныхъ заведеній приобрѣсти не могутъ, а потому всѣ свои познанія въ означенномъ направленіи и должны дополнять путемъ опыта въ сферѣ дѣйствительной жизни. Подобная организація современныхъ учебныхъ общеобразовательныхъ заведеній представляетъ собою, конечно, серьезный недостатокъ, такъ какъ всѣ они не удовлетворяютъ вполне тому, что требуетъ жизнь отъ ихъ воспитанниковъ: съ увѣренностью можно сказать, что двѣ трети всѣхъ учениковъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній не только въ теченіе ихъ учебнаго курса, но и по окончаніи такового посвящаютъ значительную часть своего времени занятіямъ съ дѣтьми, побуждаемые къ тому чаще недостаткомъ въ матеріальныхъ средствахъ, а иногда и призваніемъ къ дѣлу.

Такимъ образомъ, отсутствіе познаній въ области практическаго обученія и воспитанія дѣтей ученикамъ и ученицамъ нашихъ учебныхъ заведеній приходится пополнять или путемъ чтенія педагогическихъ сочиненій, или, главнымъ образомъ, путемъ ряда практическихъ занятій съ дѣтьми, ввѣряемыми ихъ попеченіямъ.

Каковы бы однако ни были полны познанія данной учительницы-воспитательницы, какъ бы ни была велика запасъ ея познаній, какъ бы солидно и серьезно она ни усвоила себѣ различнаго рода положенія педагоги, дидактики и т. п., успѣхъ ея дѣятельности въ значительной степени будетъ всегда зависѣть отъ нѣкоторыхъ личныхъ свойствъ и качествъ ея характера. Значеніе этихъ послѣднихъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія дѣтей безспорно, даже болѣе, безъ преувеличенія возможно утверждать, что всѣ они играютъ первенствующую роль въ каждомъ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ. Рассмотримъ тѣ особенности характера учительницы-воспитательницы, которыя должны имѣть благотворное вліяніе въ области успѣховъ обученія и воспитанія дѣтей вообще.

Терпѣніе

Какъ бы ни показалось многимъ страннымъ, тѣмъ не менѣе это качество характера учительницы-воспитательницы мы ставимъ на первомъ планѣ: кто не обладаетъ терпѣніемъ, спокой-

нымъ и ровнымъ характеромъ, тотъ не можетъ и не долженъ принимать на себя заботы по обученію и воспитанію дѣтей. Дѣтскій организмъ, какъ организмъ еще не сформировавшійся, не можетъ подходить подъ норму взрослога организма, и все то, что возможно желать отъ взрослога, того не всегда возможно требовать отъ организма дѣтскаго, физически и умственно еще не успѣвшаго окрѣпнуть. Исходя изъ такого положенія, учительницѣ-воспитательницѣ на каждомъ шагу придется встрѣчаться съ тѣмъ, что ея ученики *не быстро* усваиваютъ и воспринимаютъ все то, что служитъ предметомъ ея ежедневныхъ заботъ и попеченій, и въ этомъ случаѣ причину такого явленія, какъ намъ кажется, слѣдуетъ скорѣе искать не въ натурѣ учениковъ, а въ недостаточности, неполнотѣ и даже ошибочности тѣхъ приемовъ, которые были примѣнены учительницею-воспитательницею въ извѣстномъ случаѣ.

Вникая въ причины безуспѣшныхъ занятій съ дѣтьми, учительница-воспитательница скорѣе опредѣлитъ ихъ съ точностью, но для достиженія подобной цѣли безусловно необходимо прежде и раньше всего *терпѣливое* и спокойное отношеніе къ дѣлу, иначе всякія добрыя стремленія учительницы превратятся ею же въ адъ мученій и бездну тѣхъ безцѣльныхъ тревоженій, какія всегда оканчиваются наказаніемъ ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей.

Намъ часто приходилось слышать такого рода выраженіе: „я не могу заниматься съ дѣтьми — у меня нѣтъ терпѣнія!“ Такое замѣчаніе вытекло изъ самой жизни, и въ немъ дѣйствительно скрыта глубокая истина, подтвержденіе которой всякій можетъ найти въ ежедневныхъ занятіяхъ съ дѣтьми многихъ нашихъ учителей и учительницъ.

Взгляните хоть разъ на учительницу, потерявшую терпѣніе, и вы легко признаете тотъ вредъ, какой она приноситъ дѣтямъ: дѣти трепещутъ предъ нею, боясь наказанія, сама она волнуется, по временамъ вполнѣ безцѣльно кричитъ; ея рѣчь и объясненія даннаго урока ученикамъ непонятны, ибо въ этихъ объясненіяхъ отсутствуютъ и логичность изложенія, и доступность фактовъ дѣтскому пониманію; она быстро переходитъ отъ одного объясненія къ другому, желая достигнуть своей цѣли, причѣмъ рѣчь свою переиживаетъ съ рядомъ невольно являющихся, подъ вліяніемъ внутренняго раздраженія, неумѣстныхъ и даже оскорбительныхъ выраженій; въ дальнѣйшей фазѣ своего нетерпѣнія учительница переходитъ къ наказанію, и урокъ заканчивается слезами учениковъ или жалобами родителямъ на ихъ дѣтей.

Въ связи съ терпѣніемъ находятся:

Энергія и настойчивость въ достиженіи желанной цѣли.

Замѣчательно при этомъ, что этими качествами характера учительницы-воспитательницы не только обезпечивается самый успѣхъ дѣла, но и обнаруживается столь благотворное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе характера самихъ воспитанниковъ, какое при другихъ условіяхъ представляется совершенно невозможнымъ; эти три качества характера—терпѣнія, энергія и настойчивость—въ связи съ нѣкоторыми другими условіями устанавливають въ глазахъ воспитанниковъ авторитетъ учительницы-воспитательницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ и подражаніе данному примѣру.

Терпѣніе, точно также какъ энергія и настойчивость, представляетъ такое свойство характера учительницы-воспитательницы, которое должно быть ею проявляемо во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія: всѣ недостатки дѣтей, каковы бы они ни были, всѣ ихъ шалости, словомъ всѣ дѣйствія и всѣ поступки дѣтей и въ особенности всѣ ихъ слова и заявленія никогда не должны воспитательницу выводить изъ терпѣнія—на все это учительница-воспитательница должна смотрѣть спокойно и хладнокровно, помня, что предъ нею организмы еще формулирующіеся въ извѣстную, опредѣленную форму. Это, однако, не значитъ, чтобы учительница-воспитательница, обладая терпѣніемъ, относилась безразлично и безучастно ко всѣмъ проявленіямъ жизни и дѣятельности своихъ юныхъ питомцевъ—это одна изъ ошибокъ, въ которую впадаютъ многіе воспитатели, предоставляя дѣтямъ полную свободу, не заботясь о направленіи ихъ мыслей, желаній и вообще ихъ дѣятельности. Во многихъ случаяхъ необходимо вмѣшательство учительницы-воспитательницы, причѣмъ это вмѣшательство должно имѣть въ своемъ основаніи выясненіе воспитанникамъ, какъ они должны поступать и дѣйствовать. Не бѣда, если данное указаніе воспитанникамъ скоро не можетъ быть усвоено—въ этомъ случаѣ энергія учительницы-воспитательницы и ея настойчивость должны рано или поздно побѣдить всѣ дурныя свойства дѣтей; необходимо при этомъ лишь помнить, что ни что не можетъ быть достигнуто вдругъ—постепенность развитія духовныхъ силъ дѣтей и постепенность усвоенія данныхъ правилъ и положеній представляетъ собою одно изъ существенныхъ условій для достиженія желанной цѣли.

Ребенокъ лѣнивъ, невнимателенъ—что дѣлать?

Постепенными, умѣлыми приѣмами воспитанія возможно достигнуть противоположныхъ качествъ его характера, но для этого необходимы *время, энергія, терпѣніе и настойчивость*, и цѣль будетъ достигнута.

Ребенокъ шалить, ребенокъ дерется, проявляетъ непослу-

шаніе, ругается, словомъ, обнаруживаетъ цѣлый рядъ дѣйствій и поступковъ неблаговиднаго свойства; всѣ эти дурныя качества характера возможно искоренить рядомъ разнородныхъ вліяній и воздѣйствій на ребенка, которыя, съ одной стороны, должны уничтожить всѣ эти дурныя качества въ характерѣ ребенка и съ другой вселить въ его душу новыя желанія, новыя чувства, новыя стремленія, которыя и должны ему послужить стимулами для его дѣйствій и поступковъ въ будущемъ; при этомъ въ области подобнаго рода заботъ и попеченій о ребенкѣ терпѣніе, энергія и настойчивость учительницы-воспитательницы представляютъ собою главное и существенное условіе для достиженія подобной желанной цѣли. Эти три свойства характера формируютъ ту могучую силу души, которая выражается въ словѣ „вѣра“ — безъ глубокой вѣры и желанія искоренить дурныя качества характера воспитанника нельзя достигнуть какихъ либо не только блестящихъ, но даже посредственныхъ результатовъ. Говоря такимъ образомъ, спѣшимъ замѣтить, что мы не имѣемъ въ виду какихъ либо патологическихъ случаевъ организациі дѣтскаго организма, при которыхъ вліяніе ли наслѣдственности или какихъ либо другихъ причинъ представляетъ нерѣдко непреодолимыя препятствія для достиженія благихъ результатовъ, — мы имѣемъ въ виду лишь нормальные организмы дѣтей и тѣ случаи, когда всѣ пороки, дурныя дѣйствія и поступки дѣтей представляютъ собою явленіе случайное, приобрѣтенное подъ вліяніемъ окружающей ихъ среды и ими усвоенное, какъ послѣдствіе дурнаго воздѣйствія на нихъ окружающихъ лицъ или въ виду какихъ либо мѣстныхъ, слѣчайныхъ, условій, съ устраненіемъ воихъ возможно ожидать полного измѣненія и ихъ характера. Этими свойствами характера — терпѣніемъ, энергіею и настойчивостью — учительница-воспитательница легко и быстро можетъ приобрѣсти къ себѣ любовь дѣтей — обстоятельство въ высшей степени важное и имѣющее громадное вліяніе въ дѣлѣ успѣховъ обученія и воспитанія дѣтей; необходимо помнить, что дѣти столь же внимательно слѣдятъ за дѣятельностью учительницы-воспитательницы, какъ эта послѣдняя за ними: дѣти мало по малу изучаютъ ея характеръ и быстро приспосабливаются къ ея желаніямъ; они подмѣчаютъ слабыя стороны ея характера и даже, при случаѣ, пользуются ими для достиженія своихъ цѣлей.

Побесѣдуйте когда либо съ дѣтьми, и вы услышите отъ нихъ весьма мѣткія и точныя замѣчанія о своихъ учителяхъ и воспитателяхъ; изъ этихъ замѣчаній вы легко можете вывести понятіе о характерахъ ихъ наставниковъ, но при этомъ вы легко можете замѣтить и то, что всѣ они наиболѣе пита-

ють симпатіи къ тѣмъ, которые между другими качествами характера проявляютъ терпѣніе, энергію и настойчивость въ связи съ новымъ качествомъ характера — *справедливостью*. Дѣти весьма чутки къ этой сторонѣ характера учителя, и на ней зиждется ихъ уваженіе къ преподавателямъ вообще, а къ воспитателямъ въ особенности. Достаточно, чтобы былъ ими замѣченъ одинъ случай какого либо несправедливаго отношенія воспитателя къ ученикамъ, чтобы дѣти это почувствовали и потеряли всякое уваженіе къ своему наставнику.

Авторитетъ наставницы въ глазахъ учениковъ въ значительной степени укрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что воспитательница въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ всегда проявляетъ *постоянство* и *последовательность*. Эти качества характера наставницы имѣютъ въ то же время громадное и непосредственное вліяніе на образованіе характера самихъ дѣтей и, что еще важнѣе, поселяютъ въ душахъ юныхъ питомцевъ законность, правильность и опредѣленность ихъ личныхъ поступковъ и дѣйствій. Дѣйствительно, стоитъ лишь нѣсколько внимательно вдуматься въ тѣ послѣдствія, какія безусловно связаны съ дѣятельностью наставницы и воспитательницы, у которой нѣтъ ни постоянства въ ея словахъ и приказаніяхъ, ни строгой последовательности въ распоряженіяхъ: то она одно и тоже разрѣшаетъ, то запрещаетъ, то преслѣдуетъ, то поощряетъ... Въ этомъ случаѣ наставница лишена всякой устойчивости, всякой опредѣленности—и было бы гораздо лучше для дѣтей, еслибы они всецѣло были предоставлены самимъ себѣ, руководствуясь исключительно инстинктомъ, въ немъ они нашли бы вполне опредѣленнаго и постояннаго руководителя ихъ дѣйствій, поступковъ и желаній.

Отсутствіе последовательности въ словахъ и дѣйствіяхъ наставника составляетъ недостатокъ громадной важности: сдѣлавъ первый шагъ, слѣдуетъ идти далѣе и лучше придти къ ложнымъ выводамъ и положеніямъ, чѣмъ быстро уклониться въ сторону и измѣнять тому пути, по которому рѣшено идти въ данномъ направленіи. Въ этомъ отношеніи наставники нашихъ дѣтей грѣшатъ болѣе всего, и ихъ вредное вліяніе на юношество обнаруживается въ томъ, что дѣти, сознательно или бессознательно подражая имъ, дѣлаются въ равной степени непостоянными и непослѣдовательными въ собственныхъ своихъ желаніяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нравственнаго воздѣйствія на воспитанниковъ необходимо всегда имѣть въ виду тотъ законъ психическаго строя и организациі нашей духовной жизни, по которому проявленіе дѣйствій во внѣшнемъ порядкѣ характеризуетъ тотъ

внутренній распорядокъ духовной, психической нашей дѣятельности, который въ данномъ случаѣ представляетъ собою какъ бы вѣрное отраженіе предмета въ зеркалѣ: послѣдовательность мысли создаетъ послѣдовательность дѣяній и поступковъ и обратно: у кого отсутствуетъ строгое, логическое мышленіе, гдѣ нѣтъ строгой послѣдовательности, гдѣ нѣтъ постоянныхъ и прочныхъ основныхъ положеній, тамъ нельзя ожидать ни опредѣленныхъ дѣйствій, ни послѣдовательности въ проявленіи сихъ послѣднихъ. Беспорядокъ во внѣшней организаціи нашей жизни представляетъ собою отраженіе полного беспорядка нашихъ чувствъ, желаній, отсутствіе ихъ постоянства и ихъ послѣдовательности. Дѣти, видя всегда постоянство и послѣдовательность въ словахъ и дѣйствіяхъ своего наставника, невольно упражняютъ свою мысль, свои желанія и свою волю въ томъ же направленіи, такъ сказать невольно приучаютъ себя въ сферѣ мышленія и чувствованія къ тому порядку, который всегда является предъ ихъ глазами, и въ этомъ случаѣ ихъ нервная система, разъ приученная къ проявленію дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, дѣйствуетъ сравнительно легче, съ меньшими усиліями, исполняя нѣчто ей уже привычное и строго опредѣленное въ извѣстномъ направленіи. Само собою разумѣется, что подобныя качества характера наставницъ-воспитательницъ, какъ постоянство и послѣдовательность, могутъ и должны быть признаны полезными и желательными лишь въ томъ случаѣ, когда сама наставница обладаетъ не только опредѣленными и вполне истинными взглядами на дѣли и задачи жизни человѣка, но и когда усвоенные ею нравственные принципы жизни не могутъ быть признаны ложными и когда она сама лично руководствуется ими во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Наставница, не обладающая лично строго опредѣленными взглядами на жизнь, на поступки и дѣйствія людей, не можетъ представлять собою чего либо прочнаго, устойчиваго, послѣдовательнаго, а потому не можетъ быть тою путеводною звѣздой, которая всегда освѣщаетъ путь къ истинѣ и правдѣ.. Какое же серьезное вліяніе можетъ оказать наставница на своихъ питомцевъ, когда она лично постоянно нарушаетъ своими дѣйствіями все то, что она проповѣдуетъ дѣтямъ: нѣтъ ничего пагубнѣе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, когда у наставницы слово расходится съ дѣломъ, когда наставница требуетъ исполненія того, что лично сама же нарушаетъ.

Въ этомъ случаѣ разъ навсегда необходимо помнить, что дѣти, не понимая, стремятся во многомъ намъ подражать и путемъ одного лишь подражанія могутъ усвоить себѣ какъ наши дурныя, такъ и хорошія поступки и дѣйствія.

VI

Указавъ на рядъ тѣхъ особенностей характера каждой наставницы, особенностей, которыя имѣютъ значеніе вообще въ жизни каждаго человѣка, какой бы профессіей онъ ни занимался, позволяемъ себѣ въ заключеніе нашей статьи остановиться еще на одной чертѣ характера, которая преимущественно, если не исключительно, имѣетъ значеніе въ дѣлѣ воспитанія и обученія подрастающихъ поколѣній.

Мы имѣемъ въ виду такъ называемый *педагогическій тактъ*.

Слово тактъ имѣетъ то значеніе въ жизни, что человѣкъ соразмѣряетъ свои дѣйствія и поступки съ данными условіями жизни или—иначе говоря—сообразуется съ условіями времени и мѣста: въ каждый данный моментъ человѣкъ въ своей душѣ опредѣляетъ—что возможно и чего нельзя, что слѣдуетъ исполнить ранѣе, что позже и т. д. Такого же рода сноровка, приспособленіе къ условіямъ времени и мѣста, имѣетъ большое значеніе и въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей. Подобно взрослымъ всякій дѣтскій организмъ имѣетъ свои особенности, и дѣти, въ извѣстный опредѣленный возрастъ столь же различны между собою, какъ и взрослые, и притомъ это различіе касается не только внѣшняго вида дѣтей, но и ихъ внутренняго, душевнаго міра. Условія же внѣшней жизни и дѣятельности дѣтей столь же разнообразны, какъ и взрослыхъ. Отсюда какъ слѣдствіе—каждой наставницѣ, приступающей къ обученію дѣтей, необходимо заранѣе строго опредѣлить:

1) каковъ тотъ матеріалъ, съ которымъ она будетъ имѣть дѣло, и

2) каковы тѣ условія жизни и дѣятельности дѣтей, которыя ихъ окружаютъ въ данный моментъ. Особенности дѣтскаго организма весьма разнообразны, и нѣтъ большей ошибки какъ та, когда наставница, не сообразуясь съ подобными особенностями жизни дѣтей, приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей: нельзя всѣхъ дѣтей одинаково учить и одинаково воспитывать, хотя въ то же время принципы обученія и воспитанія являются, какъ строго опредѣленные истины, одними и тѣми же, какія вообще должна примѣнять наставница въ сферѣ своей дѣятельности.

Въ этомъ случаѣ различіе скрыто не въ принципахъ обученія и воспитанія, но въ цѣлесообразномъ и своевременномъ ихъ примѣненіи, а для этого необходимо, чтобы наставница сообразовывала свою дѣятельность не только съ природою ребенка вообще, но съ природою *даннаго* ребенка и притомъ

сообразно тѣмъ условіямъ, среди коихъ протекаетъ его жизнь и дѣятельность. Предусмотрѣть заранѣе всѣ физическія и всѣ психическія особенности дѣтей не представляется возможнымъ, точно также какъ и всѣ крайне разнообразныя условія ихъ жизни въ данный моментъ, почему сообразительности наставницы предоставляется во всѣхъ этихъ случаяхъ согласно натурѣ ребенка (времени) и условіямъ его жизни (мѣста) примѣнять тѣ или другія *правила* обученія и воспитанія: какъ поступить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — никто и ничто кромѣ педагогическаго такта подсказать ей не могутъ; въ умѣнны же пользоваться тактомъ и скрыто искусство воспитанія и обученія дѣтей. Никакія сочиненія, никакія наставленія и указанія педагоговъ всего міра не могутъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ указать на тѣ мѣры, какія должна примѣнить учительница, желающая достигнуть извѣстной цѣли. Для этого необходимо лично обладать способностью согласовать общія правила педагоги съ данными особенностями какъ ребенка, такъ и условіями его жизни; все же это легко можетъ быть достижимо, повторяю, въ томъ лишь случаѣ, когда наставница обладаетъ *педагогическимъ тактомъ*. Этотъ же послѣдній можетъ быть приобрѣтенъ наставницею или путемъ опыта продолжительной педагогической дѣятельности, или даруется самою природою — является тѣмъ прирожденнымъ данной натурѣ даромъ, который создаетъ образцовыхъ воспитателей и учителей.

Независимо отъ всѣхъ выше перечисленныхъ свойствъ характера и способностей каждой учительницы-воспитательницы дѣтей любовь къ дѣтямъ, любовь къ занятіямъ съ ними составляетъ главное и первенствующее условіе всякаго успѣха наставницъ на педагогическомъ поприщѣ: кто любитъ дѣтей, тотъ лишь имѣетъ право быть ихъ наставникомъ и воспитателемъ, у кого же отсутствуетъ столь великое и святое чувство, тотъ долженъ устранить себя отъ занятій подобнаго рода, памятуя, что обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей онъ готовитъ или счастье, или несчастье всей странѣ...

Ив. Фесенко

ЛИСТКИ ИЗЪ АЛЬБОМОВЪ

ВЪ ТѢНИ ОТЪ СВѢТА

М. И. Б—ой

Плѣняя нѣжной красотой
И обхожденія талантомъ,
Какимъ предъ свѣтскою толпой
Свѣтились вы бы брилліантомъ!

Но жребій вашъ — въ семьѣ своей,
Среди дубравъ, въ тѣни отъ свѣта,
Цвѣсти, какъ вешній цвѣтъ полей,
И очаровывать поэта.

Желать ли вамъ иной судьбы?
Вы прелесть цѣните природы —
На лонѣ счастья и свободы
Не знайте-жъ суетной борьбы.

7 мая 1888 года.

Н. С—въ

ВЪ ДЕРЕВНѢ ЛѢТОМЪ

Дружескій совѣтъ М. И. Б—ой

Въ салонахъ свѣтскихъ счастья нѣтъ:
Тамъ нѣтъ души очарованья,

Гоните-жь прочь о нихъ мечтанья
И бросьте пагубный корсетъ.

Н. С—въ

7 юня 1888 года.

Привѣтливый уголокъ

Двумъ сестрицамъ-художницамъ въ живописи

В. П. и А. П. Ш—ъ

Одни вамъ Богъ послалъ дары,
И единять васъ крови узы.
Вы неразлучны двѣ сестры,
Въ моихъ мечтаньяхъ вы двѣ музы.

Отъ васъ и близко, и вдали
Ужь забываю я, что въ вѣчность
Олимпа боги отошли.
Ужасна жизни скоротечность!

Когда теперь, отъ васъ далекъ,
Брожу разлукою томимый,
Меня влечетъ въ вашъ уголокъ
Моей мечты полетъ любимый,

Гдѣ льется жизнь у васъ свѣтло,
Гостеприимно и радушно
И думы чисты какъ стекло,
И сердце бьется, имъ послушно.

Н. С—въ

19 юня 1889 года.

М. Н. П — ой

При вручені ей на память книжки мелкихъ стихотвореній
Пушкина

Съ душою чистой и прекрасной
Всегда достойна ты внимать
Поэта лиръ сладкогласной
И даръ высокій оцѣнять.

Тебѣ доступенъ русскій геній
Въ его возвышенныхъ мечтахъ,
Въ изящной прелести твореній,
Въ неподражаемыхъ стихахъ.

Н. С—въ

10 сентября 1889 года.

Молодость

Въ альбомъ племянницѣ А. Н. Ш—ой

На молодомъ твоёмъ челѣ
Невзгода тѣнью не ложится,
Какъ будто зла нѣтъ на землѣ
И думы черной не родится.

Лишь разъ намъ молодость дана —
Такъ береги ее отъ терній:
Къ намъ не придетъ опять она,
Когда настанетъ часъ вечерній.

1890 года.

Н. С—въ

Стихотворенія эти принадлежатъ одному высокопоставленному лицу, извѣстному въ литературѣ своими цѣнными учеными трудами и прекрасными переводами изъ Мицкевича и изъ иностранныхъ поэтовъ.

Примѣч. редакціи.

ТАЙНА

Провинціальная быль

Ек. О. Уманецъ

I

Дмитрій Сергѣевичъ Покровскій только что проснулся. Ему ужасно не хотѣлось вставать. Онъ лѣниво повернулся съ одного бока на другой съ намѣреніемъ снова уснуть, но вдругъ какая-то мысль, словно молнія, освѣтила его мозгъ и сонъ какъ рукой сняло. Онъ вспомнилъ, что вчера, играя у себя дома въ винтъ съ тремя товарищами, онъ проигралъ назначенный большой шлемъ... Чортъ знаетъ, что такое! Какая-то десятка самъ пять у его контрапартнера сдѣлала то, что онъ, Дмитрій Сергѣевичъ, профессоръ винта, остался безъ пяти... Шутка сказать поставить сорокъ пять тысячъ штрафу при вѣрнѣйшей игрѣ!..

И Дмитрій Сергѣевичъ, лежа въ постели, началъ припоминать, какъ все было. Вотъ еслибы онъ, не козыряя, пошелъ съ пикъ и заручилъ своего партнера, тогда онъ снесъ бы на бубны всѣ свои черви и игра была бы выиграна. Какая обида!

Дмитрій Сергѣевичъ такъ разстроился, что рѣшилъ даже не идти сегодня на службу въ акцизное управленіе. Да и голова немножко трещала послѣ вчерашней закуски. Разошлись въ четвертомъ часу утра, а теперь только десять, такъ что онъ не спалъ и шести полныхъ часовъ, значить можно еще малость вздремнуть, благо онъ человѣкъ свободный, нѣтъ у него ни жены, которая ужъ навѣрно разбу-

дила бы спозаранку, ни дѣтей, которыя давно подняли бы его на ноги своимъ гармоническимъ пискомъ и визгомъ.

Онъ закрылъ глаза и съ наслажденіемъ потянулся, сознавая всю прелесть свободы въ сорокъ лѣтъ. Уже какія-то туманныя грезы замелькали въ его полусонной головѣ, какъ вдругъ въ нее неизвѣстно откуда закралось совѣмъ реальное представленіе о томъ, что еслибъ онъ, не трогая коронки червей, пошелъ съ маленькой и его партнеръ, побивъ ее козыремъ, отвѣтилъ бы ему въ пику, то шлемъ былъ бы выигранъ. А еслибъ онъ пошелъ съ трефъ...

Но тутъ въ передней раздался такой сильный звонокъ, что Дмитрій Сергѣевичъ даже вздрогнулъ.

»Кого это еще нелегкая принесла!« подумалъ онъ съ неудовольствіемъ и только хотѣлъ крикнуть своей служанкѣ, старушкѣ Прокофьевнѣ, чтобъ она никого не принимала, какъ дверь кабинета отворилась и въ ней показалась массивная фигура его стараго товарища по университету Захарова, который, не снимая пальто, ввалился прямо въ комнату и гаркнулъ своимъ громкимъ хриплымъ голосомъ:

— Чего ты валяешься, братецъ! Весь городъ давно на ногахъ, всѣ побѣжали смотрѣть мѣсто преступленія.

— Какого преступленія, что ты городишь? не особенно любезно сказалъ Дмитрій Сергѣевичъ своему пріятелю, но однако привсталъ на своемъ турецкомъ диванѣ.

— Да неужели ты не слышалъ о томъ, что случилось вчера, въ двѣнадцать часовъ ночи?

— Ничего не слышалъ; я сидѣлъ дома и винтилъ до четырехъ часовъ утра. Представь себѣ, Николай Петровичъ, такая вѣрная игра и вдругъ...

— Убирайся ты къ шуту съ твоей вѣрной игрой! перебилъ его Николай Петровичъ. — Тутъ совершенно таинственное убійство, а онъ несетъ чушь. Понимаешь ли ты: таин-ствен-ное у-бій-ство!

— Ты меня пугаешь, чортъ возьми! Расскажи въ чемъ дѣло.

— Да я и самъ-то знаю очень мало, отвѣтилъ Захаровъ, бросая на кресло свою шляпу и снимая пальто. — Видишь ли, я вчера былъ въ театрѣ. Пріѣзжая труппа давала »Горе отъ ума«. Я встрѣтилъ въ залѣ много знакомыхъ, между прочимъ въ одной изъ ложъ сидѣлъ нашъ извѣстный лове-лась, этотъ старикашка Блейхеръ, со своимъ сыномъ гимна-

зистомъ и товарищемъ сына, тоже гимназистомъ восьмага класса. Оба уже взрослые молодые люди, лѣтъ такъ семнадцати — восемнадцати.

— Да къ чему ты разводишь всю эту антимонію, скажи, пожалуйста? Говори о дѣлѣ, а не все ли мнѣ равно кого ты тамъ видѣлъ въ театрѣ? перебилъ его Дмитрій Сергѣевичъ, уже начинавшій интересовываться убійствомъ.

— А ты не перебивай, а слушай! гаркнулъ Николай Петровичъ. — У тебя отъ твоего винта должно быть мозги не въ порядкѣ. Ну, такъ вотъ изъ театра, приблизительно часовъ въ двѣнадцать, я пошелъ въ клубъ закусить и поиграть на билліардѣ. Только вдругъ вижу, что зала почти сразу опустѣла. Спрашиваю у слуги — что случилось; онъ мнѣ на это отвѣчаетъ, что въ Гавани совершено убійство. Я сначала не обратилъ было на это большого вниманія и, такъ какъ партіи въ билліардъ не составилось, то пошелъ домой. Дождь, понимаешь ли, такъ и льетъ. Я подозвалъ перваго попавшагося извозчика и должно быть невнятно пробурчалъ ему мою улицу, потому что вижу — онъ пустился по весь опоръ, только совсѣмъ въ противоположную сторону.

— Куда ты меня везешь, лѣшій? крикнулъ я ему изъ-подъ зонтика.

— Въ Гавань, баринъ, отвѣтилъ онъ.

— Да вѣдь я тебѣ велѣлъ ѣхать на Широкую улицу!

— Всѣ господа, отвѣчаетъ, — въ Гавань поѣхали; я полагаю, что и вы туда же яридите.

— Ну, пошелъ, чортъ тебя поberi! сказала я и подумала, что вѣрно судьба. Даромъ что нашъ городъ не великъ, а ѣхали мы минутъ съ двадцать. Наконецъ, вѣзжаемъ въ какой-то узкій переулокъ; полиція насъ не пропускаетъ. Я сошелъ съ дрожекъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ собралась уже цѣлая толпа народа, протолкался впередъ и вижу на тротуарѣ въ крови и грязи лежатъ почти рядомъ сынъ Блейхера и его товарищъ-гимназистъ... Первый убитъ очевидно наповаль, въ самое сердце, а у втораго раздроблена голова, но онъ еще живъ... Всѣ стоятъ, смотря, ахаютъ, охаютъ, но тронуть ихъ съ мѣста не смѣютъ до прибытія прокурорскаго надзора. Поскакали за докторомъ, нашли его, разумѣется, только черезъ часъ, какъ это всегда бываетъ, а когда онъ пріѣхалъ, то и второй гимназистъ уже скончался.

— Ну, что же, подозрѣваютъ когонибудь? спросилъ Дмитрій Сергѣевичъ, котораго начинала пробирать нервная дрожь.

— Представь себѣ, что пока никого!

— Ходятъ же въ городѣ какіенибудь слухи, сплетни, предположенія?

— Сначала думали, что это была дуэль между молодыми людьми, но револьверовъ нигдѣ не нашли. А сегодня утромъ я узналъ, что изъ убитыхъ вынуты пули, и онѣ оказались совершенно одинаковыми. Суди самъ, не могли же они стрѣляться изъ одного и того же револьвера? Да если и допустить это, то гдѣ же онъ?

— А не совершенно ли это съ цѣлью грабежа?

— Какой тамъ грабежъ! Вѣдь всѣмъ извѣстно, что банкиръ Блейхеръ давалъ сыну на мелкіе расходы сушіе пустяки, а товарищъ его, такъ тотъ былъ настоящій бѣднякъ; онъ жилъ у Блейхера потому, что ему некуда было дѣться.

— Да, но вѣдь не всякій это зналъ, могли думать, что онъ, какъ сынъ банкира, имѣетъ при себѣ много денегъ.

— Во первыхъ, въ нашемъ городишкѣ извѣстна подноготная всѣхъ и каждого, а во вторыхъ, еслибъ убійство было бы совершено съ цѣлью грабежа, то это было бы сейчасъ видно, а то на Блейхерѣ остались даже золотые часы и 1 р. 30 к. въ карманѣ.

— Что же ты объ этомъ думаешь?

— Да я, какъ и всѣ, положительно теряюсь въ догадкахъ, отвѣтилъ Николай Петровичъ.

— Ну, а не осталось ли какихънибудь слѣдовъ?

— Да вѣдь я же тебѣ сказалъ, винтовая твоя голова, что шелъ дождь! Какіе же тутъ могутъ быть слѣды?

— Кто же первый узналъ о случившемся?

— Полицейскій, который стоялъ на углу. Вѣдь Гаваньскій переулокъ шириною всего съ три аршина, и убійство было совершено на углу, противоположномъ тому, гдѣ стоялъ полицейскій. Онъ, какъ рассказываетъ, услышалъ два выстрѣла, побѣжалъ на нихъ; фонарей нигдѣ нѣтъ, тьма кромѣшная, легко можетъ быть, что, пока онъ добѣжалъ, убійца скрылся за угломъ.

— Да... удивительно странный случай, задумчиво произнесъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Страннѣе всего то, продолжалъ Захаровъ, — что я. да

и не я одинъ, а многіе видѣли молодыхъ людей въ театрѣ, и они были очень веселы, оживлены. Никакого подобія ссоры или непріязни нельзя было заподозрить между ними, и вдругъ, черезъ какіе нибудь полчаса, они лежатъ въ крови безъ всякихъ признаковъ сопротивленія или насилія...

— А осмотрѣли ли домъ, около котораго это случилось?

— Разумѣется, осмотрѣли. Вѣдь въ Гаваньскомъ переулкѣ не дома, а хибарки, и расположены онѣ чуть не въ полуверстѣ другъ отъ друга. Домишка, около котораго это случилось, съ мезониномъ. Внизу живетъ сама хозяйка, старая раскольница, которая, по бѣдности, не держитъ даже дворника, а въ мезонинѣ занимаютъ квартирку двѣ молодыя дѣвушки швеи, тоже безъ прислуги. Хотя на этихъ трехъ женщинъ и не можетъ пасть подозрѣніе, но тѣмъ не менѣе у нихъ все осмотрѣли и, разумѣется, ничего не нашли. Обѣ дѣвушки страшно перепугались. Оказывается, что онѣ также были вчера въ театрѣ и видѣли тамъ молодыхъ людей.

— А что отецъ Блейхера очень огорченъ? Ты его видѣлъ? спросилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Да, онъ пріѣхалъ послѣ меня. Кругомъ темнота такая — не сразу разсмотрѣли кто именно убитъ. Принесли откуда-то лампы, дождь ихъ гаситъ, ничего не видно... Потомъ, когда пріѣхалъ докторъ и гимназистовъ узнали, никто не рѣшался отправиться къ несчастному отцу рассказать ему объ этомъ. Докторъ знакомъ съ нимъ, такъ ужъ онъ взялъ это на себя.

— Ну и что-жь, онъ очень огорченъ?

— Ужасно! Ты вѣдь знаешь, что я терпѣть не могу этого противнаго селадона, но тутъ и мнѣ стало его жалко. Когда онъ увидѣлъ эту кровавую картину, съ нимъ сдѣлалось дурно, но онъ скоро пришелъ въ себя, бросился на трупъ сына и зарыдалъ... да вѣдь какъ зарыдалъ! Я въ жизнь мою не слышалъ ничего подобнаго.

При этомъ воспоминаніи у Захарова дрогнулъ голосъ, и желая скрыть свое волненіе отъ Дмитрія Сергѣевича, онъ перемѣнилъ тонъ и произнесъ рѣзко:

— Да что это ты въ самомъ дѣлѣ все валяешься, Дмитрій Сергѣевичъ! Вѣдь это сущее безобразіе!

— Кликни-ка мнѣ, пожалуйста, Пенелопу, попросилъ тотъ. Громкое имя Пенелопы дано было Покровскимъ ста-

рушкѣ Прокофьевнѣ, потому что она вѣчно сидѣла съ чулкомъ въ рукахъ. Она плохо видѣла и поминутно спускала петли, а такъ какъ поднять ихъ она сама не могла, то распускала чулокъ, за что и получила прозвище Пенелопы.

— А самъ-то ты одѣться не можешь? возмущился Захаровъ.

— Нѣтъ, я могу... но только, видишь ли, у меня здѣсь сапогъ нѣтъ, не безъ смущенія проговорилъ Дмитрій Сергѣевичъ, который привыкъ, чтобъ Панкратьевна помогала ему одѣваться.

— Пустяки, братецъ! заявилъ Захаровъ, — сапоги пускай она принесетъ, а въ сорокъ лѣтъ пора самому умѣть одѣться.

Ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться. Дмитрій Сергѣевичъ торопливо напяливалъ на себя бѣлье, какъ школьникъ, попавшійся врасплохъ. Когда онъ одѣлся, умылся и выбрилъ свое бѣлокурое свѣжее лицо, Пенелопа подала закусить, и Покровский, рѣшившій было не идти на службу, пошелъ вмѣстѣ съ Николаемъ Петровичемъ. Ему хотѣлось узнать — не ходятъ ли въ городѣ какіе нибудь новые слухи объ этомъ двойномъ таинственномъ убійствѣ.

Но, прійдя въ акцизъ, онъ узналъ только то, что уже слышалъ отъ Захарова. Весь городъ только и говорилъ, что объ этомъ ночномъ происшествіи. Вся полиція и прокурорскій надзоръ были поставлены на ноги. По слухамъ, губернаторъ принималъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ и приказалъ немедленно докладывать ему обо всемъ, что откроетъ. Однако въ теченіе трехъ дней ровно ничего новаго не было обнаружено.

На третій день были похороны обоихъ несчастныхъ молодыхъ людей. Огромная толпа, привлеченная сочувствіемъ, шла за роскошнымъ катафалкомъ, на которомъ стояли два гроба. Старикъ банкиръ Блейхеръ весь посѣдѣлъ и одряхлѣлъ за эти дни; онъ едва плелся за гробомъ сына. У открытой могилы онъ стоялъ молча, блѣдный, какъ полотно, и, бросая первый комъ земли, крикнулъ надорваннымъ голосомъ:

— Коля, Коля! Я скоро къ тебѣ приду!

Каково же было изумленіе и волненіе всего города, когда вечеромъ, въ день похоронъ, разнесся слухъ, что банкиръ Блейхеръ отравился. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить, потомъ, когда фактъ его смерти сталъ очевиднымъ,

начали строить предположенія о томъ, что у него, какъ у финансиста, вѣроятно запутаны дѣла. Говорили, что они запутаны уже давно, но такъ какъ въ послѣднее время, благодаря тому, что смерть сына невольно побудила всѣхъ заняться отцомъ, все всплыло наружу, то онъ, боясь огласки, и лишилъ себя жизни.

Но слухи эти оказались неправдоподобными, потому что, какъ потомъ выяснилось, финансовыя дѣла Блейхера остались въ полномъ порядкѣ. Мирные обыватели Н—ска были положительно сбиты съ толку. Въ теченіе столькихъ лѣтъ жизнь ихъ текла спокойно между винтомъ, клубными вечерами, любительскими спектаклями, хожденіемъ въ извѣстные часы на службу и попойками, а тутъ вдругъ ни съ того ни съ сего на голову свалились два загадочныхъ убійства.

Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что банкиръ Блейхеръ отравился съ горя о потерѣ единственнаго сына. Старикъ уже давно былъ вдовцомъ и любилъ своего Колю больше всего на свѣтѣ. Но вѣдь это не первый и не послѣдній случай, когда люди лишаются своихъ единственныхъ дѣтей, а однако они изъ-за этого не отравляются и не стрѣляются. Кромѣ того ходили слухи, что старый банкиръ человѣкъ крайне безнравственный, но трудно судить на сколько это было справедливо. Дома онъ жилъ только вдвоемъ съ сыномъ и ничего неприличнаго не было замѣтно, но на какихъ-то основаніяхъ о немъ установилось мнѣніе, что онъ влюбляется въ каждую смазливую женскую рожицу. Говорили, что и сынъ въ этомъ отношеніи тоже недалеко ушелъ отъ отца.

Черезъ недѣлю тотъ домикъ въ Гаваньскомъ переулкѣ, около котораго было совершено таинственное преступленіе, совсѣмъ опустѣлъ. Хозяйка отправилась на дальное богомолье, а швей, жившія въ мезонинѣ, переѣхали на другую квартиру. Полиція ихъ навѣщала почти ежедневно. Всѣмъ казалось подозрительнымъ — почему убійство произошло именно въ этой глухой части города и именно по окончаніи спектакля, на которомъ присутствовали обѣ молодыя дѣвушки и оба убитые гимназиста.

Оказывалось, что одинъ изъ знакомыхъ банкира Блейхера слышалъ, какъ сынъ его сказалъ въ фойе своему товарищу: »Поѣдемъ сейчасъ же въ Гаваньскій переулокъ, и мы окажемся первыми«. Трудно было выяснитъ

настоящій смыслъ этой фразы, но можно было прийти къ заключенію, что Гаванскій переулочекъ не случайное мѣсто преступленія и что, если товарищи намѣревались пріѣхать туда первыми, то значить былъ кто нибудь, кто пріѣхалъ позднѣе ихъ.

Обѣ сестры были привлечены къ подробному допросу, но онѣ показали подъ присягой, что какъ молодой Блейхеръ, такъ и его товарищъ никогда не были у нихъ на квартирѣ, но что въ лицо онѣ ихъ знали, какъ и многихъ другихъ молодыхъ людей въ городѣ. Подозрѣніе было окончательно снято со швей, хотя онѣ и оставались подъ надзоромъ полиціи.

Самоубійство банкира Блейхера, не оставившаго никакой объяснительной записки, еще болѣе запутывало дѣло. Всѣмъ казалось нѣсколько страннымъ, что старикъ просилъ не разглашать подробностей этого убійства и вдругъ, черезъ три дня послѣ случившагося, самъ лишилъ себя жизни. Мирные обыватели Н-ска просто терялись въ догадкахъ. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ виновникъ преступленія? Вѣдь въ провинціальномъ городѣ, гдѣ царить поголовная сплетня, фактъ исчезновенія преступника положительно невозможно.

II

Прошло мѣсяца три.

Дмитрій Сергѣевичъ Покровскій однажды, вечеркомъ, опять собралъ у себя партію въ винтъ. На этотъ разъ въ числѣ партнеровъ былъ и Захаровъ. Дмитрій Сергѣевичъ любилъ играть сосредоточенно, серьезно, Захаровъ же наоборотъ игралъ, какъ говорится, »спустя рукава« и разговаривалъ во время игры совсѣмъ о постороннемъ. Послѣ трехъ роберовъ онъ ужъ усталъ и сказалъ хозяину дома:

— А знаешь ли, Дмитрій Сергѣевичъ, вѣдь ты, братецъ, состоишь подъ надзоромъ полиціи.

— Что ты городишь. Никслай Петровичъ, возвратилъ ему тотъ.

— Вовсе не горожу, а говорю совершенно серьезно. Развѣ ты не знаешь, что въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ ты живешь, поселились въ мезонинѣ двѣ швейки, около квартиры которыхъ совершенно было то таинственное убійство?

Ну, такъ вотъ теперь полиція и слѣдить за всѣми жильцами этого дома, значить въ томъ числѣ и за тобой.

— А я и не зналъ, что онѣ переѣхали сюда, отвѣтилъ Покровскій. — Пстой-ка... я припоминаю, что какъ-то на этихъ дняхъ я вышелъ въ кухню и увидѣлъ, что Пенелопа разговариваетъ съ какой-то хорошенькой молодой дѣвушкой. Вѣроятно это и была одна изъ нихъ. Увидѣвъ меня, она схватила съ плиты утюгъ и убѣжала.

— Такъ вотъ ты будь поосторожнѣе, а не то, чего добраго, тебя притянутъ къ слѣдствію.

— Но развѣ оно еще не кончилось?

— Гласно-то кончилось, но негласно все еще продолжаютъ разные допросы да развѣдки.

— Но вѣдь противъ этихъ дѣвушекъ нѣтъ никакихъ уликъ!

— Этого я не могу тебѣ сказать навѣрно, очевидно нѣтъ, потому что онѣ на свободѣ, но это еще ничего не доказываетъ. А ты, какъ человѣкъ осторожный, скажи-ка лучше Панкратьевнѣ, чтобъ она не особенно дружила съ твоими сосѣдками. Да вотъ кстати позови-ка ее сюда, мы ее вмѣстѣ разспросимъ и сдѣлаемъ ей маленькое внушеніе.

Дмитрій Сергѣевичъ съ грустью взглянулъ на зеленый столъ, по которому были разбросаны карты. Ему страстно хотѣлось продолжать игру, но такъ какъ и два остальные партнера заинтересовались этимъ разговоромъ, то приходилось прервать винтъ и позвать Панкратьевну. Онъ позвонилъ въ ручной колокольчикъ, и, на этотъ условный зовъ изъ кухни, шлепая мягкими войлочными туфлями, явилась старушка.

Это была пресимпатичная низенькая женщина съ добрымъ морщинистымъ лицомъ и подслѣповатыми голубыми глазами. Она еще вынянчила Дмитрія Сергѣевича и относилась къ нему съ большой преданностью и любовью. Ей давно пора бы ужъ въ богадѣльню, но жизнь у Покровскаго была на столько спокойна, что ей не хотѣлось оставлять своего барина. Ей только не нравилось, что онъ называлъ ее Пенелопой; она почему-то была увѣрена, что это слово неприличное, даже ругательное.

Она вошла и стала въ дверяхъ.

— Пенелопа, обратился къ ней Дмитрій Сергѣевичъ, — скажи, пожалуйста, ты знаешь этихъ новыхъ жилищекъ, которыя поселились у насъ наверху?

— Хорошенькія онѣ? вставилъ Захаровъ, чтобъ по-злить ее.

— Эхъ, батюшка, укоризненно отвѣтила она своему барину, — я думала онѣ за дѣломъ позвалъ, что нибудь насчетъ ужина, а онѣ вонъ что выдумалъ...

И она повернулась, собираясь уйти.

— Постой, постой, Пенелопа! остановилъ ее Дмитрій Сергѣевичъ;—ты не слушай Николая Петровича, онѣ вѣчно чушь мелеть, а ты отвѣть мнѣ на мой вопросъ — знаешь ли ты этихъ новыхъ жиличекъ?

— Какихъ такихъ жиличекъ?

— Да вотъ, что переѣхали въ мезонинъ.

— Ну, знаю.

— Онѣ къ тебѣ ходять?

— Чего имъ ходить? Ну, извѣстно, придуть утюгъ погрѣтъ или тамъ воду скипятить, а больше имъ нечего у меня дѣлать, ихъ дѣло молодое.

— Ну, такъ вотъ, я хотѣлъ тебѣ сказать, Пенелопа, что-бы ты съ ними знакомства не вела...

— Что-жъ вамъ плиты что ли жалко? заворчала Панкратьевна. — Она у насъ почитай съ утра до вечера топится, а онѣ дѣвушки бѣдныя, что имъ деньги-то жечь.

— Да я вовсе не про то. Не жалко мнѣ плиты, а у меня есть причины, по которымъ я не желаю, чтобъ онѣ ходили въ мою кухню, отвѣтилъ онѣ сердито.

— Да и ходить-то только одна младшая сестра, старшая-то все что-то хвораеть.

— А что у нихъ много знакомыхъ, Панкратьевна? спросилъ Николай Петровичъ.

— А ужъ этого не знаю. Ходять двое какихъ-то, по виду на приказчиковъ похожи, я раза два на лѣстницѣ встрѣтила, а больше никого не видала. Мнѣ младшая скзывала, что одинъ-то женихъ сестры.

— И что-жъ они долго засиживаются?

— А мнѣ какое дѣло? Развѣ я имъ мать? Я вечеромъ, какъ постель своему барину постелю, такъ и уйду на кухню спать и знать ничего не знаю.

— А еще кто нибудь не ходить ли? допрашивалъ Захаровъ.

— Ну, вотъ пристали, господа! разсердилась Пан-

кратьевна. — Я не молоденькая стоять-то тутъ съ вами, у меня ноги больныя.

— Да ты садись, Пенелопа, предложилъ ей Дмитрій Сергѣевичъ.

— Садись, садись на мое мѣсто, Панкратьевна, подхватилъ Захаровъ,—баринъ хочетъ сыграть съ тобой въ винтъ.

— Ну васъ къ Богу, шутники! Вамъ неприлично сажать съ собою простую холопку.

— Нѣтъ, садись »подруга дней моихъ суровыхъ, старушка вѣрная моя!«, шутливо продекламировалъ Дмитрій Сергѣевичъ и силою усадилъ ее на стулъ.

— Ну, сѣла, произнесла она, — что-жъ дальше будетъ?

— А тебѣ не случилось ли видѣть полиціи у насъ на дворѣ? спросилъ Покровскій.

— Что это, батюшка! Зачѣмъ она сюда придетъ? изумилась Панкратьевна.

— Да такъ, можетъ быть къ дворнику... или къ кому-нибудь изъ жильцовъ...

— У насъ въ домѣ такихъ и жильцовъ-то нѣтъ... Слава Богу, десятый годъ живемъ. А что насчетъ этихъ дѣвушекъ, такъ онѣ тихія да скромныя, цѣлый день за работой; у меня въ кухнѣ слышно, какъ машинка погромыхиваетъ. По праздникамъ въ церковь ходятъ, а какъ переѣхали сюда, такъ свою квартирку святой водой окропили, все какъ слѣдуетъ.

— Ну, а какъ онѣ живутъ, весело?

— Нѣтъ, зачѣмъ зря говорить, извѣстно ваше дѣло мужское, а только вы...

— Да мы ничего худого про нихъ и не хотимъ сказать, а только я тебя прошу, Пенелопа, чтобъ ихъ больше въ кухнѣ не было, серьезно сказалъ ей Дмитрій Сергѣевичъ.

— Да ужъ слышала, слышала! отвѣтила старушка, вставая. — Новая мода пошла, полѣна дровъ для бѣднаго челоуѣка жалко.

— Нѣтъ, Пенелопа, мнѣ только жалко, что ты такъ глупа.

— Поживи-ка съ мое, батюшка, такъ поглупѣешь... Ишь какой умникъ выискался! Его весь день дома нѣтъ, такъ ковшикъ кипятку нельзя дать, сердито проворчала Панкратьевна и вышла изъ комнаты.

— Пенелопа! Пенелопа! крикнулъ ей вслѣдъ Покровскій.

Она показала въ дверяхъ.

— Приготовляй закуску, мы сыграемъ три робера и придемъ ужинать.

— Слушаю, ваше сіятельство! насмѣшливо отвѣтила она.

Когда Панкратьевна бывала недовольна своимъ баринномъ, она всегда обращалась къ нему на вы и неизвѣстно почему величала вашимъ сіятельствомъ. Ей, вѣроятно, казалось, что это такое же обидное прозвище, какъ Пенелопа.

III

Роберы, однако, затянулись, и винтеры только въ часъ ночи пошли въ столовую ужинать. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки и стакановъ вина всѣ сдѣлались въ превосходномъ расположеніи духа и весело болтали о разныхъ злобахъ дня. На этотъ разъ Дмитрій Сергѣевичъ не проигралъ ни одного большого шлема и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

Въ то время, какъ хозяинъ и гости принялись за холодный ростбифъ, Панкратьевна нѣсколько разъ показывалась на порогѣ двери, ведущей изъ столовой въ кухню, но тотчасъ же скрывалась. По ея взволнованному, блѣдному лицу видно было, что она хочетъ что-то сказать своему барину, но не рѣшается нарушить бесѣды. Наконецъ, Дмитрій Сергѣевичъ ее замѣтилъ и, обернувшись къ ней, сказалъ:

— Что тебѣ, старая? Не хочешь ли выпить стаканчикъ сладкаго винца за мое здоровье?

— Ну тебя съ винцомъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтила старушка. — У насъ въ домѣ неладно...

— Неладно? Ужъ не стащили ли полѣно дровъ? весело спросилъ Покровскій, знавшій, что она всегда огорчается сущими пустяками.

— Несчастіе случилось, проговорила она, не обративъ на этотъ разъ вниманія на его шутку.

— Несчастіе!.. какъ? съ кѣмъ?

— Сосѣдка удавилась...

— Какая сосѣдка? Что ты городишь?

— Да верхняя жиличка, швея...

Всѣ такъ и замерли на своихъ мѣстахъ съ полными ртами. Дмитрій Сергѣевичъ даже уронилъ на столъ бутылку краснаго вина, которая была у него въ рукѣ, и вино полилось по скатерти алой струею.

— Кто тебѣ сказалъ? произнесъ онъ, наконецъ, невѣрнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные не сводили широко открытыхъ глазъ съ испуганнаго лица старушки.

— Сестра ейная ко мнѣ прибѣжала на кухню блѣдная, вся дрожить. »Баушка«, говорить, »голубушка, пойдѣмъ со мной на чердакъ, я одна боюсь... Наташа«, говорить, »пошла туда бѣлье снимать, да вотъ ужъ больше часу ея нѣтъ, не случилось ли чего...« Ну...

— Да говори скорѣе! перебилъ ее Дмитрій Сергѣевичъ.

— Ну, вотъ... я взяла огарокъ да и пошла съ ней... Вошли мы на чердакъ-то, а мнѣ и самой-то будто боязно стало... Пришли, видимъ бѣлье все развѣшано, какъ было, а дверь отперта... Она крикнула: »Наташа, ты здѣсь?« Отвѣта нѣту. Мы прошли впередъ... Охъ, батюшки, какъ страшно, не могу говорить!..

— Да говори, говори! крикнули всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Вотъ пришли... видимъ... въ самомъ уголку, у стропиль, виситъ кто-то... охъ!.. Я думала спервоначалу, что это платье какое нибудь, а это она голубушка... ажъ похолодѣла вся... Господи, прости мое согрѣшеніе!.. охъ!.. Младшая-то, что со мной шла, Машенькой звать, какъ вскрикнетъ да такъ и замерла... Я бросила свѣчу да бѣгомъ назадъ, такъ перепугалась, что руки и ноги дрожать, все нутро колыхается... Охъ, батюшки мои!..

— Гдѣ-жъ она теперь? снова спросили всѣ разомъ.

— Да тамъ... на чердакъ...

— Какъ! ты и сестру тамъ оставила, безмозглая старуха! крикнулъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Охъ, батюшка, я смерть какъ боюсь покойниковъ... прошептала старушка, крестясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Господа, обратился Покровскій къ своимъ гостямъ. — мы сейчасъ же должны вступить въ это дѣло. Возьмемъ дворника и пойдѣмъ вмѣстѣ съ нимъ, посмотримъ — что и какъ. Пенелопя, позови сюда дворника съ фонаремъ, чтобы пришелъ сію же минуту!

— Надо бы послать за полиціей, а то еще въ бѣду попадешь, предложилъ осторожный Захаровъ.

— Зачѣмъ посылать! возразилъ Дмитрій Сергѣевичъ. — Можетъ быть она еще жива, придетъ въ чувство. А звать

полицію, вѣдь это цѣлая исторія, разнесется по всему городу...

Всѣ съ нимъ согласились.

— Пенелопа! Пенелопа! спохватился вдругъ Покровскій. Но старушка уже спускалась съ лѣстницы.

— Когда это случилось? крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

— Вы только что сѣли за столъ...

— Чего же ты сейчасъ же не пришла мнѣ сказать. глупая старуха?

Она поднялась на нѣсколько ступенекъ и хотѣла что-то объяснить ему, но онъ топнулъ на нее ногой и крикнулъ:

— Бѣги сейчасъ же за дворникомъ, старая дура! сію же минуту!

Когда онъ вернулся изъ кухни въ столовую, гости въ волненіи ходили по комнатамъ. Минуть черезъ пять Пенелопа вернулась съ заспаннымъ дворникомъ, и пятеро мужчинъ съ фонаремъ стали подниматься по лѣстницѣ. Они какъ-то близко жались другъ къ другу, очевидно всѣмъ было жутко.

Старушка Панкратьевна не пошла; она боялась одна остаться въ кухнѣ и боялась идти на чердакъ, поэтому осталась ждать на лѣстницѣ, почти машинально шепча: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

Процессія медленно двигалась впередъ по чердаку, усыпанному пескомъ и мелкимъ щебнемъ, раздвигая висѣвшее на веревкахъ бѣлье. Фонарь слабо освѣщалъ темное мрачное пространство. Когда мужчины дошли до угла, они чуть не наткнулись на дѣвушку, лежавшую безъ чувствъ; надъ ней висѣла съ дикимъ выраженіемъ помертвѣвшихъ глазъ ея сестра...

Дворникъ, которому Панкратьевна не умѣла какъ слѣдуетъ объяснить — зачѣмъ его зоветь баринъ, ахнулъ отъ испуга и выпустилъ изъ рукъ фонарь. Стекло разбилось, но, къ счастью, свѣча не погасла. Захаровъ быстро поднялъ ее; у кого-то нашелся въ карманѣ перочинный ножикъ, имъ перерѣзали веревку, затянутую вокругъ шеи молодой дѣвушки, и Дмитрій Сергѣевичъ подхватилъ бѣдную швею на руки въ надеждѣ, что она еще жива, но въ ней не было уже никакихъ признаковъ жизни. Тогда онъ не безъ содроганія опустилъ ее на полъ. Всѣ присутствующіе переживали тяжелыя минуты и невольно каждому, кромѣ, разумѣется, дворника, стоявшему какъ столбъ, съ рязину-

тымъ ртомъ, приходила въ голову мысль, что эта сцена похожа на главу одного изъ криминальныхъ романовъ Габорио.

Такъ какъ мертвая уже не нуждалась въ уходѣ, то стали заниматься живой. Бѣдную дѣвушку подняли и понесли въ ея квартиру. Равнодушный и эгоистичный по натурѣ Дмитрій Сергѣевичъ выказалъ въ этомъ случаѣ необыкновенную энергію. Онъ тотчасъ же послалъ дворника за полиціей, одного изъ своихъ партнеровъ за докторомъ, а самъ вмѣстѣ съ остальными принялся растирать свою безчувственную сосѣдку. Она долго не приходила въ себя.

Захаровъ, какъ человѣкъ слабонервный, несмотря на свою полноту, самъ готовъ былъ упасть въ обморокъ. Онъ отошелъ отъ группы и сталъ разсматривать квартиру. Она состояла всего изъ одной комнаты, не считая крошечной прихожей. Между двухъ оконъ съ дешевенькими тюлевыми занавѣсками стоялъ столъ, на которомъ лежала какая то бѣлошвейная работа. У стѣны по срединѣ диванъ, передъ нимъ круглый столикъ на мохнатомъ коврикѣ изъ пестрыхъ доскутковъ, два кресла. Въ углу подъ чехломъ ножная швейная машинка, въ глубинѣ комнаты, вдоль стѣны, двѣ кровати, загороженныя большимъ шкафомъ. Бѣдно, но все чисто, опрятно, даже уютно. Онъ сталъ смотрѣть — нѣтъ ли на столахъ какой нибудь записки, оставленной покойной, но ничего не нашель.

Въ незапертую дверь вошелъ докторъ и прямо направился къ постели, на которой лежала молодая дѣвушка, начинавшая понемногу приходиться въ себя, благодаря стараньямъ трехъ мужчинъ и коньяку, влитому ей въ ротъ Дмитріемъ Сергѣевичемъ. Въ это время явился участковый приставъ съ двумя понятыми, дворникомъ и городскимъ врачомъ. На лѣстницѣ поднялся шумъ, всѣ жильцы повысовывались изъ своихъ дверей, но, увидя полицію, немедленно спрятались, боясь привлеченія къ отвѣтственности.

Приставъ попросилъ Дмитрія Сергѣевича, какъ ближайшаго сосѣда самоубійцы и перваго узнавшаго о случившемся, пойти вмѣстѣ съ нимъ на чердакъ, что тотъ и исполнилъ. Когда врачъ констатировалъ смерть и былъ составленъ протоколъ, тѣло отправили въ участокъ, а приставъ, спустившись въ квартиру Покровскаго, сталъ отбирать показанія.

Всѣмъ было не по себѣ, каждому хотѣлось убраться домой по добру по здорову, но приходилось оставаться здѣсь, несмотря на то, что было уже четыре часа утра. »Ну, теперь затаскають!«, думалъ каждый изъ присутствующихъ и не безъ основанія, такъ какъ на слѣдующій же день допросы повторились.

IV

Дмитрій Сергѣевичъ такъ и не ложился. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы спать, да и сестра покойной вызывала въ немъ своимъ положеніемъ горячее сочувствіе. Когда всѣ разошлись, онъ вмѣстѣ съ Панкратьевной, все еще дрожавшей, какъ въ лихорадкѣ, поднялся къ молодой дѣвушкѣ. Она лежала на кровати одѣтая и горько плакала. Онъ понималъ, что слова утѣшенія тутъ бесполезны, и молча присѣлъ на другую кровать. Пенелопа, какъ истуканъ, стояла у двери, держа машинально въ рукахъ чулокъ со спущенными петлями, и по ея лицу тихо, быть можетъ, незамѣтно для нея самой катились слезы, а она даже не утирала ихъ.

— Полно, не плачьте! рѣшился, наконецъ, Дмитрій Сергѣевичъ обратиться къ дѣвушкѣ.

— Ахъ, вы не знаете! проговорила она рыдая. — Она была такая несчастная! Всю жизнь несчастная... Наташа моя. Наташа!..

— Что же, она любила кого нибудь?

— Любила...

— И не могла выйти замужъ?

— Могла, но послѣ всего этого не хотѣла.

— Послѣ чего же *этого*?

— Ахъ, вы не знаете! прошептала она и приподнялась на кровати. — Когда *это* случилось, она заболѣла, стала такая молчаливая... Ахъ, какая она была несчастная! Я, бывало, ее утѣшаю, смѣюсь, а она все молчитъ да вздыхаетъ.. Ахъ, Наташа, зачѣмъ ты это сдѣлала!..

И молодая дѣвушка громко, истерически зарыдала и снова опустила голову на подушку. Дмитрій Сергѣевичъ заставилъ ее выпить нѣсколько глотковъ воды. Воцарилось молчаніе. Статуя у двери стояла въ прежнемъ положеніи.

Черезъ минуту молодая дѣвушка снова поднялась и, взглянувъ на Дмитрія Сергѣевича своими заплаканными голубыми глазами, спросила:

— Вы не служите въ полиціи?

— Я? что вы! Я вашъ сосѣдъ, баринъ Пенел... Прокофьевны. Не бойтесь меня, я вамъ не сдѣлаю ничего дурнаго.

— Да, да, мнѣ Панкратьевна говорила, что вы такой добрый. Видите, она, Наташа, не виновата ни въ чемъ... Когда все это случилось, то...

— Да что именно случилось? Скажите мнѣ какъ другу, какъ брату, будьте увѣрены...

— А вотъ, помните, гимназистовъ-то застрѣлили?.. Наташа не виновата.

— Я это знаю. Да вѣдь никто ее и не винилъ. Это произошло около вашего дома, потому васъ тогда и допрашивали. Вы могли что нибудь знать, но оказалось, что вы ничего не знали.

— Ничего не знали! Вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ! Мы ихъ только встрѣчали раза два, даже не разговаривали... Никто не винить, а она себя винила...

— Въ чемъ же? я не понимаю.

— Ахъ, вы ничего не знаете и никто не знаетъ!

— А вы знаете?

— Я-то?.. Нѣтъ, я ничего не знаю...

— Нѣтъ, я вижу, что вы что-то знаете, только не хотите или боитесь сказать. У вашей сестры былъ женихъ?

— Не спрашивайте меня, я все равно ничего не скажу... Только мы не виноваты, мы никого не убивали... Ей Богу мы не виноваты! Все такъ случилось...

— Я вамъ вполне вѣрю, сказала Дмитрій Сергѣевичъ, стараясь ее успокоить,—и, чтобъ доказать это, я дамъ вамъ добрый совѣтъ. Если ваша совѣсть чиста, то завтра, когда васъ будутъ допрашивать въ судѣ...

— А меня будутъ допрашивать? испугалась она.

— Непремѣнно; васъ не хотѣли беспокоить сегодня, потому что вы больны, но завтра будутъ... Ну, такъ вотъ, если у васъ совѣсть, дѣйствительно, чиста...

Тутъ онъ на мгновеніе остановился и пытливо взглянулъ въ ея дѣтски-невинные глаза, опущенные длинными черными рѣсницами. Ея взглядъ ничуть не смутился, въ

немъ сквозь слезы проглядывало только вниманіе къ его словамъ.

— Если совѣсть у васъ, дѣйствительно, чиста, повторилъ онъ, — то не говорите на судѣ ничего того, что вы мнѣ сейчасъ говорили, и даже не упоминайте объ убійствѣ, которое было совершено три мѣсяца тому назадъ, иначе васъ долго не оставятъ въ покоѣ и пожалуй еще загрязнить доброе имя вашей сестры.

— Хорошо... благодарю васъ, отвѣтила она и зарыдала. — Охъ, мы такъ любили другъ друга! Наташа была такая хорошая... Она осиротѣла, когда ей было по одиннадцатому году, а мнѣ только восемь... Никого у насъ не было, ни родныхъ, ни друзей, мы жили своими трудами честно, скромно, и вдругъ это случилось!..

— И вамъ никто не помогаль въ трудные дни?

— Ой, никто! Предлагали, конечно, но Наташа ни отъ кого не взяла бы ни копѣйки. Она была гордая и такая красивая... Бѣдная, бѣдная... несчастная!..

— Чѣмъ же она такая несчастная? Вѣдь вы же говорите, что она могла выйти замужъ за любимаго человѣка?

— Ахъ, когда совѣсть не спокойна, какое ужъ счастье!

— Да вѣдь вы же сказали, что у васъ совѣсть спокойна?

— У меня да... А она все мучилась.

— Я васъ не понимаю!

— Ахъ, вы не понимаете! И спокойна, и не спокойна... Вѣдь бываетъ же такъ...

Дмитрій Сергѣевичъ понялъ, что отъ нея ничего не добьешься, но и понялъ также, что она что-то скрываетъ. Ей несомнѣнно извѣстны подробности таинственнаго убійства въ Гаваньскомъ переулкѣ, но она боится сказать. Ему казалось даже неделекатнымъ теперь, при ея горѣ, разспрашивать ее объ этомъ. Это значило бы воспользоваться ея слабостью. Одну минуту ему казалось, что она преступница; затѣмъ онъ начиналъ сомнѣваться въ этомъ. Слишкомъ искрененъ былъ ея тонъ, слишкомъ невинно лицо. Эти заплаканные, но ясные голубые глаза не могутъ лгать. Онъ уговорилъ ее постараться уснуть и ушелъ къ себѣ вмѣстѣ съ Пенелопой.

»Да и какое мнѣ дѣло?« думалъ онъ. »Еслибъ я даже убѣдился въ ея виновности, то я не рѣшился бы выдать ее. Пусть это останется на ея совѣсти«.

Съ этихъ поръ Дмитрій Сергѣевичъ каждый свободный часъ проводилъ наверху, у своей сосѣдки. Ея судьба очень интересовала его, да и молодая дѣвушка къ нему привыкла и нисколько не дичилась. Ему только не нравилось, что она называетъ его »баринъ«. Онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ нею на похоронахъ ея сестры и ему даже казалось страннымъ, какъ это онъ не боится сплетень, которыя могутъ возникнуть по поводу этого сближенія. Похороны онъ дѣлалъ на свой счетъ, такъ какъ у Машеньки денегъ не было, и она была въ страшномъ отчаяніи, что сестру будутъ хоронить на счетъ полиціи.

Когда бѣдную Наташу схоронили, Дмитрій Сергѣевичъ вернулся домой вмѣстѣ съ молодой дѣвушкой и не уходилъ отъ нея весь вечеръ. Она показала ему карточку Наташи. Онъ увидѣлъ передъ собой красивую брюнетку съ дивными, глубокими, синими глазами. Онъ видѣлъ еще такъ недавно это лицо мертвымъ, съ дикимъ выраженіемъ стеклянныхъ, безжизненныхъ глазъ и искривленнымъ ртомъ. Онъ тогда старался не смотрѣть на него, теперь же не могъ оторвать взгляда. Хотя карточка и была снята полгода тому назадъ, то есть до преступленія, взволновавшаго весь городъ, но на этомъ лицѣ лежала печать чего-то таинственнаго, почти мистическаго.

Недѣли черезъ двѣ полиція оставила Машеньку въ покоѣ, не добившись отъ нея причинъ, побудившихъ ея сестру рѣшиться на самоубійство. Молодая дѣвушка рѣшилась уѣхать изъ Н—ска, гдѣ у нея не оставалось уже ничего дорогаго. Какая-то ея троюродная тетка жила въ экономкахъ въ богатомъ имѣніи новгородской губерніи. Машенька написала ей письмо, и та согласилась пріютить у себя одинокую сироту. Сборы были недолгіе. Ей удалось продать съ помощью Дмитрія Сергѣевича свою незатѣливую обстановку за тридцать пять рублей, да кромѣ того онъ чуть не силой заставилъ ее принять отъ него пятьдесятъ на дорогу. Изъ всѣхъ своихъ вещей молодая дѣвушка оставила только швейную машинку; она хотѣла взять ее съ собой, но наканунѣ отѣзда, когда Дмитрій Сергѣевичъ пришелъ провести съ ней послѣдній вечеръ, она сказала ему:

— Баринъ, у меня есть къ вамъ большая просьба.

— Въ чемъ дѣло? Говорите, я очень радъ быть вамъ полезнымъ чѣмъ могу, отвѣтилъ онъ.

— Возьмите къ себѣ мою машинку.

— И это вы называете большой просьбой? засмѣялся онъ. — Велите Прокофьевнѣ сейчасъ же перенести ее ко мнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама это сдѣлаю! встрепенулась она. — Только, пожалуйста, баринъ, никому ее не давайте; пусть она стоитъ на одномъ мѣстѣ; я потомъ ее возьму.

— Кому же я могу ее дать, что вы! Я буду ее беречь. и вы можете ее взять во всякое время.

— Благодарю васъ. Я никогда не забуду вашей доброты...

На другой день, утромъ, Дмитрій Сергѣевичъ вмѣстѣ съ Машенькой перенесъ швейную машинку къ себѣ въ столовую и черезъ полчаса проводилъ дѣвушку на вокзалъ желѣзной дороги. Когда поѣздъ тронулся и Машенька замала ему платкомъ изъ окна вагона, на его глазахъ выступили слезы; тоска одиночества сжала ему сердце. Ему стало такъ грустно, что онъ машинально сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за вагономъ; ему хотѣлось крикнуть: останьтесь!.. Но онъ опомнился и, принявъ умышленно сосредоточенный видъ, пошелъ на службу. Долго послѣ того товарищи подшучивали надъ нимъ, увѣряя, что онъ влюбленъ въ »златокудрую швейку«.

V

Прошло два года.

Толки о трехъ необъяснимыхъ трагическихъ случаяхъ, совершившихся одинъ за другимъ, уже перестали волновать мирныхъ обывателей Н—ска. Жизнь попрежнему вошла въ свою колею; новыя встрѣчи, служебныя перемѣны, политическія событія, словомъ, — новыя злобы дня затерли старыя и о нихъ всѣ забыли, тѣмъ болѣе, что ничего не открылось — ни убійцы гимназистовъ, ни причины самоубійства банкира и швеи.

Разъ Дмитрій Сергѣевичъ Покровскій, вернувшись домой изъ акциза, засталъ у себя въ передней какую-то молодую дѣвушку въ пальто и шляпѣ. Увидѣвъ его, она привѣтливо ему поклонилась и произнесла:

— Вы меня не узнали, баринъ?

— Нѣтъ, извините, я никакъ не могу припомнить, отвѣтилъ онъ.

— Я пришла за моей машинкой.

— А, такъ это вы, Машенька! воскликнулъ онъ. — Какъ вы пополнѣли! И, подавая ей руку, онъ прибавилъ: — снимите, пожалуйста, ваше пальто и войдите. Пенелопа сейчасъ дастъ намъ чайку. Помните, какъ вы меня всегда угощали, когда я къ вамъ приходилъ?

— Благодарю васъ, баринъ, я уже пила въ кухнѣ съ Прокофьевной и собиралась было уходить, не дождавшись васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, войдите непременно, поговоримъ; я хочу знать, какъ вы устроились.

Машенька конфузливо сняла пальто и прошла за Дмитріемъ Сергѣевичемъ въ кабинетъ. Она, видимо, отвыкла отъ него и теперь стѣснялась. Онъ придвинулъ ей стулъ, а самъ сѣлъ къ письменному столу.

— Ну, какъ вы живете? спросилъ онъ.

— Ничего, благодарю васъ, понемножку. Все это время я жила у тетки въ деревнѣ, а теперь выхожу замужъ...

— Вотъ камъ!.. Очень радъ за васъ. Кто же вашъ женихъ? произнесъ онъ, чувствуя, что его что-то кольнуло въ сердце.

— А тамъ, въ имѣніи, гдѣ служить тетка, есть управляющій. Ну, такъ вотъ его сынъ...

— Сдѣлалъ вамъ предложеніе?

— Да.

— Прекрасно, прекрасно, очень радъ! Я увѣренъ, что вы будете счастливы. Вѣдь онъ еще молодой человѣкъ?

— На три года старше меня. Я поэтому-то къ вамъ и пріѣхала, мнѣ хочется...

Она запнулась, какъ бы не рѣшаясь высказаться.

— Вы хотите посоветоваться со мной, какъ со старымъ другомъ? подсказалъ Покровский.

— Да; вы были такъ добры ко мнѣ... я никогда не забуду... вотъ я и хочу теперь взять мою машинку.

— И прекрасно. Она стоитъ у меня въ столовой цѣлыхъ два года, и я ежедневно заставляю Пенелопу стирать съ нея пыль, отвѣтилъ онъ, а самъ подумалъ: »стоило ли пріѣзжать изъ-за этого за двѣсти верстъ? Я могъ бы выслать«.

— Вы напрасно мнѣ не написали, прибавилъ онъ, — я бы вамъ выслалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Мнѣ нужно было васъ видѣть, быстро произнесла Машенька. — Я не успокоюсь, пока вамъ всего не расскажу... Вы такой добрый, вы никому не откроете.

Она умолкла, какъ бы собираясь съ силами, наконецъ начала:

— Помните, тогда такъ никто ничего и не узналъ, а я все знаю... Я не могу жить съ этой тайной на душѣ. Я выхожу замужъ по любви, хотѣла все рассказать жениху, но побоялась, я думала, что еще пожалуй васъ запутають, потому что эта тайна у васъ въ квартирѣ...

— У меня въ квартирѣ! изумился Покровский.

— Да... у васъ, только вы не знаете въ какомъ мѣстѣ. Помните банкира Блейхера?

— Еще бы! Эта исторія надѣлала много шума въ свое время, какъ же не помнить.

— Вы можетъ быть не знали, продолжала она, — а вѣдь онъ былъ влюбленъ въ мою сестру, въ бѣдную Наташу. Видите, когда мы съ ней еще учились въ пріютѣ, онъ былъ тамъ предсѣдателемъ и тогда еще очень ухаживалъ за ней, но онъ былъ такой старый, противный, она и смотрѣть на него не хотѣла. Онъ ей и денегъ предлагалъ и даже жениться обѣщалъ, она ни на что не соглашалась. У нея въ то время женихъ былъ, котораго она очень любила, но только, какъ и онъ и она были бѣдные, то все и не могли обвѣнчаться. Банкиръ ѣздилъ къ Наташѣ, когда мы еще жили въ Гаваньскомъ переулкѣ. Этого никто не зналъ. Онъ, бывало, придетъ тайкомъ, лошадей своихъ оставитъ гдѣ нибудь подальше, и все говоритъ ей разныя глупости; мнѣ просто противно было на него смотрѣть. Мы не знали какъ отъ него отдѣлаться. У насъ въ домѣ даже дворника не было, чтобъ его не пускать, а переѣхать на другую квартиру дорого.

Вотъ разъ онъ пришелъ уже поздно, въ десятомъ часу вечера, и засталъ у Наташи ея жениха съ товарищемъ. Онъ страшно разсердился, сказалъ Наташѣ, что она самая послѣдняя дѣвушка, и крикнулъ: »Если я еще разъ встрѣчу здѣсь этихъ молодцевъ, то я застрѣлю ихъ какъ собакъ!« Наташа заплакала, а Петръ Ивановичъ, это женихъ, выгналъ его изъ квартиры. Черезъ недѣлю случилось то же самое, только Петръ Ивановичъ ужъ совсѣмъ не выпустилъ его. Тотъ долго ругался на лѣстницѣ и ушелъ.

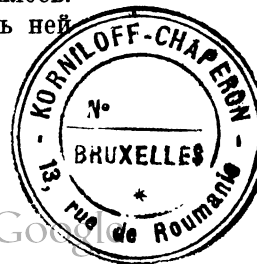
Потомъ черезъ нѣсколько дней Петръ Ивановичъ принесъ намъ билетъ на ложу въ театрѣ. Мы сначала не хотѣли принимать, потому что онъ человекъ бѣдный, а ложа стоила пять рублей. Онъ намъ ничего не сказалъ, что и банкиръ будетъ тамъ, онъ заранѣе узналъ это отъ кассира и устроилъ это нарочно, чтобъ позлить старика.

Дмитрій Сергѣевичъ весь превратился въ слухъ. Ему казалось, что онъ нашель, наконецъ, нить таинственнаго клубка, который не удалось распутать ни полиціи, ни прокурорскому надзору. Машенька продолжала:

— Мы отправились въ театръ и видимъ, что рядомъ съ нами въ сосѣдней ложѣ сидитъ Блейхеръ съ сыномъ и его товарищемъ. Наташа хотѣла сейчасъ же уѣхать, но я ее уговорила остаться — пьеса была такая интересная... Петръ Ивановичъ со своимъ товарищемъ сидѣлъ внизу, въ креслахъ, онъ не хотѣлъ насъ конфузить при публикѣ. Послѣ перваго акта они пришли къ намъ въ ложу, все смѣялись и подтрунивали надъ старикомъ да такъ громко, что гимназисты должно быть все слышали; они не сводили съ насъ биноклей. Когда спектакль кончился, Петръ Ивановичъ опять пришелъ къ намъ и сказалъ громко:

— Мы къ вамъ сегодня приѣдемъ ужинать, только зайдемъ на минутку въ магазинъ — купить вина и закусокъ.

Онъ это сказалъ нарочно, чтобъ разозлить банкира; онъ никогда такъ поздно къ намъ не приходилъ. Они проводили насъ до извозчика и ушли. Только что мы приѣхали домой, не успѣли и раздѣться, какъ вдругъ подь окномъ услыхали два выстрѣла, одинъ за другимъ... Мы такъ и обомлѣли... а выскочить боимся. Минуть должно быть съ десять все было тихо. Мы загасили огонь и поскорѣ легли, а сами чувствуемъ что-то недоброе... Тутъ внизу, на улицѣ раздались голоса, крики, стали подѣзжать извозчики. Мы лежимъ ни живы, ни мертвы... Вдругъ слышимъ къ намъ поднимаются, стучать... Я накинула наскоро платишко, туфли на босу ногу и пошла отворить. Это полиція... Все у насъ обшарили, перерыли, пока Наташа одѣвалась за шкафомъ, потомъ стали допрашивать. Мы на все нѣтъ и нѣтъ. Мы вѣдь еще толкомъ-то и не знали, что случилось. Наташа думала, что это убили Петра Ивановича; съ ней даже дурно сдѣлалось.

— Кто же это убилъ ихъ? спросилъ Дмитрій Сергѣевичъ, не рѣшаясь вѣрить своимъ догадкамъ.

— Погодите, баринъ, я все по порядку разскажу, какъ помню, отвѣтила Машенька и продолжала: — Я вѣдь передъ вами, какъ передъ истиннымъ Богомъ, ничего не утаю... На другой день насъ куда-то водили, опять спрашивали, вызывали и Петра Ивановича съ товарищемъ. Мы отвѣчали, что незнакомы съ гимназистомъ Блейхеромъ, что встрѣчали его только на улицѣ да вотъ вчера въ театрѣ, а разговаривать никогда не разговаривали. Это вѣдь правда такъ. Спрашивали насъ — не видали ли мы при немъ револьвера. Мы, конечно, не видали; можетъ онъ у него и былъ; здѣсь многіе вечеромъ съ револьверами ходятъ, потому что часто грабятъ на улицахъ. Вернулись мы домой измученныя, усталыя. Наташа все плакала и говорила мнѣ: »я знаю кто убилъ, знаю... И все я виновата!« Сѣли мы вечеромъ чай пить, вдругъ звонок... Мы такъ и задрожали... Петръ Ивановичъ всегда стучалъ, а не звонилъ, значить не онъ. Наташа мнѣ шепчетъ:

— Маша, не отпирай!..

Опять позвонили. Я подошла на цыпочкахъ къ двери и спрашиваю: кто тамъ?

Никто не отвѣчаетъ. Я опять крикнула: кто тамъ? а сама вся такъ и дрожу, такъ и дрожу...

— Почтальонъ! отвѣтили мнѣ изъ-за двери.

Я отперла замокъ, а цѣпочки не снимаю, боюсь... Протянулась чья-то рука и подала запечатанный конвертъ, но безъ марки. Только я успѣла взять его въ руки, какъ кто-то скоро-скоро сбѣжалъ съ лѣстницы. Я заперла дверь и иду къ Наташѣ, письмо было на ея имя... распечатали и прочли...

— Что же вы прочли? горя нетерпѣніемъ, спросилъ Машеньку Дмитрій Сергѣевичъ.

— Охъ, и сказать не могу... простонала она.

— Куда же вы его дѣли?

— Оно у васъ...

— Какъ у меня!.. Христось съ вами!

— У васъ... снова произнесла она и стала рыться въ карманѣ.

Не зная, что думать, Дмитрій Сергѣевичъ не сводилъ

съ нея своихъ изумленныхъ глазъ. Молодая дѣвушка вынула изъ кармана какой-то продолговатый предметъ, завернутый въ газетную бумагу, и стала медленно его разворачивать. Въ эту минуту тысяча мыслей пронеслась въ головѣ струхнувшаго Дмитрія Сергѣевича. Ему уже казалось, что вотъ эта самая Машенька, имѣющая видъ угнетенной невинности, и есть убійца, разгуливающій на свободѣ, что эти голубые глаза подъ длинными черными рѣсницами, когда-то плѣнявшіе его, полны лжи и коварства. Онъ былъ увѣренъ, что у нея въ бумагѣ револьверъ и что она сейчасъ бацнетъ въ него. Онъ даже нѣсколько отклонился въ сторону. Но продолговатый предметъ оказался ни болѣе, ни менѣе какъ простой винтовой отверткой...

— Что это такое? спросилъ Дмитрій Сергѣевичъ, все еще ничего не понимая и изумляясь.

— Это отвертка, просто отвѣтила она.

— Зачѣмъ она вамъ?

— О, она мнѣ очень нужна, сказала молодая дѣвушка. — Я ее берегла какъ ладонку цѣлыхъ два года... Гдѣ моя машинка?

— Она въ столовой. Вы хотите ее взять? Подождите, я сейчасъ позову Пенелопу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ради Бога не надо! Пойдемте, вдвоемъ.

Онъ провелъ ее въ столовую. Швейная машинка стояла у окна подъ ящикомъ орѣховаго дерева. Машенька отперла ключикомъ ящикъ, сняла его и спросила:

— Можно запереть дверь въ кухню, баринъ? Я очень боюсь, что войдетъ Прокофьевна...

— Можно, но зачѣмъ все это? Я васъ положительно не понимаю, произнесъ онъ.

— Заприте, заприте дверь! Я вамъ сейчасъ все скажу!..

VI

Она взяла отвертку и стала дрожащими руками отвертывать одинъ за другимъ пять винтовъ машинки, которыми та была прикрѣплена къ швейному столику. Ничего не понимая, Дмитрій Сергѣевичъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Пятый, средній, винтъ не поддавался, и Машенька попросила Дмитрія Сергѣевича помочь ей. Когда онъ его отвинтилъ,

молодая дѣвушка сняла машинку со столика и вынула изъ-подъ нея распечатанное письмо.

— Вотъ оно, сказала она со слезами въ голосѣ, — сжечь его мы боялись и рѣшили спрятать въ самое вѣрное мѣсто; тутъ ужъ никто не найдетъ... Возьмите и прочтите, а я не могу... Бѣдная моя Наташа! Это она придумала сюда положить...

И при этомъ воспоминаніи Машенька залилась горькими слезами.

— Отъ кого это? неувѣренно спросилъ ее Покровский.

— Отъ банкира Блейхера.

— Такъ я могу прочесть? снова спросилъ онъ, и руки его задрожали отъ волненія.

— Да... да... Вы все узнаете...

Онъ вынулъ изъ конверта письмо, писанное нетвердою мужскою рукою, и прочелъ слѣдующее:

»Богъ и люди не простятъ мнѣ моего страшнаго грѣха, но прежде, чѣмъ умереть, я рѣшился признаться вамъ во всемъ, Наталія Михайловна. Послѣ моей смерти вы можете предъявить это письмо въ судъ; это спасетъ васъ отъ подозрѣній, которыя легко могутъ дать и на васъ. Я очень васъ любилъ, очень... Я не могъ перенести мысли, что вы смѣтаетесь надо мной и любите другого. Я знаю, я старикъ, я не красивъ, но я васъ любилъ и смертельно ненавидѣлъ тѣхъ двухъ мужчинъ, которыхъ встрѣчалъ у васъ, и хоть и грозился ихъ убить, но никогда не рѣшился бы на это. Вечеръ въ театрѣ рѣшилъ все. Когда я услышалъ, что они пріѣдутъ къ вамъ ужинать, во мнѣ закипѣла такая злоба, что я не помнилъ себя. Они позволили себѣ смѣяться надо мной да еще при моемъ сынѣ!

Какъ только спектакль окончился, я поскакалъ вслѣдъ за вами, на полдорогѣ отпустилъ моего кучера и пошелъ пѣшкомъ. Только что я вошелъ въ Гаваньскій переулокъ, какъ увидѣлъ, что ко мнѣ на встрѣчу торопливо идутъ двое въ сѣрыхъ пальто, а я раньше замѣтилъ, что мужчины, которыхъ я встрѣчалъ у васъ, ходятъ въ чемъ-то сѣромъ. Я почувствовалъ страшный приливъ ярости, не помня себя, выхватилъ изъ кармана револьверъ, который всегда ношу съ собою, и пустилъ въ нихъ два выстрѣла на разстояніи десяти шаговъ. Я не зналъ даже — попали ли мои выстрѣлы въ цѣль, потому что было очень темно и лилъ сильный

дождь, но я слышалъ, какъ кто-то упалъ на тротуаръ. Тогда я побѣжалъ назадъ. Минуть черезъ десять мнѣ попался извозчикъ, я вскочилъ въ дрожки и поѣхалъ домой. Но я помнилъ, что не слѣдуетъ останавливаться около самаго дома, и сошелъ съ извозчика въ началѣ улицы.

Черезъ часъ я узналъ, что убилъ моего единственнаго сына и его товарища...

Я наказанъ... страшно, жестоко наказанъ... Господь не простить меня ни въ этой жизни, ни въ будущей. Трупъ сына, убитаго мною, лежитъ въ сосѣдней комнатѣ, а я сижу за моимъ письменнымъ столомъ и приношу вамъ, которую я глубоко любилъ, мое сердечное покаяніе... Простите хоть вы меня!.. А когда меня не станеть, помолитесь за упокой моей грѣшной души и поступите съ этимъ письмомъ такъ, какъ найдете нужнымъ. Чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, что оно подлинное, я прикладываю къ нему мою гербовую печать.

Николай Блейхеръ.

Сентябрь 188* г.«.

Дмитрій Сергѣевичъ долго не могъ опомниться по прочтеніи этого письма. Машенька все сидѣла и тихо плакала. Такъ вотъ она разгадка этой тайны!

— Но какъ же могло случиться, что сынъ Блейхера попалъ въ Гаванскій переулокъ? спросилъ онъ.

— Петръ Ивановичъ намъ потомъ рассказывалъ, отвѣтила Машенька, — что этотъ гимназистъ тоже былъ влюбленъ въ Наташу, а когда онъ услышалъ тотъ разговоръ въ театрѣ, то вѣрно подумалъ, что мы какія нибудь такія дѣвушки... ну, тамъ... дурного поведенія, и хотѣлъ прійти къ намъ.

— Да, да, да! теперь я припоминаю! воскликнулъ Дмитрій Сергѣевичъ. — Помните, кто-то слышалъ, какъ молодой Блейхеръ сказалъ въ фойе своему товарищу: »Поѣдемъ скорѣе въ Гаванскій переулокъ, и мы окажемся первыми«. Что же вы хотите сдѣлать теперь съ этимъ письмомъ?

— Я думаю, отвѣтила молодая дѣвушка, — что теперь, когда Наташа умерла, его можно сжечь. Бѣдная Наташа сама хотѣла это сдѣлать, но все не рѣшалась...

— Скажите, а отчего же она потомъ не вышла за своего жениха? Вѣдь она его любила?

— Да, очень любила... Только, когда все это случилось,

она въ душѣ обвиняла его. Она говорила, что это онъ довелъ Блейхера до преступленія, что, еслибы онъ не смѣлся надъ старикомъ, ничего этого не было бы.

— А гдѣ же теперь этотъ молодой человѣкъ?

— Онъ вскорѣ послѣ смерти Наташи пошелъ въ монастырь. Онъ даже не былъ на ея похоронахъ.

Дмитрій Сергѣевичъ задумался. Сколько шума надѣлало бы теперь въ городѣ разоблаченіе этой тайны! Дошло бы до Петербурга! Провинціальнымъ язычкамъ было бы по крайней мѣрѣ мѣсяца на два работы...

— Какъ же быть, баринъ? вывелъ его, наконецъ, изъ задумчивости голосъ Машеньки.

— Такъ вы хотите сжечь это письмо? спросилъ онъ, не выпуская изъ рукъ интереснаго документа.

— Да, баринъ, я выхожу замужъ, пусть все это забудется... Наташа хотѣла сжечь...

— Ну, хорошо, отвѣтилъ онъ, — я съ вами согласенъ. На свѣтъ не осталось никого изъ героевъ этой кровавой драмы; дѣйствительно, пусть лучше ихъ имена не поминаются лихомъ. Сожжемъ! Пойдемте въ кабинетъ.

Машенька пошла за нимъ. Дмитрій Сергѣевичъ зажегъ одну изъ свѣчей на своемъ письменномъ столѣ, поднесъ ее къ отверстию камина и торжественно сжегъ сначала письмо съ печатью, потомъ конвертъ.

— Ну, теперь я спокойна! сказала Машенька, вытирая послѣднія слезы. — А только, баринъ, вы никогда, никому не скажете объ этомъ ни одного слова?

— Конечно, нѣтъ; вы можете быть вполне увѣрены. Да и кто же мнѣ повѣритъ безъ этого документа?

— Вы мнѣ поклянетесь?

— Клянусь честью.

— Благодарю васъ, всей душой благодарю... Я тогда еще, въ ту страшную ночь, когда Наташа... я тогда еще поняла, что вы добрый и хорошій человѣкъ. Потому я и рѣшилась оставить у васъ мою швейную машинку. Прощайте, я никогда не забуду...

Ея голосъ задрожалъ отъ сдерживаемыхъ слезъ. Дмитрій Сергѣевичъ также былъ тронутъ и сказалъ въ волненіи:

— Пойдемте, я помогу вамъ завинтить хранительницу вашей тайны. Право, ни одинъ судебный слѣдователь не догадался бы искать въ такомъ мѣстѣ.

— Это Наташа придумала, сказала она и глубоко вздохнула.

Дмитрій Сергѣевичъ помогъ ей завинтить машинку, послалъ Пенелопу за извозчикомъ, усадилъ на него Машеньку и, когда молодая дѣвушка уѣхала, невольная грусть сжала сердце закоренѣлаго холостяка, и онъ шепталъ про себя, подымаясь по лѣстницѣ:

»Я понимаю, что банкиръ Блейхеръ могъ безумно любить ея сестру. Еслибъ наши барышни-невѣсты была похожи на этихъ простыхъ чистыхъ сердцемъ дѣвушекъ, то я давно былъ бы женатъ«.

Ек. Уманецъ

МОРСКІЯ ПѢСНИ

I

Пароходъ на волнахъ и скрипитъ, и дрожитъ
Съ сильной бурей, съ волненьемъ въ борьбѣ.
Я лежу истомленъ; сердце ноетъ, болитъ,
Въ парусахъ и снастяхъ рѣзкій вѣтеръ свиститъ —
А я думаю все о тебѣ.

Что-то дѣлаешь ты въ той далекой глуши,
Все-ль какъ прежде грустна и блѣдна?
Также-ль буря волнуетъ глубь тихой души,
Иль она улеглась, и въ покоѣ, въ тиши
Жизнь твоя вновь вольна и ясна?

Вкругъ меня, надо мной вѣтра свистъ, моря шумъ,
Черезъ бортъ скачутъ брызги валовъ;
Въ этотъ мигъ много мыслей приходитъ на умъ;
Много сдавленныхъ чувствъ, много пасмурныхъ думъ
Много прожилъ я смутныхъ часовъ.

Но вдали, въ облакахъ, свѣтлый лучъ промелькнулъ,
Непогода на мигъ унеслась,
Вѣтеръ въ мачтахъ высокихъ какъ будто уснулъ, —
И къ тебѣ чрезъ моря руку я протянулъ,
И на сердцѣ надежда зажглась...

II

»Вестъ-нордъ-вестъ!« кричитъ угрюмо
Недовольный капитанъ.
Всталъ надъ моремъ, полный шума,
Полный грома, ураганъ.

Зелень Сѣвернаго моря
Почернѣла грозно вновь,
Мчатся, съ вѣтромъ силой споря,
Стаи бѣшеныхъ валовъ.

Но, готовясь въ бой упорный,
Вѣтеръ стихнувъ, вдругъ упаль...
Надъ равниной моря черной
Намъ грозитъ сердитый шкваль.

Но пусть чуетъ, брови хмуря,
Капитанъ грозу въ тиши —
Мнѣ смѣшна природы буря
Передъ бурею души.

И пускай грозитъ бѣдою
Передъ шкваломъ тишина —
Передъ мертвой тишиною
Въ сердцѣ — буря не страшна.

В. Зотовъ

ПОКЛОННИКИ БЕЗГРѢШНОЙ

РАЗСКАЗЪ

Энрико Кастельнуово

I

Извѣстная своей красотой и эксцентричностью американская мильонерша Юдиѣ Симпсонъ нѣсколько лѣтъ какъ поселилась со своею матерью во Флоренціи. Она пріѣхала въ этотъ городъ со своимъ мужемъ, который, устроивъ жену въ одномъ изъ палаццо »sui Viali« и нанявъ виллу въ Фіезоле, оставилъ ее на попеченіи тещи, самъ же вернулся въ Америку и съ той поры не показывался болѣе во Флоренціи. Извѣстно лишь было, что аккуратно каждый мѣсяць она получала отъ него письмо, на которое также аккуратно ежемѣсячно отвѣчала ему. Письма служили поводомъ не для однихъ супружескихъ изліяній, но и для приложения со стороны заатлантической чека въ тысячу стерлинговъ, а съ другой — удостовѣренія въ полученіи его. Двѣнадцать подобныхъ чековъ въ годъ, какъ извѣстно, составляютъ очень порядочную сумму; тѣмъ не менѣе мистеръ Симпсонъ считалъ необходимымъ по временамъ округлять ее и то къ Рождеству, то ко дню именинъ своей жены посылалъ ей дополнительные чеки на какую нибудь пустячную сумму, стерлинговъ въ пятьсотъ. Принимая во вниманіе несмѣтное богатство мужа, мистрисъ Симпсонъ могла бы требовать и больше, но по своему благоразумію она довольствовалась »малымъ«, что было для нея тѣмъ возможнѣе, что ей приходилось содержать лишь одну себя, ибо ея мать, хотя въ сравненіи съ нею далеко не была богата (она получала двадцать пять тысячъ франковъ годоваго дохода),

вносила свою долю въ общіе домашніе расходы и одѣвалась на собственные средства. Мистриссъ или, вѣрнѣе сказать, донна Марикита Суэллау, рожденная Серенадо-и Фуэнтесъ, хотя наравнѣ со всѣми подчинялась обаянію своей дочери, но представляла собою совершенно противоположный ей типъ женщинъ. Мистрисъ Симпсонъ являлась настоящей американкой сѣвера, англосаксонской расы, тогда какъ мать ея, уроженка Гватемалы, имѣла право считать себя чистой испанкой. Въ ней было много присущей испанцамъ напыщенности, она преклонялась передъ титулами и была ревностной католичкой, обстоятельство, не помѣшавшее ей однако выйти замужъ за протестанта. Но, Господи, какъ же ей было иначе поступить! Въ ту пору, когда въ Гватемалу съ дипломатической миссіей отъ Соединенныхъ Штатовъ пріѣхалъ Джоржъ Суэллау — это былъ такой красавецъ, что сенорита Серенадо не въ силахъ была устоять передъ нимъ и согласилась отдать ему свою руку и сердце, конечно, въ надеждѣ впослѣдствіи привести его въ лоно святой церкви. Надежда оказалась тщетной. Мистеръ Суэллау не только не обратился въ католичество, но даже дочь свою окрестилъ въ протестантскую вѣру.

Какъ бы ни было, донна Марикита въ глубинѣ души гордилась своимъ вѣроисповѣданіемъ, отечествомъ и дѣвичьей фамиліей, гораздо болѣе звучной, нежели фамилія Суэллау, и если она не особенно часто обнаруживала свои чувства, то это происходило не изъ одной деликатности по отношенію къ своей дочери, а потому, что она съ большимъ трудомъ изъяснялась на какомъ бы то ни было языкѣ. Живя въ Сѣверныхъ Штатахъ, она мало по малу разучилась своему родному, испанскому языку, не научившись хорошенько англійскому; теперь же, поселившись въ Италиі, она все болѣе и болѣе теряла англійскую рѣчь, не усвоивъ себѣ итальянской. И въ этомъ отношеніи она не менѣе отличалась отъ своей дочери, которая по своимъ блестящимъ способностямъ къ изученію языковъ могла сравниться съ самимъ Мецофанти.

Хотя донна Марикита питала къ своей дочери любовь, граничившую съ обожаніемъ, и пользовалась въ свою очередь привязанностью послѣдней, тѣмъ не менѣе обѣ женщины жили совершенно независимо другъ отъ друга и вполнѣ самостоятельно. Онѣ иногда отправлялись вмѣстѣ съ визитами

или на большія собранія, но -времяпрепровожденіе ихъ въ общемъ было совершенно различно, и жизнь одной нисколько не походила на жизнь другой.

Мать любила находиться на короткой ногѣ съ аристократическими семьями Флоренці консервативнаго оттѣнка, состояла членомъ двухъ—трехъ католическихъ обществъ и усердно посѣщала церкви. При всемъ этомъ она была бы не прочь окружить себя и поклонниками. Это было бы исполнимо въ виду того, что, несмотря на ея сорокапятилѣтній возрастъ, она сохранила многочисленные слѣды минувшей красоты, еслибы при этомъ она не была особой крайне скучной по природѣ и еслибы ей не вздумалось уиорствовать въ желаніи прослыть пребывающей въ строгихъ предѣлахъ платоническихъ чувствъ. Мистриссъ Симпсонъ, обладая властнымъ характеромъ, не сближалась ни съ одною изъ дамъ Флоренці. Она одинаково отдалялась какъ отъ мѣстнаго общества, такъ и отъ дамъ иностранныхъ колоній, являясь въ салоны своихъ знакомыхъ лишь на сколько это требовалось соблюденіемъ приличій. Она чувствовала потребность власти и привыкла лишь властвовать. Для этого ей необходимо было имѣть въ полномъ своемъ распоряженіи цѣлый отрядъ покорныхъ вассаловъ, которые бы только ею и дышали, и готовы были бы по первому ея мановенію послушно слѣдовать за нею повсюду. Въ наши дни едва ли какаянибудь молодая и красивая женщина, поощряющая ухаживаніе, можетъ пожаловаться на недостатокъ въ поклонникахъ. Конечно, этого не случилось и съ мистриссъ Симпсонъ, которая едва только появилась на флорентинской свѣтской аренѣ, какъ у ея ногъ очутилась вся мѣстная золотая молодежь. Но... много званыхъ, а мало избранныхъ, говорить древнее изрѣченіе. Впрочемъ, Юдиѳъ никого не отталкивала, а искатели ея вниманія удалялись сами, чаще всего въ ужасѣ передъ тѣми требованіями, какія предъявляла къ своей свитѣ своенравная мистриссъ Симпсонъ. По правдѣ сказать, она требовала отъ своихъ кавалеровъ черезчуръ многого. Прежде всего — полнѣйшаго безкорыстія, другими словами, ни малѣйшаго стремленія къ какойнибудь смѣлой попыткѣ. При этомъ нельзя сказать, чтобы мистриссъ Симпсонъ представляла изъ себя то, что называютъ »prude«. Ее не шокировало кипучее изліяніе чувствъ, принимавшееся ею какъ должную дань; она не вставала на дыбы по поводу дву-

смысленной фразы, произнесенной въ ея присутствіи, она не скупилась на улыбки, пожатія руки и иныя проявленія дружеской фамиллярности, но тѣмъ не менѣе она обыкновенно давала понять, что надежда на что нибудь большее была напрасна. Всякій, кого нельзя было убѣдить въ этомъ вѣжливымъ образомъ, исключался изъ свиты и выпроваживался за двери. Не безъ того, чтобы въ числѣ ея поклонниковъ не попадались люди, одержимые романтичностью, страстностью или грубьяны, которымъ ни почемъ получить отъ женщины пощечину. Но весь этотъ народъ, склонный ставить карту на ва-банкъ, очень быстро потерпѣлъ фіаско и создалъ вокругъ имени мистриссъ Симпсонъ легенду о ея неприступности наподобіе тѣхъ легендъ, которыя создались о несокрушимости нѣкоторыхъ средневѣковыхъ скалъ. Послѣдствіемъ этихъ легендъ было то, что флорентинскіе остряки прозвали нашу героиню »безгрѣшной«.

Естественно, что многіе изъ ея поклонниковъ по мѣрѣ убѣжденія въ безнадежности перспективы падали духомъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже дерзко спрашивали самихъ себя: да стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ мистриссъ Симпсонъ всѣхъ тѣхъ жертвъ, какихъ она отъ нихъ требовала. Другіе же, примирившись съ необходимостью идти на всякія жертвы, останавливались, однако, передъ затрудненіями иного рода. Не всякій чувствовалъ себя способнымъ покинуть ради нея всѣ свои занятія, не всякій обладалъ достаточно покорнымъ нравомъ, и не у каждаго былъ на столько набитый кошелекъ, чтобы онъ могъ выдержать ту праздную жизнь, на какую обрекала своихъ поклонниковъ непреклонная богиня. Такимъ образомъ, послѣ строгаго подбора въ свитѣ красавицы оставались лишь тѣ немногіе, которые могли считаться способными выдержать какое угодно испытаніе.

Главный штабъ мистриссъ Симпсонъ, если не считать болѣе или менѣе многочисленныхъ летучихъ отрядовъ, состоялъ изъ семи—восьми лицъ, но и изъ нихъ только пять могли себя считать въ составѣ регулярной сгражи. Прочіе состояли въ положеніи подчиненномъ даже относительно этихъ пяти.

Этимъ-то пяти регулярнымъ поклонникамъ принадлежала кличка »кавалеровъ безгрѣшной«, данная бывшими ея ухаживателями, тѣми самыми, которые выдали ей дипломъ въ »чистотѣ и безгрѣшности«. Эти пять кавалеровъ представ-

ляли собой благородный остатокъ отъ толпы первоначальныхъ вздыхателей мистриссъ Симпсонъ. Они стойко выдержали всѣ невзгоды и разочарованія, они отрѣшились отъ всякихъ личныхъ интересовъ и превратили яростное соперничество между собою въ тѣсный союзъ. Въ числѣ этихъ кавалеровъ были и титулованные, а именно: маркизь Джино Чири, графъ Александръ Галасси-Черда и баронъ Элиджіо де-Пассери. Федерико Пешина и Уго Лучиньяно не принадлежали къ аристократіи, но происходили изъ богатыхъ буржуазныхъ семействъ. За исключеніемъ послѣдняго, лейтенанта артиллеріи, бросившаго службу для того, чтобы всецѣло предаться дамъ своего сердца, все это были свѣтскіе молодые люди безъ опредѣленныхъ занятій, *спортсмены*, прожигавшіе жизнь въ свое удовольствіе. Тѣмъ не менѣе въ сущности это были неглупые малые. Чири отличался нѣкоторымъ влеченіемъ къ искусству и дѣлалъ изящныя фигуры; Галасси былъ недурной музыкантъ-диллетантъ; Пешина написалъ драматическую пьесу, имѣвшую успѣхъ въ исполненіи свѣтскихъ любителей; Лучиньяно вышелъ изъ академіи съ прекраснымъ аттестатомъ и пользовался славой браваго офицера Пассери считался выдающимся фехтовальщикомъ... Какъ ни удивительно, однако, вполне установленъ былъ тотъ фактъ, что мистриссъ Юдиѳъ Симпсонъ, несмотря на свой живой и быстрый умъ, имѣла свойство въ самое короткое время дѣйствовать притупляющимъ образомъ на умственные способности своихъ вѣрныхъ поклонниковъ. Процессъ притупленія, какъ говорить преданіе, совершался ровно въ три мѣсяца. Превжніе соперники Лучиньяно увѣряли подъ честнымъ словомъ, что послѣдній былъ приведенъ въ состояніе отупѣнія ровно въ девяносто девять дней. Насталъ моментъ, когда всѣ пять кавалеровъ оказались тщательно подведенными подъ одинъ уровень. Они стали походить другъ на друга не только манерами и образомъ жизни, но даже и наружностью. Настроеніе ихъ въ присутствіи мистриссъ Симпсонъ вполне зависѣло отъ нея. Если она находилась въ нервномъ состояніи, они были печальны. Веселыми они казались только тогда, когда ей было весело, что, впрочемъ, было не рѣдкостью.

Они заимствовали ея вкусы, ея убѣжденія, ея симпатіи, ея антипатіи и были ихъ ревностными защитниками повсюду, гдѣ бы вздумали подвергать ихъ критикѣ и порица-

нію. Впрочемъ, они держались системы: избѣгать всякихъ излишнихъ отношеній съ посторонними. Удостоившись получить какое либо порученіе отъ своей дамы, они по пѣлымъ днямъ рыскали въ разные концы города, подобно адъютантамъ въ день рѣшительнаго сраженія. Кто хлопоталъ достать ложу, кто стремился добыть требовавшійся номеръ журнала, кто забѣгалъ съ заказами въ кондитерскую, кто обязанъ былъ собрать свѣдѣнія о такой-то лошади и проч. По окончаніи всѣхъ этихъ важныхъ дѣлъ компанія съѣзжалась на сборный пунктъ, откуда вмѣстѣ отправлялась къ мистриссъ Юдиѣ, чтобы отдать ей отчетъ о точномъ исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей. Одна изъ главныхъ характеристическихъ особенностей кавалеровъ безгрѣшной заключалась въ неусыпномъ наблюденіи ихъ другъ за другомъ. Каждый изъ нихъ стремился къ тому, чтобы постоянно быть въ курсѣ относительно мѣстонахожденія прочихъ участниковъ охраны. Никому изъ нихъ не было дозволено хранить отдѣльныя отъ прочихъ тайны подъ страхомъ прослыть въ мнѣніи ихъ измѣнникомъ. Даже и внѣ владѣній Юдиѣ они рѣдко встрѣчались въ одиночку. Большею частью они выступали попарно или втроемъ, причѣмъ своимъ мрачнымъ видомъ напоминали опасныхъ заговорщиковъ. Бесѣда между ними, само собою разумѣется, всегда шла о *ней*, хотя она и не называлась по имени. Говорилось большею частью о томъ, какъ ей удивительно къ лицу тотъ или другой нарядъ, о новыхъ обояхъ ея будуара, оказавшихся, противъ ожиданія, менѣе эффектными. Затѣмъ кавалеры переходили къ безконечнымъ преніямъ о томъ — какая изъ послѣднихъ ея фотографій самая удачная: та ли, на которой она снята въ амазонкѣ? Потомъ переходили къ коллегіальному разсмотрѣнію вопроса — на сколько она права, не желая сдѣлать визитъ графинѣ Спингарди (если графиня желаетъ завязать знакомство, она можетъ пріѣхать первая); устанавливался фактъ, что завтра не состоится lawn tennis, такъ какъ *она* предполагаетъ поѣхать съ визитами вмѣстѣ съ матерью. Въ заключеніе злорадно сообщалось другъ другу о томъ, что молодой графъ Негретти кончилъ тѣмъ, что надѣлъ ей своимъ вниманіемъ. »На что надѣется этотъ дуракъ?« повторялъ каждый изъ кавалеровъ.

Въ вѣчной тревогѣ, наводимой на нихъ посторонними ухаживателями, и всячески стараясь предостеречь ее про-

тивъ опасности разставленныхъ на ея пути сѣтей, въ которыхъ могла запутаться ея женская добродѣтель, они воздвигли вокругъ этой добродѣтели цѣлый рядъ укрѣпленій.

Мистриссъ Симпсонъ, впрочемъ, не допускала никакихъ дружескихъ вмѣшательствъ по поводу количества и качества ея посѣтителей, и хотя она была одинаково любезна со всѣми кого бы ей ни представили, приглашала на обѣды, на поѣздки верхомъ и на партіи lawn tennis, тѣмъ не менѣе положеніе новичковъ оказывалось не изъ легкихъ вслѣдствіе явно враждебнаго къ нимъ отношенія *грозной опричины*. Само собою разумѣется, что о явной невѣжливости не могло быть рѣчи, ибо мистриссъ Симпсонъ не стерпѣла бы этого, и такой образъ дѣйствій могъ бы повлечь за собою слишкомъ серьезныя послѣдствія. Новичковъ встрѣчали тѣ мелкія выходки и уловки, при посредствѣ которыхъ нѣсколько дружески связанныхъ между собою лицъ легко могутъ дать почувствовать постороннему человѣку всю неприятность, отчужденность и незащищенность положенія новичка. Если въ числѣ новыхъ вздыхателей попадались неопытные, впечатлительные и нервныя юноши, то охрана прибѣгала къ ехиднымъ совѣтамъ и отеческимъ увѣщаніямъ. Одинъ »изъ пятерыхъ« бралъ бѣднягу подъ руку и урезонивалъ его, что »все напрасно«, что мистриссъ Симпсонъ создана изъ чистаго льда, что она и знать не хочетъ о любви и что, по всей вѣроятности, ни одинъ изъ нихъ, еслибы былъ своевременно предупрежденъ, не согласился бы принести себя въ жертву. Бѣда въ томъ, что привычка вторая натура и кто разъ далъ надѣть на себя эти цѣпи, уже не въ силахъ освободиться отъ нихъ... Мистриссъ Симпсонъ, конечно, представляетъ образецъ красоты и ума и способна къ примѣрной дружбѣ... Но... если кто не можетъ довольствоваться дружбой, а въ извѣстные годы это очень трудно, то ради своего собственнаго спокойствія не лучше ли обратиться куда нибудь въ другую сторону.

Отеческое внушеніе приводило къ разнымъ послѣдствіямъ. Претендентъ или склонялся на увѣренія и мирно ретировался къ великому и полному торжеству »пятерыхъ«, или же заявлялъ согласіе удовлетвориться одною дружбою мистриссъ Симпсонъ, подобно другимъ, и умолялъ лишь о допущеніи его къ знаменитому »братству«. Въ такихъ случаяхъ кавалеры безгрѣшной собирались на тайное совѣща-

ніе и обыкновенно принимали рѣшеніе принять новичка радушно. Вотъ почему, сверхъ пяти безсмѣнныхъ кавалеровъ Юдифи, около нея постоянно вертѣлось еще двое — трое новыхъ, резервистовъ. Но должно быть или служба была чрезчуръ тяжела, или вознагражденіе за нее казалось недостаточнымъ, или бдительность »пятерыхъ« надоѣдала, только ни одному изъ новыхъ добровольцевъ не удалось перейти въ корпусъ регулярнаго воинства Юдиои.

Вмѣшательству »пяти кавалеровъ« постоянно угрожала еще одна случайность. Неопытный юноша, не придавъ должнаго значенія отеческимъ внушеніямъ, легко могъ передъ мистрисъ Симпсомъ представить въ дурномъ свѣтѣ ея вѣрныхъ церберовъ, передавъ ей рѣчи послѣднихъ. О, въ такихъ случаяхъ американка приходила въ полное изступленіе. Она призывала къ себѣ виновнаго и безъ всякаго снисхожденія задавала ему здоровую головомоюку. »По какому праву?« вопрошала она, »вы и ваши товарищи позволяете себѣ читать наставленія моимъ гостямъ? Развѣ вамъ не извѣстно, что я никому изъ васъ не обязана давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Я сама себѣ госпожа, и никто не можетъ мнѣ запретить ни представлять изъ себя одну льдину ни, вопреки окружающей меня легендѣ, превратиться въ знойную и неукротимую жрицу страстей«. Это вполне зависитъ отъ нея самой, а если они имѣютъ противъ этого какія либо серьезныя возраженія, то они свободны какъ вѣтеръ въ полѣ и вольны разойтись на всѣ четыре стороны, она и пальцемъ не пошевелинетъ, чтобы удержать ихъ. Поэтому горе каждому изъ пяти товарищей, которому вздумалось бы непривѣтливостью оскорбить кого либо изъ новыхъ поклонниковъ Юдиои, хотя бы онъ и имѣлъ несчастье ему не понравиться. Горе тому, кто будетъ причиною хотя бы малѣйшаго скандала.

Подобный выговоръ, обращенный къ одному, долженъ былъ самымъ вразумительнымъ образомъ подѣйствовать на остальныхъ кавалеровъ, онъ повергалъ въ смущеніе всѣхъ вѣрныхъ союзниковъ.

»А что, приходило имъ въ голову, какъ вдругъ Юдиои и въ самомъ дѣлѣ вздумаетъ полюбить когонибудь? Но это было бы съ ея стороны настоящій casus belli, ибо послѣ такого пассажа ихъ собственное достоинство не дозволило бы имъ остаться на прежнемъ положеніи. Вопросъ этотъ не

только серьезно обсуждался союзниками, но и придумывалась форма для огульной подачи въ этомъ случаѣ въ отставку, которая въ отдѣльности каждому изъ »пятерыхъ« представлялась чѣмъ-то ужаснымъ; ибо что же стали бы они дѣлать со своимъ существованіемъ, еслибы передъ ними вдругъ закрылись двери дома мистрисъ Симпсонъ.

Къ счастью, всѣ эти опасенія оказывались бурей въ стаканѣ воды. Мистрисъ Симпсонъ не заводила сердечныхъ связей, а смѣлый, мечтавшій о роли завоевателя сердца, скоро снималъ безцѣльную осаду и исчезалъ изъ территории наступательныхъ дѣйствій.

Но послѣ каждого заключенія подобнаго инцидента кавалеры должны были готовиться къ иному рода тревоженіямъ, ибо Юдиѣ въ теченіе цѣлыхъ недѣль послѣ этого была особенно нервной, капризной и требовательной. Вообще, служба »кавалеровъ безгрѣшной« не могла считаться пріятной синекурой, особенно въ такіе критическіе моменты, когда у нея являлись то страстная охота къ верховой ѣздѣ, причемъ она съ утра до вечера таскала за собой повсюду своихъ покорныхъ вассаловъ, перескакивая канавы и изгороди и заставляя несчастныхъ слѣдовать за нею, то, бывало, приходила фантазія изъ амазонки превращаться въ кучера, и она на элегантномъ стеджѣ, запряженномъ четверкой лошадей, возила, сломя голову, свою свиту по главнымъ улицамъ города, рискуя разбить въ дребезги экипажъ или урочая задавить дюжину пѣшиховъ, неистово протестовавшихъ въ догонку экипажа. Внезапно ей приходила идея отправиться пѣшкомъ на свою виллу въ Фиезоле и несчастному штабу приходилось поневолѣ сопровождать ее. Или вдругъ, ни съ того, ни съ сего, она рѣшала устроить у себя спектакль или концертъ, не желая и слышать о какихъ бы то ни было затрудненіяхъ. Случались и такіе періоды, когда ея душой внезапно овладѣвало чувство состраданія къ обездоленнымъ и немощнымъ. Она предпринимала безконечныя странствованія по нищенскимъ кварталамъ города, заходя въ самыя грязныя жилища бѣдняковъ, останавливаясь у постелей тяжелыхъ больныхъ, раздавая бѣлье и деньги взрослымъ и снабжая игрушками и сладостями дѣтей.

Ея красота и улыбка освѣщали жилища бѣдняковъ точно яркіе лучи весенняго солнца. Но тогда-то свита ея подни-

мала ропоть. — Тутъ вѣдь какъ разъ схватишь какую нибудь болѣзнь! Неужели нельзя оказывать благодѣяній и раздавать подавняія посредствомъ прислуги?

Отъ времени до времени вѣрные кавалеры полусхотятъ и полусерьезно жаловались доннѣ Марикитѣ, требуя ея любезнаго вмѣшательства и совѣта. Они спрашивали ее — нѣтъ ли у нея способа умѣрить лихорадочную дѣятельность мистриссъ Симпсонъ? Не согласна ли донна Марикита, что дочери ея былъ бы полезенъ маленькій отдыхъ?... Но донна Марикита, какъ особа положительная, хотя и находила вполне справедливыми жалобы кавалеровъ, но твердо держалась правила — не вмѣшиваться въ дѣла своей дочери — и ни въ какомъ случаѣ не желала выйти изъ занятой ею нейтральной позиціи.

Поэтому, съ легкой иронической улыбкой поблагодаривъ ревностныхъ друзей за ихъ заботливость, она старалась увѣрить ихъ, что здоровье мистриссъ Симпсонъ нисколько не пострадаетъ отъ избытка дѣятельности. Въ Америкѣ, когда Юдиѣ еще была дѣвушкой, она еще и не такія вещи продѣлывала, удостовѣряла ея мать. А въ Ливорно, въ самый разгаръ купальнаго сезона, она выиграла пари, что проплаваетъ пять часовъ подрядъ безъ отдыха. И послѣ этого она не испытала даже ни малѣйшей головной боли, тогда какъ тѣмъ, которымъ пришлось только слѣдовать за нею на лодкѣ, шалость эта дала себя почувствовать.

То же самое повторялъ и докторъ Брунини, къ которому одинъ изъ пятерыхъ рѣшился обратиться съ своими опасеніями. Старый докторъ Брунини, котораго мистриссъ Симпсонъ удостоивала своимъ расположеніемъ и часто приглашала къ обѣду, увѣрялъ молодыхъ людей, что дама ихъ обладаетъ желѣзнымъ здоровьемъ.

— Умѣрять ея порывы невозможно... говорилъ онъ съ лукавой улыбкой. — Этотъ избытокъ жизни и силы долженъ имѣть какой нибудь исходъ. Будемъ говорить откровенно. Мужъ ея въ Америкѣ... А вы... васъ она не любитъ... и вы полагаете, что она никого не любитъ...

— Я думаю.

— Впрочемъ, если женщина чего нибудь пожелаетъ, то ни одинъ аргусъ не можетъ усмотрѣть за нею... Но васъ, именно васъ, мнѣ кажется, она не хочетъ знать... Какихъ только не бываетъ странностей въ человѣческой природѣ!..

Sic rebus stantibus, заключалъ докторъ. — Повѣрьте мнѣ, что слѣдуетъ относительно мистриссъ Симпсонъ предпочитать режимъ, допускающій гимнастику въ дозахъ *ad libitum*.

II

Вскорѣ послѣ этой, не особенно сладкой для кавалеровъ, бесѣды доктора Брунина, въ одинъ прекрасный день, по окончаніи обѣденной трапезы, въ присутствіи донны Марикиты, вѣрныхъ рыцарей, двухъ добровольцевъ и нѣсколькихъ человѣкъ менѣе замѣтныхъ гостей Юдиель самымъ непринужденнымъ тономъ сообщила умопомрачительное извѣстіе:

— Черезъ недѣлю или полторы во Флоренцію пріѣдетъ мой мужъ.

Благодаря наступившимъ сумеркамъ нельзя было различить выраженіе лицъ несчастныхъ поклонниковъ. Волненіе ихъ сразу обнаружилось лишь въ согласномъ шумѣ, который они произвели ложечками, которыми стали усиленно мѣшать свой кофе. Затѣмъ послышались неясныя и краткія восклицанія.

— Да, подтвердила мистрисъ Симпсонъ, — послѣ завтра онъ выѣзжаетъ изъ Ливерпуля.

— Мистеръ Симпсонъ, конечно, поживетъ во Флоренціи, робко замѣтилъ кто-то послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не думаю, отвѣтила прекрасная американка, — чтобы онъ остановился надолго. Ему здѣсь нечего дѣлать... хотя въ Европѣ онъ пробудетъ вѣроятно мѣсяцевъ шесть.

Въ этотъ вечеръ кавалеры удалились ранѣе обыкновеннаго, но до самаго утра блуждали по улицамъ, провожая другъ друга и не находя силъ разстаться. Къ счастью, была ясная теплая апрѣльская ночь.

Мужъ! Они знали, конечно, о существованіи мужа, о томъ, что его зовутъ Мориць, что она обмѣнивается съ нимъ двѣнадцатью или тринадцатью письмами въ годъ. Но такъ какъ въ первый пріѣздъ его во Флоренцію, когда онъ привезъ сюда свою жену и оставался съ нею всего три дня, притомъ никто его не видѣлъ, а мистрисъ Симпсонъ очень рѣдко упоминала о немъ, то, имѣя въ виду долгую разлуку супруговъ Симпсонъ, можно было предполо-

жить, что между ними произошел безмолвный разрывъ. Такие разрывы, какъ извѣстно, очень возможны между богатыми людьми, которымъ нѣтъ надобности тревожить судей, ни оскорблять общественное мнѣніе, а попросту—мужъ и жена предоставляютъ другъ другу полную свободу. Гипотеза эта казалась вѣроятной. Развѣ онъ не можетъ ее навѣстить въ качествѣ друга? Но если у мистера Симпсона другія цѣли? А что какъ онъ, основываясь на своемъ правѣ, вздумаетъ сдѣлать попытку къ сближенію?.. А что, если это ему удастся?.. Положеніе рыцарей безгрѣшной, и безъ того уже вызывавшее сарказмы свѣтскихъ остряковъ, станетъ совершенно невыносимымъ въ виду присутствія мужа во всеоружіи всѣхъ правъ своихъ...

Тутъ ничего уже нельзя будетъ поддѣлать... Нельзя же относительно хозяина, законнаго супруга выказывать нелюбезность или читать ему мораль о благоразуміи и сдержанности... Другое дѣло, еслибы сама Юдиѣ хотѣла прибѣгнуть къ помощи своихъ тѣлохранителей... Во всякомъ случаѣ имъ предстоитъ порядочная передѣлка.

Но самой мистрисъ Симпсонъ почему-то и въ голову не приходило просить ихъ заступничества. Напротивъ, за недѣлю до пріѣзда мужа она воспользовалась своими вѣрными рыцарями для цѣлей далеко не воинственнаго характера, заставивъ ихъ помогать ей при устройствѣ трехъ комнатъ, назначенныхъ для »Морица«. Наши пять кавалеровъ, при содѣйствіи двухъ добровольцевъ, обнаружили обычную покорность, ревностно принявшись за дѣло. Они слѣдили за работою обойщиковъ, сопровождали Юдиѣ по всѣмъ магазинамъ Флоренціи, расточали совѣты. Особенно Джино, обладавшій художественнымъ вкусомъ, оказался неоцѣнимымъ помощникомъ Юдиѣ, которая зато и не переставала его поощрять, награждая щедрыми похвалами.

Какъ человѣкъ, склонный къ оптимизму, онъ успокаивалъ и ободрялъ упавшихъ духомъ товарищей. »Еслибы мистрисъ Симпсонъ пожелала принять своего мужа какъ мужа«, доказывалъ онъ, »она назначила бы ему комнаты въ сосѣдствѣ со своими, а не апартаменты, находящіяся на противоположномъ концѣ палаццо... Вотъ увидите, что опасенія ваши напрасны«. Однако другіе сомнительно покачивали головами.

Одинъ изъ добровольцевъ не устоялъ передъ страхомъ

смѣшнаго положенія и подѣ благовиднымъ предлогомъ дезертировалъ съ поля брани.

Въ день прїѣзда мистера Симпсона Юдиѣ освободила свою свиту отъ прїятной обязанности сопровождать ее на вокзалъ, но пригласила всѣхъ къ вечернему чаю.

Въ этотъ вечеръ палаццо Юдиѣи былъ противъ обыкновенія полонъ гостей. Былъ консулъ Соединенныхъ Штатовъ со своей супругой, два — три семейства американцевъ, проживавшихъ издавна во Флоренціи; были два спутника мистера Симпсона, тоже американцы. Что касается самого мистера Симпсона, то это былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, высокій, плотный, съ ординарнымъ румянымъ лицомъ безъ усовъ и рыжими волосами — чистокровный янки. Онъ говорилъ только на одномъ англійскомъ языкѣ, вполне убѣжденный, что съ этимъ знаніемъ можно объѣздить весь свѣтъ. Изъ пяти нашихъ кавалеровъ одинъ только Федерико Пешино когда-то изучалъ этотъ языкъ; но съ той поры, какъ отдался въ полное распоряженіе Юдиѣи, совершенно его забылъ, потому что она не иначе болтала со своими поклонниками, какъ по итальянски. Какъ бы-то ни было, но ему было предписано явиться передъ мистеромъ Симпсономъ въ качествѣ представителя отъ всей компаніи. Ему это стоило немалого труда. Супругъ Юдиѣи сердечно пожалъ руку Пешина и его товарищамъ, сопровождая свои сильныя рукопожатія любезными словами и веселыми и искренними взрывами смѣха, послѣ чего всѣ пятеро друзей отошли въ сторону, засыпавъ Пешина вопросами:

— Что онъ сказалъ?

— Понялъ ли ты что нибудь? спрашивали его.

— Да, я понялъ, что онъ благодарить насъ за дружбу, оказанную нами его женѣ, отвѣтилъ Пешина.

— А ты?

— А я старался выразить ему, что мы считали это за большую часть...

— Хорошо, а дальше что онъ говорилъ?

— А дальше не знаю... У него произношеніе...

— Но чему онъ смѣется?

— Вотъ прекрасно! Почему я знаю. Смѣется, потому что ему весело.

— По всему видно, что это невоспитанный чело-

вѣкъ... Посмотрите, какъ онъ одѣтъ... Стоило намъ надѣвать фракъ...

— Тихе... Мистрисъ Симпсонъ.

— Что это у васъ за разговоръ? шутила она. Мрачныя лица кавалеровъ прояснились. Они разступились, чтобы дать ей мѣсто.

— Нѣтъ, не могу, сказала она имъ улыбнувшись и, слегка поклонившись, отошла, провожаемая цѣлымъ хоромъ восторженныхъ восклицаній:

— О, Боже, какъ она восхитительна!

— Ангель!

— Богиня!

— Нѣтъ человѣка, который бы стоилъ ея!

— Какъ это она могла выйти за такого господина?

— Могу поклясться, что между ними ничего не было и не будетъ, заявилъ въ новомъ порывѣ оптимистическаго восторга Джино.

— Гмъ! произнесъ Галасси-Черда.

— Никогда не надо клясться, проговорилъ вразумительно Лучиньяно.

Но Джино отстаивалъ свои убѣжденія.

— Посмотрите, сказалъ онъ, — развѣ такъ ведутъ себя молодые супруги послѣ пятилѣтней разлуки?

И дѣйствительно, не замѣтно было, чтобы они украдкой обмѣнялись взглядомъ, словомъ или пожатіемъ рукъ. На ней не видно было и тѣни волненія, смущенія или безпокойства. Спокойно переходила она отъ одного гостя къ другому, глядя на всѣхъ своими большими, ясными глазами, нерѣдко раскрывая прекрасный ротъ для милой шутки, откидывая граціознымъ движеніемъ головы золотистыя кольца волосъ, упавшія ей на лобъ.

Тѣмъ временемъ синьора Марикито одиноко сидѣла въ нишѣ окна, презрительно глядя на своего зятя, видимо оскорблявшаго ея тонкіе аристократическіе нервы своимъ плебейскимъ видомъ, громкимъ смѣхомъ и неэлегантнымъ нарядомъ. Она чувствовала себя неловко посреди этихъ американокъ, которыми она нѣсколько пренебрегала въ свою бытность во Флоренціи ради болѣе частаго посѣщенія флорентійскихъ аристократическихъ домовъ. Думы и мысли ея были переполнены графинями и маркизами, принимавшими ее въ своихъ историческихъ палаццо, посвящавшими ее въ

свои общественныя дѣла и религиозное рвеніе которыхъ воспламеняло ея испанскую кровь. На этотъ разъ, за немѣнимъ лучшимъ, она занялась поклонниками своей дочери, которые во всякомъ случаѣ были настоящими джентельменами. У нихъ были бѣлыя руки людей никогда не работавшихъ и утонченныя свѣтскія манеры. Правда, они никогда не были достаточно внимательны по отношенію къ ней и не отдавали ей должнаго, но Марикита извиняла имъ это, сознавая, что всякій, однажды приблизившійся къ ея дочери, долженъ былъ потерять голову.

Въ этотъ вечеръ она отъ всей души простила имъ ихъ проступки и, усадивъ возлѣ себя, съ особенной, необычайной любезностью принялась бесѣдовать съ ними. Рыцари терпѣливо слушали ея безконечную болтовню въ надеждѣ кое-что разузнать объ отношеніяхъ супруговъ Симпсонъ, о вѣроятной продолжительности его пребыванія и о прочемъ. Но Донна Марикита оказалась почему-то очень скрытной на этотъ счетъ и собесѣдникамъ удалось только узнать, что Мистеръ Симпсонъ останется во Флоренціи всего недѣлю и затѣмъ можетъ быть вернется сюда еще разъ, завершивъ свое путешествіе по Европѣ.

— Путешествіе дѣловое? спросили они.

— Я думаю, отвѣтила сквозь зубы испанка, очевидно, не любившая говорить о дѣлахъ своего зятя и предпочитавшая занимать своихъ слушателей воспоминаніями о своемъ свадебномъ путешествіи съ покойнымъ мужемъ, имѣвшимъ, по ея словамъ, секретное порученіе отъ самаго президента республики, ни болѣе, ни менѣе.

Въ двѣнадцать часовъ ночи общество стало расходиться и рыцарямъ безгрѣшной пришлось поневолѣ послѣдовать общему примѣру и распротиться съ хозяевами. При прощаніи Юдиель сказала имъ, что ждетъ ихъ на утро, и мистеръ Симпсонъ подтвердилъ приглашеніе жены.

— О yes... very... very glad in deed, говоритъ онъ, съ такой силой потрясая имъ руки, что молодымъ людямъ грозила опасность серьезнаго увѣчья.

Пятеро сподвижниковъ долго еще послѣ этого блуждали вокругъ жилища ихъ дамы, настороживъ уши и напругая зрѣніе. Но палаццо, погруженный въ сонъ и темноту, не обнаруживалъ никакихъ подозрительныхъ признаковъ.

И на другой день не обнаружилось ничего новаго точно также, какъ и въ послѣдующіе дни.

Юдиѣ оказывала своему мужу такое же вниманіе, какимъ всякая воспитанная женщина не можетъ не удостоивать каждаго своего гостя. Обращеніе ея со своими кавалерами нисколько не измѣнились.

— Ты вѣдь понимаешь по англійски? снова обратилась къ Пешина товарищи.

— Ну, такъ что же, что понимаю!.. На этомъ проклятомъ языкѣ всѣ говорятъ другъ другу вы.

— Любопытно!

— Всегда уоу, даже во время медоваго мѣсяца.

— Она называетъ его Морисъ?

— Да, а онъ ея Юдиѣ.

— Такъ что же изъ этого! воскликнулъ выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія оптимистъ Джино. Между тѣмъ Пассери, обыкновенно молчаливый, сталъ высказывать самыя мрачныя опасенія.

— Онъ улыбнулся ей. — Онъ положилъ ей руку на плечо.

— Онъ что-то шепнулъ ей. — Она чѣмъ-то озабочена...

Хотя друзьямъ и не хотѣлось признаться въ этомъ, но присутствіе мистера Симпсона дѣйствовало на кавалеровъ безгрѣшной въ родѣ страшнаго кошмара. Къ концу недѣли онъ уѣхалъ, но кошмаръ продолжалъ давить ихъ попрежнему. Имъ часто казалось, что мужъ ея даже изъ своего далека простираетъ свою мрачную тѣнь надъ веселымъ палаццо. Известно было, что онъ вернется, и этого было достаточно... Ни малѣйшей вещицы въ предназначенныхъ ему трехъ элегантныхъ комнатахъ не трогали съ мѣста. Казалось, они были въ постоянномъ ожиданіи скорого возвращенія его...

Мало по малу въ кроткую душу нашихъ рыцарей вкралась жесточайшая ненависть противъ дерзновеннаго чужеземца, который, пожалуй, чего добраго, вздумаетъ злоупотребить своими правами надъ прекраснѣйшей изъ женщинъ. Вначалѣ они ограничились тѣмъ, что общимъ приговоромъ аттестовали его вульгарнымъ; при дальнѣйшемъ же обсужденіи они рѣшили, что въ немъ гнѣздятся болѣе отвратительныя качества. Не оставалось сомнѣнія, что онъ долженъ быть грубъ, жестокъ, невѣжественъ; по всему видно, что это человѣкъ, разбогатѣвшій при помощи обмана и мошенничества.

Пассери изъ вѣрныхъ свѣдѣній узналъ, что большая часть огромнаго состоянія мистера Симпсона была вложена въ акціи американской скотобойной компаніи.

Прошелъ мѣсяць. Юдиѣ продолжала попрежнему распорядяться личною и временемъ своихъ покорныхъ васаловъ. Тѣмъ не менѣе чувствовалась какая-то перемѣна: она повелѣвала безъ энергіи, они подчинялись безъ прежней восторженности. Рыцари замѣчали перемѣну въ своей дамѣ, она же находила перемѣну въ нихъ.

— Что это у васъ за погребальныя фізіономіи! восклицала она, выходя изъ терпѣнія.

Однажды обнаружилось весьма тревожное обстоятельство. Галасси Джино и Лучиньяно, однажды придя утромъ въ палаццо для отчета о какомъ-то порученіи мистрисъ Симпсонъ, столкнулись съ докторомъ Брунини, выходящимъ изъ него и направлявшимся къ своему экипажу, стоявшему въ тѣни по другую сторону аллеи. Докторъ Брунини часто приходилъ въ палаццо мистрисъ Симпсонъ къ обѣду или вечернему чаю, но по утрамъ онъ не бывалъ никогда. Она пользовалась отличнымъ здоровьемъ и не нуждалась въ немъ какъ во врачѣ.

Вниманіе молодыхъ людей при видѣ печеннаго доктора было понятно и извинительно.

— Докторъ, вы здѣсь! Мистрисъ Симпсонъ больна? спросили они.

— Почему больна? Развѣ вы не знаете, что я домашній врачъ мистрисъ... Я проѣзжалъ мимо и забѣжалъ на пять минутъ сюда.

— Господи, да мнѣ приходится давать отчетъ этимъ юношамъ! садясь въ экипажъ, замѣтилъ шутливо-наставительнымъ тономъ докторъ.

Объясненія доктора на время успокоили Лучиньяно и Галасси, но когда Юдиѣ, обладавшая всегда завиднымъ аппетитомъ, вздумала за завтракомъ ограничиться одной чашкой бульона, то молодыми людьми овладѣло безпокойство.

Съ тревожнымъ вниманіемъ они стали слѣдить за ней и вскорѣ, къ ужасу своему, пришли къ печальнымъ заключеніямъ:

— Брунини можетъ говорить, что ему угодно, но она нездорова.

- Она блѣдна!
- Скоро устаетъ!
- Перестала ѣздить верхомъ!
- Тутъ что-то скрывается!

Никто однако не осмѣлился ясно выразить тревожившую его мысль. Одинъ только Пассери позволилъ себѣ однажды произнести фразу, отъ которой кровь застыла въ жилахъ его слушателей. — Мы обмануты! воскликнулъ онъ мрачно и махнулъ тросточкой, какъ бы нанося смертельный ударъ невидимому врагу.

Но кто бы осмѣлился расспрашивать Юдиѣю насчетъ ея здоровья, рискуя получить такую головомойку, какой и во вѣки не забыть? Донна Марикита послѣ отъѣзда зятя больше прежняго предалась своимъ графинямъ и маркизамъ и рѣдко оставалась въ салонѣ своей дочери. Доктора Брунини напрасно было бы расспрашивать. Онъ всегда могъ увернуться отъ объясненія, прикрываясь обязанностью хранить профессиональную тайну.

Словомъ, наши бѣдные рыцари безгрѣшной влачили невозможное существованіе. Элиджіо де-Пассери, самый желчный изъ нихъ, внезапно объявилъ, что уже потерялъ девять фунтовъ вѣса. Это заставило и прочихъ товарищей прибѣгнуть къ провѣркѣ результатовъ испытанныхъ мукъ посредствомъ системы взвѣшиванія. Всѣ пришли къ одинаковому убѣжденію, что въ большей или меньшей степени значительная убыль въ вѣсѣ ихъ тѣла является подтвержденіемъ ихъ смутнаго пессимистическаго настроенія.

Нескончаемыя огорченія нашихъ злополучныхъ рыцарей особенно усилились съ появленіемъ во Флоренці мужа мистриссъ Симпсонъ. Въ одинъ прекрасный день они застали его развалившимся на кушеткѣ съ ногами, задранными на ручки ближайшихъ креселъ. При видѣ гостей онъ оправился, поднялся съ мѣста и, крѣпко пожавъ руку *дорогимъ* друзей, произнесъ:

— How do you do?.. Very glad to see you... Very glad indeed.

Госпожа Симпсонъ объяснила имъ, что мужъ пріѣхалъ къ ней съ поѣздомъ сѣверной желѣзной дороги, не предупредивъ ее ни письмомъ, ни телеграммой. Она полагала, что онъ еще находится въ Парижѣ, какъ вдругъ... Мистеръ Симпсонъ казался очень довольнымъ своей остро-

умной выдумкой сдѣлать сюрпризъ женѣ своимъ внезапнымъ появленіемъ: онъ громко смѣялся, потиралъ руки и обнаруживалъ тысячи другихъ знаковъ пріятнаго настроенія. Можно себѣ вообразить, какъ его шумное веселье понравилось поклонникамъ прекрасной Юдиѣ! Мало того, на другой день они были извѣщены, что мистеръ Симпсонъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы отвезти жену въ Э-ле-бэнь, гдѣ ему предстоялъ курсъ леченія, предписанный лондонскими врачами противъ какой-то желудочной болѣзни. Нечего сказать, хороша выдумка! Точно онъ не могъ бы одинъ совершить этотъ курсъ? Но чистое безуміе увозить Юдиѣ, хотя бы только на нѣсколько недѣль, изъ Флоренціи, къ которой она такъ привыкла, съ которой она освоилась до того, что въ теченіе пяти лѣтъ не трогалась съ мѣста, переѣзжая лишь на купальный сезонъ въ Ливорно, а на осень въ Фіезоле. Она нуждается въ самостоятельности и умереть отъ тоски въ такомъ чопорномъ курортѣ, какъ Э-ле-бэнь.

Пассери, склонный по своему темпераменту къ пессимизму, даже вовсе и не вѣрилъ въ желудочное расстройство здороваго американца.

— Мистеръ Симпсонъ, заявилъ онъ, — здоровѣе, чѣмъ мы всѣ... Его желудокъ — это только благовидный предлогъ... Лондонскіе доктора и недумали предписывать ему никакого леченія... Тутъ дѣло неладно. Я вижу въ этомъ козни нашего милаго доктора Брунини, который еще вчера зачѣмъ-то былъ у *ней*. Это онъ *ее* туда отсылаетъ, и если *она* на это соглашается, значить у *нея* на то свои причины... Только насъ можно такъ провести!

Джино, хотя и поколебленный, но болѣе спокойный, старался поддержать упавшій духъ товарищей по оружію:

— Не надо дѣлать преждевременныхъ заключеній... Можетъ быть это одни пустыя опасенія... Во всякомъ случаѣ, хитрость всегда скоро всплываетъ наружу...

— По возвращеніи ея изъ Э у насъ несомнѣнно будутъ данныя, по которымъ намъ возможно будетъ точно судить о положеніи, сказалъ онъ.

— А между тѣмъ, вопилъ Пассери, — этотъ мужикъ, это животное увозить *ее* съ собою и будетъ *ее* держать возлѣ своей особы цѣлый мѣсяць!

— Да, это было бы ужасно!.. Но какъ отвратить это обстоятельство, какъ помѣшать ему?

Дѣлать было нечего, и въ день отъѣзда супруговъ Симпсонъ въ числѣ многочисленнаго кортѣжа провожавшихъ находились и кавалеры безгрѣшной, выдѣляясь изъ толпы своимъ печально-торжественнымъ видомъ и хлопоча около багажа мистриссъ Симпсонъ. Собственными руками они укладывали на сѣтку пледы и чемоданчики своей дамы, осматривали прочность запоровъ дверей купе и т. д. Юдиѣ въ дорожномъ платьѣ была восхитительна. Она любовно разговаривала со всѣми, но была особенно мила со своими вѣрными поклонниками. Пассери и Лучиньяно она поручила заботу объ ея верховыхъ лошадяхъ. Пешина она просила принять на себя возвращеніе въ бібліотеку книгъ и высылку ей другихъ; Джино приказано было поторопить художника, которому была заказана копія съ Андреа дель Сарто, Галасси—издать на ея счетъ послѣднія сочиненія Стамбати. Одному изъ добровольцевъ »послѣдняго набора«, большому любителю цвѣтоводства, она поручила уходъ за ея розами въ виллѣ Фіезоле. Что касается переписки, то она заявила, что очень будетъ рада видѣть почеркъ своихъ друзей. Сами они могутъ получить свѣдѣнія о ней отъ ея матери, которая пока остается во Флоренціи. Въ концѣ іюля или въ началѣ августа и она намѣрена вернуться въ Тоскану, чтобы отправиться на обычныя купанья въ Ливорно.

— Поѣздъ на Булонь! крикнулъ оберъ-кондукторъ на весь дебаркадеръ.

Мистеръ Симпсонъ, отойдя отъ консула Соединенныхъ Штатовъ и группы соплеменниковъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ, подошелъ къ вздыхателямъ своей супруги и крѣпко пожалъ имъ руки: — Good by, good by and many thanks.

— До свиданія, до свиданія, сказала Юдиѣ, сидя въ вагонѣ и высунувъ черезъ окно свою руку для поцѣлуевъ вѣрнымъ членамъ ея свиты, и затѣмъ обмѣнялась еще однимъ good by съ матерью.

Въ самый послѣдній моментъ изъ дверей пассажирской залы выбѣжалъ посыльный съ гигантскимъ букетомъ, предназначеннымъ для Юдиѣ отъ ея пяти постоянныхъ членовъ охраны и отъ одного изъ новыхъ волонтеровъ. Размѣры букета были такъ велики, что его нельзя было передать въ вагонъ въ окно, а пришлось для этого открыть дверцы, несмотря на протесты начальника станціи, уже давашаго сигналъ къ отъѣзду.

Симпсоны едва успѣли за него поблагодарить: поѣздъ тронулся и вскорѣ исчезъ. Поклонники Юдиои стояли на дебаркадерѣ и махали платками до тѣхъ поръ, пока донна Марикита Серенадо-и-Фуэнтесъ, подойдя къ самому знатному изъ нихъ, къ графу Галасси, не обратилась къ нему съ просьбой проводить ее до кареты.

— Вотъ что намъ осталось отъ нея, ворчали товарищи, указывая на донну Марикиту.

Линцини, добровольецъ, молодой, неопытный юноша, проливалъ горькія слезы; ветераны, хотя не плакали, но чувствовали себя въ самомъ жалкомъ состояніи.

Для нихъ мистриссъ Симпсонъ была предметомъ не только обожанія, но и привычки, а привычку, увы, гораздо труднѣе искоренить, чѣмъ самую сильную страсть. Привыкнуть являться три—четыре раза въ день въ извѣстный паллаццо »sui Viali« и быть принужденнымъ приходить туда лишь отъ времени до времени къ доннѣ Марикитѣ, которую большею частью не заставляли дома... привыкнуть видѣть Юдиоеъ ежедневно, восхищаться ею, вымаливать ея приказанія и потерять эту возможность видѣть ее, слышать ея голосъ и кромѣ того носить въ своей душѣ предчувствіе, что, пожалуй, по возвращеніи ея »прежнее« уже не вернется! О, это такая пытка, которая поистинѣ способна была вызвать сожалѣніе къ страдальцамъ. Извѣстно, что на свѣтѣ бываютъ и другія муки, какъ-то: борьба за существованіе, бѣдность, страданіе отъ голода, холода и прочее. Всѣмъ этимъ людскимъ горестямъ рыцари едва-ли не могли позавидовать, ибо, въ концѣ концовъ, всякое страданіе измѣряется не причиной, а силой его.

Вначалѣ было еще сносно. Имъ предстояло исполнить данныя имъ порученія. Можно себѣ представить, съ какимъ рвеніемъ они принялись за дѣло и какими подробностями они наполняли отчеты, отправляемые ими своей дамѣ. Они говорили въ своихъ посланіяхъ о безцѣльныхъ дняхъ, о бессонныхъ ночахъ, о своихъ душахъ, занятыхъ только ею. Они живыми красками описывали свои трепетныя ожиданія, повторяли всѣ тѣ горячія признанія, которыя они напрасно слагали у ногъ ея еще въ началѣ своей *карьеры*. Она не гнѣвалась на нихъ за все это теперь, какъ и не гнѣвалась тогда, а мужъ не понималъ по итальянски.

Безкорыстные рыцари Юдиои тщательно скрывали другъ

отъ друга содержимое своихъ писемъ. Эта взаимная скрытность только подорвала утвердившіяся было между ними дружескія отношенія. Каждый изъ нихъ ломалъ себѣ голову, любопытствуя знать: о чемъ бы это могли написать безгрѣшной прочіе его товарищи. Въ тщетномъ ожиданіи получить отъ Юдиои отвѣтъ всѣ они одинаково терзались страхомъ, что другому окажутъ предпочтеніе. Но Юдиои никому письменно не отвѣчала, поручивъ лишь матери передать имъ всѣмъ, что «письма ихъ она получила и сердечно благодарить за вниманіе».

Донна Марикита съ своей стороны, вообще, скупилась на сообщеніе свѣдѣній, касавшихся ея дочери. Они отъ нея могли узнать только то, что мистриссъ Симпсонъ совершенно здорова, что Морисъ отлично справляется со своимъ леченіемъ, что на водахъ очень весело и что Симпсонъ познакомился съ нѣкоторыми семействами англичанъ и американцевъ. Все это были очень утѣшительныя новости... но о возвращеніи ни слова.

Умалчиваніе донны Марикиты о самомъ важномъ пунктѣ вызвало со стороны вѣрныхъ поклонниковъ Юдиои необходимость прибѣгнуть къ совмѣстному обсужденію весьма от-важнаго плана:

- А что еслибы одинъ изъ насъ отправился туда!
- Одинъ изъ насъ?.. но кто?
- Тотъ, кому выпадетъ жребій...
- Нѣтъ, нѣтъ... лучше поѣхать намъ всѣмъ.
- Всѣмъ пятерымъ?
- Почему же нѣтъ? Въ Э хватитъ мѣста для всѣхъ.
- А если насъ дурно примутъ?
- Что дѣлать! Не оставаться же намъ въ колѣнѣхъ! Во что бы то ни стало намъ необходимо изъ нея выйти.

Общимъ мнѣніемъ, однако, благоразумно было рѣшено подождать еще нѣсколько дней. Она въ отсутствіи всего три недѣли, слѣдовательно надо, чтобы прошелъ по крайней мѣрѣ хоть мѣсяць.

По истеченіи мѣсяца компанія снова вернулась къ обсужденію вопросовъ: ѣхать или не ѣхать? Если ѣхать, то когда и какъ совершить поѣздку.

Рѣшено было поѣхать, рѣшено предупредить объ этомъ намѣреніи донну Марикиту, рѣшено совершить это дѣло безъ

вѣдома Ленцини, добровольца, отъ котораго все должно было быть скрыто.

— Кстати, спросилъ Пешина,—кто изъ васъ вчера видѣлъ Ленцини?

— Я не видѣлъ, отвѣтили хоромъ вопрошаемые. Ленцини куда-то исчезъ...

Когда рыцари пришли къ доннѣ Марикитѣ, чтобы вывѣдать ея мнѣніе по поводу принятаго ими рѣшенія, она выслушала ихъ съ загадочной улыбкой и сказала:

— Милые друзья, мнѣ пріятно, что я по крайней мѣрѣ хотъ васъ освобожу отъ напрасныхъ расходовъ по путешествію.

— Какъ такъ?

— Симпсоны третьяго дня уѣхали въ Шотландію. Я только что получила письмо отъ Юдиои. Она всѣхъ васъ вспоминаетъ въ немъ и посылаетъ тысячу поклоновъ.

— Возможно ли?

— Они рѣшились на эту поѣздку внезапно.

— Но... она вернется?

— О, да, вернется... вернется... только погода... Мнѣ жаль бѣднаго Ленцини... Вы не знаете?.. Онъ тоже пожелалъ сдѣлать моей дочери сюрпризъ и вчера отправился съ утреннимъ поѣздомъ. Теперь онъ уже, вѣроятно, прибылъ въ Э, но Симпсоновъ ужъ тамъ, конечно, не было... Во всякомъ случаѣ я извѣщу Юдию о вашихъ любезныхъ намѣреніяхъ, ей будетъ очень пріятно узнать, она вамъ будетъ весьма, весьма признательна...

Ивѣстіе это поразило нашихъ рыцарей какъ ударомъ грома. Уѣхала въ Шотландію! при такихъ условіяхъ! Не написала никому ни строчки... Такъ поступить, несмотря на ихъ обожаніе, несмотря на безкорыстіе ихъ преданности!.. Имъ оставалось въ утѣшеніе одно сомнительное предположеніе, что въ этомъ случаѣ она находилась подъ давленіемъ тираніи мужа. Но кто зналъ Юдию, тотъ съ трудомъ могъ допустить, чтобы она могла попасть въ положеніе жертвы.

Какъ настоящіе, преданные долгу, неразсуждающіе, ветераны, они искренно были возмущены противъ Ленцини, коварнаго добровольца, который проявилъ постыдную злонамѣренность, вадумавъ исподтишка съѣздить къ мистриссъ Симпсонъ. Что за возмутительная затѣя: выжить и замѣ-

стить собою тѣхъ, на чьей сторонѣ было гораздо больше заслугъ и правъ, чѣмъ у него! Это дерзость, которая заслуживала примѣрнаго наказанія, внушительнаго урока.

— Я ему дамъ этотъ урокъ! кричалъ Пассери, искусный фехтовальщикъ.

— О, для наказанія такого молокососа нѣтъ надобности прибѣгать къ лучшей шпагѣ Флоренціи.

— Съ нимъ справится и каждый изъ насъ.

— Ужъ не махнулъ ли онъ за нею въ Шотландію?

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Ленцини вернулся изъ своей злосчастной экспедиціи и лежитъ въ постели отъ сильнаго ревматизма, схваченнаго въ дорогѣ, отъ котораго, говорятъ, ему не отдѣлаться и въ мѣсяць.

Констатировавъ приѣздъ и болѣзнь юноши и удовлетворенные тѣмъ, что ему не удалось видѣть мистриссъ Симпсонъ, обиженные кавалеры на время отложили мстительные планы, рѣшивъ пока лишь зорко слѣдить за поведеніемъ молодца. Они даже великодушно навѣщали больнаго, причемъ не забыли разспросить его со всею подробностью о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ на мѣстѣ насчетъ супруговъ Симпсонъ.

— Да что!.. По всему видно, что отношенія ихъ превосходныя.

Рыцари пришли въ неописанный трепеть.

— Измѣна! повторялъ мрачнымъ голосомъ Пассери.

Юдиень покинула Флоренцію въ первыхъ числахъ іюня. Въ сентябрѣ донна Марикита объявила друзьямъ по несчастію, что она ѣдетъ къ Симпсонамъ въ Шотландію. — Можеть быть, прибавила она, — зять мой отправится въ Нью-Йоркъ, тогда я вернусь къ концу октября съ дочерью въ Тоскану.

Наступилъ новый періодъ мучительнаго ожиданія. Приѣдетъ ли она? Когда и въ какомъ физическомъ и нравственномъ состояніи? Каково должно быть отношеніе къ ней съ ихъ стороны, послѣ ея совмѣстной жизни съ мужемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Слѣдуетъ ли показывать прежнее безкорыстное вниманіе? Какъ примириться съ положеніемъ рыцаря безгрѣшной, которая быть можеть вовсе и не безгрѣшна?

Пока наши кавалеры ломали себѣ голову надъ разрѣшеніемъ этихъ немаловажныхъ задачъ, изъ Лондона было

послано каждому изъ нихъ по письму. На конвертахъ красовался адресъ, написанный рукою... мистера Симпсона.

Въ немногихъ строкахъ мистриссъ Симпсонъ извѣщала своихъ друзей, что она на нѣкоторое время уѣзжаетъ въ Америку въ сопровожденіи мужа и матери, присовокупляя, что всегда будетъ съ удовольствіемъ вспоминать о нихъ въ надеждѣ, что и они ее не забудутъ. Она рассчитываетъ еще встрѣтиться съ ними, такъ какъ не оставляетъ намѣренія вернуться на будущій годъ во Флоренцію, гдѣ поэтому удерживаетъ за собою еще на годъ какъ палаццо, такъ и виллу въ Фіезоле. Она посылаетъ имъ поклоны какъ отъ себя, такъ и отъ имени матери и мужа.

Всѣ пять кавалеровъ немедленно разбѣжались другъ къ другу съ вытаращенными глазами и съ письмомъ въ рукахъ.

— Точно печатный циркуляръ! воскликнули они хоромъ, замѣтивъ, что всѣ посланія въ точности, до малѣйшей запятой, походили одно на другое.

Эта тождественность писемъ, эта общность явной невзгоды удерживала связь между членами корпораціи въ теченіе еще одной осени и зимы. Грустную прѣвели они осень, печальную зиму. Въ обществѣ, въ театрѣ, на гуляньяхъ, вездѣ, гдѣ бы наши рыцари ни искали средства разсѣять свою тоску, они безмолвно сновали среди толпы и находили лишь успокоеніе тогда, когда собирались вмѣстѣ и могли излить другъ передъ другомъ душившее ихъ горе, когда могли свободно говорить о нанесенномъ имъ всѣмъ тяжкомъ оскорбленіи.

Никто не смѣлъ открыто издѣваться надъ ними, ибо въ томъ раздраженномъ состояніи души, въ какое ввергла ихъ покинувшая ихъ дама, они способны были сдѣлать вызовъ каждому при малѣйшей тѣни неприятнаго намека. Но за глаза насмѣшкамъ не было конца. Въ одномъ изъ остроумныхъ салоновъ какой-то острякъ назвалъ ихъ вдовцами. Эпитетъ этотъ имѣлъ успѣхъ, переходилъ изъ устъ въ уста. Другой сравнилъ ихъ съ акціонерами обанкротившагося общества.

Въ полномъ банкротствѣ сами акціонеры, однако, убѣдились лишь тогда, когда почта принесла каждому изъ рыцарей по elegantному билету изъ Нью-Йорка, на которомъ

были начертаны литографическимъ способомъ слѣдующія простые слова на англійскомъ языкѣ: »мистеръ и мистриссъ Симпсонъ имѣють честь извѣстить о рожденіи ихъ сына Перси. 10 января 189...«

Извѣстіе это, однако, не окончательно лишило ихъ памяти и разсудка. Они еще обладали способностью счесть по пальцамъ: сколько времени прошло до этого событія со дня появленія въ апрѣлѣ мистера Симпсона во Флоренціи.

Съ итальянскаго И. А. Гриневская

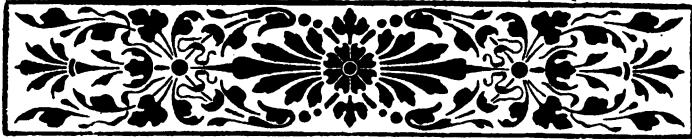
ДѢТИ ВѢКА

Гдѣ начинается въ нихъ человѣкъ,
Гдѣ въ нихъ кончаются дикіе звѣри
Въ этотъ больной и озлобленный вѣкъ —
Вѣкъ, позабывшій о правдѣ и вѣрѣ?..
Только борьба и борьба на умѣ —
Дикая, черствая, мелкая, злая;
Разумъ — ихъ солнце, но бродятъ во тьмѣ
Всѣ они, словно безумная стая...
Словно голодная стая волковъ —
Рыщутъ, не внемля ни зову, ни кличу;
Каждый изъ нихъ въ каждомъ видѣтъ готовъ
Только свою роковую добычу...
Скромное, жалкое счастье другихъ
Имъ на дорогѣ стоитъ, имъ обидно...
Какъ это? Счастливъ онъ! Что же у нихъ
Этого глупаго счастья не видно?..
Развѣ онъ смѣетъ своимъ называть
Что нибудь въ ихъ полновластное время!
Развѣ онъ можетъ оковы срывать,
Если ихъ давитъ ужасное бремя!..
Дикіе люди... Но нѣтъ, дикари —
Грубья, бѣдная дѣти природы —
Были душою предъ ними цари,

Больше другъ другу давали свободы,
Болѣе въ сердцѣ хранили любви,
Большія жертвы добру приносили,
Хоть и лелѣяли звѣря въ крови,
Хоть и звѣрями казались по силѣ...
Смутный, больной и озлобленный вѣкъ,
Люди, забывшіе съ вѣкомъ о вѣрѣ,
Гдѣ въ васъ кончаются лютые звѣри,
Гдѣ начинается въ васъ человѣкъ?..

Аполлонъ Коринфскій

КЛЕОПАТРА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Георга Эберса

ГЛАВА ПЯТАЯ

Художнику, а тѣмъ болѣе великому живописцу нетрудно придать красоту и уютность своему жилищу. Онъ хочетъ чувствовать себя здѣсь приятно, а ему нравится только истинно прекрасное. Все, что нарушило бы гармонію, оскорбляетъ его глазъ, а для того, чтобы создать благороднѣйшее украшеніе своего дома, ему не надо пускать черезъ свой порогъ чужого. Незваной присоединяется къ такому избраннику муза, какъ самый совершеннѣйшій помощникъ.

Такъ и Леонаксу, отцу Барины, помогла муза обратить внутренность своего обиталища въ очаровательный уголокъ. По стѣнамъ своей мастерской онъ изобразилъ событія изъ жизни Александра великаго, основателя его родного города, а по карнизу написалъ гирлянду пляшущихъ амуровъ.

Здѣсь Барина имѣла обыкновение принимать гостей, и слава замѣчательной живописи, украсившей ея пріемную, послужила не послѣдней приманкой для Антонія, подавъ ему мысль посѣтить молодую женщину, а затѣмъ привести съ собою сына, въ которомъ онъ старался пробудить хотя слабый интересъ къ искусству. Также и красоту, и пѣніе Барины умѣлъ онъ оцѣнить по достоинству, но пылкая страсть, овладѣвшая имъ въ зрѣлыя годы, относилась безраздѣльно къ одной Клеопатрѣ. Этого человѣка съ легко увлекавшимся сердцемъ и пылкими чувствами, чуть не еже-

дневно мѣнявшаго одну непрочную минутную любовь на другую, царица приковала къ себѣ неразрывно-крѣпкими узами, и наряду съ нею какая нибудь Барина казалась ему лишь художественнымъ произведеніемъ, одареннымъ жизнью и голосомъ, который нѣжилъ слухъ. Но, во всякомъ случаѣ, Антоній былъ обязанъ ей нѣсколькими пріятными часами. а онъ любилъ дѣлать подарки тѣмъ, кто доставлялъ ему удовольствіе. Другу Клеопатры нравилось слыть самымъ великодушнымъ мотомъ на всемъ земномъ шарѣ, а гладкій браслетъ съ геммою, гдѣ былъ вырѣзанъ играющій на лирѣ Аполлонъ, котораго слушаютъ музы, казался съ виду очень скромнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ представлялъ собою вещь громадной цѣнности, такъ какъ художникъ, создавшій эту рѣдкость, считался величайшимъ рѣзчикомъ на камнѣ во времена Филадельфа и каждая изъ крошечныхъ фигуръ на ониксѣ, едва въ три пальца шириною, была тщательно исполненнымъ произведеніемъ искусства чарующей прелести. Найдя браслетъ подходящимъ для женщины, которая восхитила его своимъ пѣніемъ, Антоній остановилъ на немъ свой выборъ; громадная цѣнность подарка и тутъ не пришла ему въ голову. Къ тому же она была очевидно только для знатока, а такъ какъ гладкій золотой обручъ не бросался въ глаза и особенно шелъ къ красивой рукѣ пѣвицы, то Барина охотно щеголяла въ немъ.

Еслибъ война не отозвала Антонія изъ Египта, его второй визитъ къ внучкѣ Дидима едва ли былъ бы послѣднимъ. Кромѣ пѣнія, которое привело въ восторгъ высокаго гостя, и самая бесѣда хозяйки отличалась оживленіемъ и интересомъ; сверхъ того здѣсь Антоній увидѣлъ, наряду съ картинами Леонакса, немало другихъ художественныхъ произведеній, пріобрѣтенныхъ покойнымъ живописцемъ у своихъ выдающихся сотоварищей.

Въ обширной мастерской не было недостатка и въ статуяхъ. Прелестному уголку придавалъ особенную уютность плескъ воды, которую лилъ въ раковину изъ козлиного мѣха, переброшеннаго черезъ плечо, мускулистый крѣпкій мужчина.

Художникъ, выльпившій этого склонившагося нубійца, былъ тотъ самый, который сдѣлалъ статую царственныхъ любовниковъ, постановка которой вызвала столько пререканій. Его же работы былъ и глиняный эросъ, который, ставъ на

одно колѣно, прицѣливался въ жертву, видимую ему одному. Антоній при своемъ вторичномъ посѣщеніи, шутя, положилъ вѣнокъ, въ которомъ пришелъ, къ ногамъ этого «могуще-ственнѣйшаго побѣдителя людей», тогда какъ его сынъ Антилъ еще раньше неосторожно сунулъ принесенный имъ букетъ цвѣтовъ подъ согнутую правую руку амура, которая натягивала тетиву лука. При этомъ глина, послужившая матеріаломъ для статуи, была повреждена... Теперь цвѣты небрежно валялись на маленькомъ жертвенномъ алтарѣ въ глубинѣ обширной комнаты, освѣщенной единственной лампой, потому что женщины увели отсюда своего гостя. Они всѣ трое перешли въ небольшую любимую комнатку Барины, гдѣ ихъ окружало нѣсколько картинъ покойнаго отца.

Букетъ Антила и поврежденная имъ глиняная статуя эроса играли большую роль въ общей бесѣдѣ, что облегчило Архибію его задачу.

Жалобой на непристойное поведеніе и неосторожность юнаго римлянина встрѣтила Вереника поздняго посѣтителя, и Барина прибавила къ тому, что она приносила уже довольно жертвъ Зевсу Ксеніосу, покровителю гостеприимства. На будущее время она намѣрена посвятить свою жизнь скромнымъ домашнимъ богамъ и Аполлону, которому обязана небольшимъ, но драгоценнымъ даромъ пѣнія.

Съ удивленіемъ попросилъ Архибійъ объяснить ему, что это значило, и самъ заговорилъ только тогда, когда молодая хозяйка высказалась вполнѣ и нарисовала ему, какъ она представляетъ себѣ свое предстоящее уединенное существованіе съ одною матерью безъ наполненной гостями мастерской отца.

Окрыленная фантазія Барины живо перенесла ее въ эту новую, болѣе тихую, жизнь; однако, хотя она съумѣла ярко и наглядно изобразить все то, чего ожидаетъ отъ такой перемены, тѣмъ не менѣе ея планы показались не совсѣмъ вѣроятными слушателю съ сѣдѣющими волосами, слишкомъ богатому житейскимъ опытомъ; по крайней мѣрѣ тонкая усмѣшка мелькала порою по его рѣзко очерченному, но слегка подернутому грустью лицу. То было лицо человѣка, отказавшагося отъ борьбы на жизненной аренѣ и предпочитавшаго послѣ суровой битвы оставаться между зрителями, слѣдя за успѣхомъ и пораженіемъ другихъ бойцовъ, добивавшихся награды. Раны, полученные имъ, пожалуй, еще не зажили,

но пережитыя неудачи не мѣшали ему оставаться внимательнымъ наблюдателемъ. По взгляду его ясныхъ глазъ можно было видѣть, что онъ горячо сочувствуетъ тому, что возбуждало его участие. Кто умѣлъ слушать такимъ образомъ и сверхъ того — о чемъ свидѣтельствовалъ сильно выдавшійся надъ переносемъ лобъ — такъ привыкъ къ серьезному мышленію, тотъ могъ быть отличнымъ совѣтчикомъ, и, дѣйствительно, многіе прибѣгали въ затруднительныхъ случаяхъ къ его опытности, а болѣе всѣхъ сама царица.

Такъ и сегодня онъ обнаружилъ свойственную ему спокойную разсудительность. Хотя цѣль посѣщенія Архібія заключалась въ томъ, чтобы уговорить Барину отправиться на время за городъ, однако онъ не проронилъ ни слова объ этомъ, пока она, посвятивъ его въ собственныя дѣла и планы, не спросила сама — какая важная причина привела его къ ней.

Въ главномъ его предложеніе было принято прежде, чѣмъ онъ успѣлъ его высказать. Поэтому онъ могъ начать съ вопроса — не найдутъ ли мать съ дочерью болѣе удобныхъ для перехода къ новому образу жизни удалиться на время изъ города. Ихъ отказъ съ завтрашняго же дня принимать гостей долженъ броситься всѣмъ въ глаза, а нѣкоторымъ показаться даже оскорбительнымъ, такъ какъ настоящій поводъ къ этому нельзя откровенно объяснить. Между тѣмъ, если онѣ рѣшились оставить на нѣсколько недѣль Александрію, то хотя иные знакомые и пожалѣютъ объ ихъ отъѣздѣ, но въ общемъ дѣло обойдется безъ обиды отдѣльныхъ лицъ.

Вереника съ живостью поддержала гостя, но Барина съ перваго момента отнеслась болѣе сдержанно къ его предложенію. Тутъ Архібій попросилъ ее высказаться не стѣсняясь, и лишь когда она задала вопросъ — куда имъ дѣваться, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ помѣстье, гдѣ онѣ могутъ расположиться какъ у себя дома.

Его испытующіе сѣрые глаза тотчасъ подмѣтили, что если что нибудь такъ крѣпко привязываетъ ее къ городу, то у настоящей женщины, какъ Барина, это должно быть связано съ вопросомъ сердца. Очевидно, онъ не ошибся, такъ какъ при его предсказаніи, что лучшіе друзья навѣрно будутъ навѣщать ее отъ времени до времени на лонѣ природы, она подняла голову; блескъ ея голубыхъ глазъ становился все ярче, и, когда Архібій умолкъ, Барина повернулась къ матери съ веселымъ восклицаніемъ: »Мы ѣдемъ«!

И снова живое воображеніе дочери художника представило осязательно ясную картину того, чего она ожидаетъ отъ будущаго. Конечно, ей одной было извѣстно—на кого она намекала, говоря объ ожидаемомъ посѣтителѣ, который долженъ былъ пріѣхать въ Иренію, имѣніе Архібія. »Мѣсто мира« означало это названіе, и оно понравилось ей.

Архібій слушалъ ее съ улыбкой. Когда же она начертала и его роль при катаньѣ на маленькихъ сардинскихъ лошадакахъ и на птичьей охотѣ, онъ перебилъ ее увѣреніемъ, что едва ли въ скоромъ времени можетъ позволить себѣ то, что было бы ему особенно пріятно: отдыхъ съ такими дорогими гостями на деревенскомъ просторѣ зависить для него отъ судьбы другаго лица. Однако, благодареніе богамъ, онъ могъ пріѣхать сюда съ облегченнымъ сердцемъ, потому что незадолго до отъѣзда изъ дома узналъ о славной побѣдѣ царицы. И Архібій попросилъ позволенія остаться подольше у своихъ пріятельницъ, чтобы выждать здѣсь подтвержденія радостнаго извѣстія.

Было видно, что онъ напряженно ожидалъ его съ явной сердечной тревогой.

Вереника раздѣляла его озабоченность, и ея доброе лицо, до сихъ поръ озаренное радостью, по поводу благоразумнаго рѣшенія дочери, приняло выраженіе тяжелой тоски, когда Архібій началъ: — что же касается цѣли моего посѣщенія, то ты помогла мнѣ ее достигнуть, Барина. Еслибъ я находилъ нужнымъ, то могъ бы умолчать о томъ, что явился съ намѣреніемъ уговорить тебя удалиться изъ города. Сынъ Антонія и его мальчишеская необузданность не грозятъ тебѣ еще опасностью. Гораздо важнѣе, дитя мое, сдѣлать тебя недоступной для цезаріона.

— Еслибъ ты могъ съ этой цѣлью переселить меня на луну, мнѣ было бы тѣмъ пріятнѣе! съ живостью воскликнула Барина. — Вѣдь что и подало мнѣ мысль измѣнить нашъ образъ жизни, какъ не эта невозможность затворить свой домъ передъ мальчикомъ, который не вышелъ еще изъ школьнаго возраста, а между тѣмъ пользуется своимъ высокимъ саномъ, какъ магическимъ ключомъ. Странно подумать, что такого томнаго мечтателя съ молящими о помощи глазами называютъ »царемъ«.

— Да еще кто знаетъ—какіе неудержимые порывы могутъ дремать въ груди сына Юлія Цезаря и Клеопатры?

прибавилъ Архібій тономъ вопроса.—А страсть къ тебѣ—я знаю, дитя мое, что ты въ этомъ не виновата — заговорила въ немъ очень сильно. Что бы изъ нея ни вышло, такое обстоятельство должно встревожить мать; поэтому твой отъѣздъ слѣдуетъ ускорить и держать въ тайнѣ, куда ты отправишься. Цезаріонъ еще не пытался приступить ни къ чему похожему на то, что онъ началъ уже дѣйствовать, но теперь отъ него, какъ отъ сына такихъ родителей, можно ожидать большихъ сумасбродствъ.

— Ты меня пугаешь! воскликнула Барина, — изъ воркующаго голубка, проникшаго въ мой домъ, тебѣ хочется сдѣлать опаснаго грифа.

— Ты должна смотрѣть на него какъ на такого, возразилъ гость тономъ предостереженія.—Я очень радъ предложить тебѣ гостепріимство, Барина, потому что люблю тебя, дочь моего лучшаго друга, съ твоего младенчества, но мое приглашеніе въ Иренію имѣло цѣлью не только оказать тебѣ услугу, но также избавить отъ горя и досады ту, которой, какъ извѣстно, я обязанъ всѣмъ.

Изъ этой рѣчи обѣимъ женщинамъ стало ясно, что хотя онѣ сами дороги Архібію, но онъ готовъ пожертвовать ими, а пожалуй и цѣлымъ свѣтомъ, ради спокойствія и счастья царицы.

Барина не ожидала отъ него ничего иного. Ей было извѣстно, что Клеопатра сдѣлала Архібія, сына философа, крупнымъ землевладѣльцемъ и богачемъ; но она чувствовала также, что его беззавѣтная преданность царицѣ, къ которой онъ относился съ заботливостью нѣжнаго отца, имѣетъ еще другія причины. Клеопатра, въ свою очередь, цѣнила Архібія. Будь онъ честолюбивъ, то давно бы стоялъ у кормила правленія, подобно Эпитропу. Но, что было извѣстно цѣлому городу, онъ уже не разъ отказывался отъ предлагаемыхъ ему официальныхъ должностей, полагая, что принесетъ больше пользы повелительницѣ какъ простой, незамѣтный совѣтчикъ.

Мать рассказывала Баринѣ, что дружеская короткость между Архібіемъ и Клеопатрой началась съ дѣтства. Но подробности ихъ отношеній были неизвѣстны; на этотъ счетъ, конечно, ходило много слуховъ, которые со временемъ, передаваясь изъ устъ въ уста, прикрапивались и переплетались анекдотами, придававшими имъ видъ вѣро-

ятія, и Барина, разумѣются, вѣрила людямъ, утверждавшимъ, что юную царевну связывала съ Архібіемъ въ ранней молодости полудѣтская любовь. Теперешнее поведеніе друга утверждало ее въ подобномъ мнѣніи.

Когда Архібій замолчалъ, молодая женщина замѣтила, что понимаетъ его, а такъ какъ алебастровая люстра, спускавшаяся съ потолка, и тройной свѣтильникъ ярко освѣщали копію съ портрета дѣвятнадцатилѣтней царицы, собственноручно исполненную покойнымъ отцомъ Барины, то она указала на нее и внезапно спросила, увлекшись ходомъ собственныхъ мыслей:

— А не правда ли, какъ дивно хороша была Клеопатра въ то время?

— Она была именно такою, какою изобразилъ ее твой отецъ, отвѣчалъ Архібій. — Леонаксъ написалъ портретъ Октавіи въ томъ же году, и, пожалуй, художникъ находилъ римлянку прекраснѣе.

При этомъ онъ указалъ на портретъ сестры Октавіана, написанный отцомъ Барины въ то время, когда она только что вышла замужъ за Марцелла, своего первого супруга.

— Ну, нѣтъ, перебила Вереника. — Я хорошо помню, какъ Леонаксъ вернулся въ то время изъ Рима. Какая жена не почувствовала бы ревности при томъ восхищеніи, съ какимъ онъ отзывался о римской Герѣ! Тогда я еще не видала портрета и когда спросила мужа — находить ли онъ Октавію красивѣе царицы, внушившей ему пылкую страсть, какъ большинство красивыхъ женщинъ, которыхъ онъ рисовалъ, мой Леонаксъ такъ и вскипѣлъ. — Вѣдь ты знаешь, какая была у него пылкая натура. »Октавія«, воскликнулъ онъ, »стоитъ первая въ ряду тѣхъ, кого можно назвать прекрасными или менѣе прекрасными; но та, другая, Клеопатра, совершенна сама по себѣ и ее нельзя сравнить ни съ кѣмъ«.

Архібій утвердительно кивнулъ своей огромной головой и сказалъ рѣшительнымъ тономъ: — но когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, ребенкомъ, она превзошла бы красотой цѣлый хороводъ амуровъ.

— А сколько ей было тогда лѣтъ? спросила заинтересованная Барина.

— Восемь, отвѣчалъ онъ. — Ахъ, сколько времени про-

текло съ тѣхъ поръ! Однако я не забылъ ни одного часа, проведеннаго съ нею вмѣстѣ.

Тутъ молодая хозяйка прервала его настоятельной просьбой разсказать имъ о тѣхъ дняхъ. Архібій нѣсколько минутъ смотрѣлъ въ землю, но потомъ поднялъ голову и заговорилъ:—Можетъ быть, тебѣ и не мѣшаетъ узнать кое-что о женщинѣ, ради которой я потребовалъ отъ тебя жертвы. Аріій приходится братомъ твоей матери, а тебѣ дядей. Онъ близокъ къ Октавіану, потому что былъ его умственнымъ руководителемъ. Я знаю, онъ обожаетъ Октавію, сестру римлянина, какъ богиню. Съ Октавіемъ теперь борется Маркъ-Антоній за обладаніе міромъ; между тѣмъ Октавія давно побѣждена женщиной, о которой ты желаешь послушать. Въ этомъ дѣлѣ я не судья, но могу говорить о немъ и предостерегать. Римскія матроны воскуряютъ оиміамъ Октавіи, и когда произносится имя Клеопатры, онѣ въ знакъ негодованія закутываютъ голову. Здѣсь, въ Александріи, нѣкоторыя подражаютъ имъ. Кто становится на сторону лучезарно-чистаго, тотъ смѣетъ надѣяться получить что-нибудь отъ свѣтлости, исходящей отъ него. Онѣ называютъ Октавію настоящей супругой, а Клеопатру разлучницей, похитившей у ней сердце мужа.

— Но я не принадлежу къ ихъ числу! съ жаромъ воскликнула Барина.—Какъ часто говорила я это дядѣ. Антоній и Клеопатра воспламенились горячей любовью другъ къ другу. Никогда еще стрѣлы Эроса не задѣвали такъ глубоко двухъ сердецъ. Въ то время дѣло шло о томъ, чтобъ избавить государство отъ междоусобной войны и кровопролитія. Антоній согласился заключить союзъ съ соперникомъ и въ залогъ прочности примиренія протянулъ руку его сестрѣ, Октавіи, только что потерявшей своего перваго мужа, Марцелла. Но онъ протянулъ ей лишь руку, повторяю я, потому что его сердце принадлежало египетской царицѣ. Когда же Антоній нарушилъ вѣрность женѣ, къ которой его приковала только политика, онъ остался вѣренъ другой, которая раньше имѣла на него болѣе основательное право. Если Клеопатра не разсталась съ человекомъ, которому дала клятву навѣкъ, то она была права, тысячу разъ права! Въ моихъ глазахъ Клеопатра всегда остается — хотя даже моя мать не согласна съ этимъ — настоящей супругой Антонія, тогда какъ другая.

хотя бы при ея бракосочетаніи не были пропущены никакой обрядъ, никакое слово, никакая черта пера, никакой жестъ, является нарушительницей союза любви, которому радуются боги, какъ бы онъ ни кололъ глаза людямъ и—прости мнѣ, матушка!—добродѣтельнымъ матронамъ.

Вереника, краснѣя, слушала рѣчь своей пылкой дочери. Но тутъ она прервала ее съ пугливой настойчивостью: — вѣдь я знаю, что таковы ученія новаго времени; что Антоній въ глазахъ египтянъ, а также по ихъ обычаямъ, считается настоящимъ супругомъ царицы; кромѣ того мнѣ давно извѣстно, что вы оба несогласны со мной. Но Клеопатра въ сущности гречанка, и потому... вѣчные боги!.. я могу искренно сожалѣть ее, но такъ какъ бракъ есть священное постановленіе, то я не допускаю, чтобы винили Октавію. Какъ своихъ собственныхъ любить и воспитываетъ она дѣтей невѣрнаго супруга отъ его первой жены Фульвіи, хотя они ей совсѣмъ чужія. И какая сверхчеловѣческая доблесть въ томъ, что она устраняетъ препятствія съ дороги мужа, хотя онъ сдѣлался ея врагомъ! Ни одна женщина въ Александріи не можетъ съ бѣльшимъ усердіемъ молиться о побѣдѣ Клеопатры и ея друга надъ Октавіаномъ, какъ я, да и холодный разсудокъ послѣдняго противенъ мнѣ, хотя мой братъ высоко ставитъ его, но когда я смотрю на дивно прекрасное, цѣломудренное, истинно благородное лицо Октавіи и вижу, какъ въ немъ отражается истинно женская чистота...

— Ну, и любуйся имъ, дополнилъ Архібій, кладя правую руку на плечо разгорячившейся женщины. — Однако съ твоей стороны было бы благоразумнѣе отвести этому портрету въ настоящее время другое мѣсто и не высказывать своего мнѣнія объ Октавіи никому иному, кромѣ брата и такого надежнаго друга, какъ я. Если мы побѣдимъ, тогда все будетъ хорошо. Если нѣтъ... Однако посланный что-то медитъ...

Тогда Барина снова стала просить его не терять напрасно времени. Только однажды, послѣ пѣнія на праздникѣ Адониса, она имѣла счастье быть замѣченной царицей. Тогда Клеопатра подошла къ ней, чтобы поблагодарить ее немногими ласковыми словами, но сказанными такимъ голосомъ, который проникъ ей прямо въ душу и привязалъ ее къ царицѣ невидимыми узами. Тутъ ея взглядъ также

впервые встрѣтился со взглядомъ повелительницы, и у ней явилось желаніе прильнуть губами хотя бы къ краю одежды Клеопатры. И вдругъ Баринѣ показалось, какъ будто изъ самаго прекраснаго цвѣтка передъ ней высунулось жало ядовитой змѣи... Архибій прервалъ Барину замѣчаніемъ, что онъ отлично помнитъ, какъ послѣ пѣнія Антоній заговорилъ съ нею вмѣстѣ съ царицей и что Клеопатрѣ чужда всякая женская слабость.

— Ревность? съ удивленіемъ спросила Барина; — я не на столько тщеславна, чтобъ допустить подобную возможность. Правда, у меня мелькнула мысль, что Алексасъ, братъ Филострата, пожалуй, возстановилъ царицу противъ меня. Онъ питаетъ ко мнѣ такую же точно вражду, какъ и тотъ, кто былъ моимъ мужемъ, потому что я... Впрочемъ все, касающееся ихъ обоихъ, до того подло и гадко, что я не хочу смущать такими воспоминаніями пріятнаго часа нашей задушевной бесѣды съ тобою. Однако мое опасеніе, что деверь, пожалуй, очернилъ меня передъ повелительницей, было небезосновательно. Вѣдь онъ уменъ и, сзумѣвъ втереться въ милость Антонія, находится всегда вблизи Клеопатры. Его даже взяли съ собою на войну.

— Я узналъ о томъ слишкомъ поздно да и совершенно безсиленъ противъ Антонія, сказалъ гость.

— Но не правда ли, вѣдь это весьма вѣроятно, что царица была предубѣждена противъ меня? спросила Барина. — По крайней мѣрѣ я уловила нѣчто враждебное въ ея взглядѣ, и онъ оттолкнулъ меня отъ нея, хотя въ первую минуту я почувствовала къ ней неудержимое леченіе.

— И еслибъ не случилось этого, ты не могла бы разстаться съ Клеопатрой! Я увидѣлъ ее въ первый разъ, когда самъ былъ еще мальчикомъ, а она, какъ я недавно сказалъ, была восьмилѣтнимъ ребенкомъ.

Барина съ благодарностью кивнула гостю, принесла матери самопрялку, подлила воды въ сосудъ для разбавки вина и, перемѣнивъ свою прежнюю лѣнивую позу, когда она лежала, откинувшись на подушки, оперлась локтемъ на колѣно и, подавшись далеко впередъ, приготовилась слушать Архибія, положивъ подбородокъ на руку. Мать сначала медленно, потомъ все проворнѣе стала дергать и сучить лентъ.

— Вы знаете мой загородный домъ въ Канопусъ? такъ началъ рассказчикъ. — Сначала онъ служилъ маленькимъ лѣтнимъ дворцомъ для царскаго семейства. Съ тѣхъ поръ, какъ мы тамъ поселились, его внутренняя обстановка мало измѣнилась. Даже садъ остался въ прежнемъ видѣ. Въ немъ и тогда было много тѣнистыхъ старыхъ деревьевъ. Олимпій, придворный врачъ, выбралъ это мѣсто, чтобы здѣсь отецъ окончилъ довѣренное ему дѣло воспитанія. Вы сейчасъ узнаете—о чемъ я веду рѣчь. Въ то время въ Александріи было неспокойно, потому что Римъ еще не признавалъ царя, но надъ нами тяготѣлъ рокъ, хотя завѣщаніе, по которому негодный Александръ отказалъ своему преемнику Египетъ, точно какое нибудь поле или раба, и не было признано.

Въ то время египетскимъ царемъ, который называлъ себя »новымъ Діонисомъ«, былъ человекъ слабохарактерный, даже не имѣвшій по рожденію полного права на обладаніе страной. Вы знаете, что народъ прозвалъ его »флейтщикомъ«. Дѣйствительно, для него не было большаго удовольствія какъ слушать музыку, да и самъ онъ довольно порядочно игралъ на разныхъ инструментахъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ честь и другому имени своимъ пристрастіемъ къ вину. Кто на праздникѣ Діониса, живымъ воплощеніемъ котораго онъ считалъ себя, оставался трезвымъ, тотъ рисковалъ поплатиться за это жизнью.

Супруга »флейтщика«, царица Трифена, и его старшая дочь—она была твоей тѣзкой, госпожа Вереника,—отравили ему жизнь. Сравнительно съ ними царь былъ достойнымъ всякаго уваженія, добродѣтельнымъ человекомъ. Куда дѣвались герои и мудрые, благородные правители изъ дома Птолемеевъ? Всякая страсть, всякій порокъ свили себѣ гнѣздо въ ихъ дворцахъ!

»Флейтщикъ«, отецъ Клеопатры, далеко не былъ худшимъ изъ всѣхъ. Правда, онъ потакалъ своимъ слабостямъ и никто не научилъ его обуздывать своихъ страстей; когда его интересы требовали чьей нибудь смерти, онъ не останавливался передъ убійствомъ, но все это было въ нравахъ послѣднихъ царей его рода. Въ одномъ онъ безспорно стоялъ выше большинства изъ нихъ: въ томъ, что не утратилъ еще способности питать отвращеніе къ пороку, перешедшему извѣстныя границы, вѣрилъ въ добродѣтель, въ величіе характера и допускалъ возможность насадить ихъ въ

юныхъ душахъ. Мальчикомъ онъ росъ подь вліяніемъ честнаго наставника; оно осталось у него въ памяти и подало ему счастливую мысль удалить, по возможности, отъ дурнаго примѣра матери хотя своихъ любимицъ, двухъ маленькихъ дѣвочекъ.

Какъ я узналъ послѣ, царю хотѣлось отдать ихъ на полное попеченіе моимъ родителямъ, но онъ наткнулся здѣсь на неодолимое препятствіе. Греки могли обучать наукамъ царскихъ дочерей, но ихъ религіозное воспитаніе египтяне не хотѣли выпустить изъ рукъ. Врачъ Олимпій—вы знаете этого почтеннаго маститаго старца—настаивалъ на томъ, что Клеопатрѣ съ ея нѣжнымъ здоровьемъ необходимо проводить суровые зимніе мѣсяцы въ верхнемъ Египтѣ съ его вѣчно безоблачнымъ небомъ, а жаркое лѣто—вблизи моря, въ тѣнистомъ саду. Такой садъ нашелся у маленькаго дворца вблизи Канопуса, и онъ былъ предназначенъ для этой цѣли.

Когда мы съ родителями перебрались въ это жилище, оно стояло совершенно пустымъ, но царскія дѣти должны были вскорѣ туда прибыть. Для зимняго мѣстопробыванія Олимпій предложилъ островъ Филею, на нубійской границѣ; тамъ находился знаменитый храмъ Изиды и при немъ жило духовенство, которое охотно приняло на себя обязанность наблюдать за царевнами.

Царица ничего не хотѣла объ этомъ слышать, находя совершенно невыносимымъ покинуть Александрію, чтобы проводить зиму на уединенномъ островѣ подь тропикомъ. Поэтому она предоставила отцу распоряжаться, какъ онъ знаетъ, и сложила съ себя заботу о дѣтяхъ. Даже послѣ изгнанія царственнаго супруга изъ Александріи она ни разу не навѣстила дѣвочекъ. Впрочемъ, царицу вскорѣ постигла смерть.

Ея старшая дочь, Вереника, наслѣдовавшая престоль, подражала въ этомъ матери и мало заботилась о сестрахъ. Позднѣе я слышалъ, что она была довольна ихъ пребываніемъ у людей, которые будили въ дѣвочкахъ инныя чувства вмѣсто властолюбія.

Ея братья воспитывались на островѣ Лохіасѣ нашимъ соотечественникомъ Феодотомъ подь наблюденіемъ опекуна Потина.

Жизнь нашего семейства, конечно, совершенно измѣни-

лась съ поступленія къ намъ царскихъ дѣтей. Во первыхъ, мы переѣхали изъ собственнаго дома на площади Музея въ маленькій дворецъ въ Канопусѣ и намъ очень понравилось въ большомъ тѣнистомъ саду. Точно это было вчера; вспоминается мнѣ то утро — тогда я былъ пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ — когда отецъ сообщилъ намъ, что двѣ дочери царя будутъ жить у насъ. Въ то время у нашихъ родителей было еще трое дѣтей: Хармионъ, которая отправилась съ царицей на войну, потому что младшая приближенная Клеопатры, Ирасъ, наша племянница, была больна при отправленіи въ походъ, затѣмъ я и братъ Стратонъ, котораго давно уже нѣтъ въ живыхъ.

Намъ внушили, что мы должны вести себя благопрочно и держаться въ отдаленіи отъ царскихъ дочерей. И мы, дѣйствительно, убѣдились, что ихъ прибытіе не шутка, такъ какъ дворецъ, который былъ найденъ нами пустымъ и заброшеннымъ, заново отдѣлали отъ подваловъ до крыши.

Наканунѣ пріѣзда дѣвочекъ туда привели лошадей, привезли экипажи и носилки, а на морѣ появились лодки и великолѣпный государственный корабль съ экипажемъ въ полномъ комплектѣ. Кромѣ того прибыло множество невольниковъ и невольницъ и между ними два жирныхъ евнуха.

Я до сихъ поръ вижу недовольный взглядъ отца, которымъ онъ окинулъ все это по прибытіи. Онъ тотчасъ отправился въ городъ, и по возвращеніи оттуда ясные глаза этого превосходнаго человѣка смотрѣли уже по обыкновенію — весело. Съ нимъ пріѣхалъ придворный чиновникъ и отъ ненужнаго баласта вещей и народа осталось только то, что отецъ нашелъ нужнымъ.

На слѣдующее утро — былъ конецъ февраля, въ травѣ и на кустахъ цвѣли цвѣты, на деревьяхъ блестѣла свѣжей сочной зеленью разнообразная листва — должны были прибыть ожидаемые гости. Я усѣлся на крѣпкой сукъ сикоморы противъ входныхъ дверей и выглядывалъ оттуда. Царевны заставили порядочно подождать себя; осматриваясь кругомъ, я подумалъ, что здѣсь имъ навѣрно понравится, потому что такого сада не было ни при одномъ изъ городскихъ дворцовъ.

Наконецъ, явились носилки безъ скороходовъ и свиты по просьбѣ отца, и когда дѣвочки вышли оттуда — обѣ заразъ — я не зналъ — куда смотрѣть: то, что не вышло, а

выпорхнуло изъ первыхъ носилокъ подобно бабочкѣ, не было дѣвочкой, похожей на другихъ — это существо показалось мнѣ воплощеннымъ желаніемъ, воплощенной надеждой. И когда нѣжное дивно-прекрасное созданіе повернуло головку въ одну и въ другую сторону и, наконецъ, какъ будто вопросительно и моля о помощи взглянуло своими большими влажными глазами въ лицо моимъ родителямъ, вышедшимъ изъ дома на встрѣчу сестеръ, тогда я подумалъ, что такой видъ должна была имѣть Психея, когда она предстала предъ трономъ Зевса, умоляя о милости.

Но и на другую стоило поглядѣть. Была ли то Клеопатра? Та могла быть и старшей, потому что оказалась не меньше сестры, но совсѣмъ въ иномъ родѣ. Отъ волнистыхъ волосъ до каждаго движенія тѣла, жеста руки въ первой изъ дѣвочекъ все какъ будто струилось—то навѣрно была Клеопатра. У второй же все было стойко, все казалось созданнымъ для того, чтобъ оказывать сопротивленіе. Обѣими ножками заразъ выпрыгнула она изъ носилокъ, крѣпко ухватилась за дверцу и задорно закинула голову съ густыми черными локонами. Личико у ней было бѣлое, щеки румяныя, а голубые глаза также блестѣли довольно ярко; но не вопросительно, а съ вызывающимъ видомъ взглянула она на моихъ родителей. Когда же дѣвочка осмотрѣлась, то вздернула пунцовыя дѣтскія губки, какъ будто окружающее показалось ей недостойнымъ вниманія и слишкомъ мизернымъ.

Это взбѣсило меня въ семилѣтнемъ ребенкѣ, но я сказалъ себѣ, что у насъ прекрасно, хотя, благодаря заботамъ отца, совершенно просто и незатѣливо, а потому должно казаться некрасивымъ маленькой царевнѣ въ сравненіи съ мраморомъ, золотомъ и пурпуромъ царскаго дворца, откуда она пріѣхала.

И у нея также было прекрасно очерченное личико, которое бросилось бы въ глаза среди многихъ другихъ. Когда же я услышалъ вслѣдъ затѣмъ, какъ она повелительно приказывала и упрямо настаивала на каждомъ своемъ требованіи, то подумалъ въ своей мальчишеской мудрости, что Арсиноѣ слѣдовало быть старшей, такъ какъ ей болѣе пристало управлять скипетромъ, чѣмъ сестрѣ. Свое мнѣніе я высказалъ Хармионъ и Стратону, но скоро мы все увидѣли—кому было свойственно истинное величіе, потому что Арси-

ноя могла, когда что нибудь дѣлали не по ней, плакать, рыдать и рваться, какъ бѣшеная, а, когда это не помогало, выпрашивать и мучить другихъ, тогда какъ Клеопатра всегда достигала желаемого другими путями. Она уже и тогда узнала силу своего побѣдоноснаго оружія, но и, пользуясь имъ, оставалась дочерью царя.

Хотя ни одинъ ребенокъ изъ семьи простаго ремесленника не былъ болѣе далеку отъ всякой напускной величавости, какъ это воплощеніе увлекательнѣйшей дѣтской прелести, но того, чего требовали ея пылкія чувства горячѣе всего и въ чемъ ей отказывали самымъ рѣшительнымъ образомъ, она умѣла добиться нѣжными звуками своего голоса, недолимыми чарами взгляда, а въ крайнемъ случаѣ нѣмыми слезами. Когда такая молчаливая слеза сопровождалась граціознымъ жестомъ поднятыхъ рукъ и немногими ласковыми словами, какъ, на примѣръ: »Это доставило бы мнѣ такое счастье!« или »Развѣ ты не видишь, какъ я огорчена?« тогда никакой отказъ не былъ возможенъ, и даже въ послѣдствіи молчаливая слеза и необыкновенно гармоническій голосъ доставляли ей побѣду въ рѣшительныхъ вопросахъ жизни.

Мы, дѣти, вскорѣ сдѣлались между собою товарищами игръ, добрыми друзьями, потому что родители только тогда приступили къ ученію царскихъ дѣтей, когда тѣ совершенно привыкли у насъ. Арсиноѣ такая отсрочка была пріятна, хотя она уже умѣла читать и писать, но Клеопатра не разъ выражала желаніе послушать мудрости отца, о которой ей рассказывали раньше.

Царь и ея прежніе учителя сильно подстрекнули ожиданія родителей, говоря о свѣтломъ умѣ этого необыкновеннаго ребенка, а врачъ Олимпій схватилъ меня однажды за локоны и посовѣтоваль мнѣ хорошенько преуспѣвать въ ученіи, чтобы царская дочка не перегнала сына философа. Я всегда принадлежалъ къ самымъ лучшимъ ученикамъ и со смѣхомъ увернулся изъ рукъ врача, говоря, что мнѣ нечего особенно утруждать себя.

Однако я вскорѣ убѣдился, что его предостереженіе не было безосновательнымъ. Вы, пожалуй, думаете, что сердце обманываетъ стараго дурака и что въ очарованномъ саду воспоминаній дѣтства богато одаренная дѣвочка обратилась для него въ юную богиню? Этого, конечно, нѣтъ, такъ какъ

небожители должны быть свободны от недостатковъ и слабостей смертныхъ людей.

— А что лишило Клеопатру славы уподобиться богамъ? съ любопытствомъ перебила рассказчика Барина.

Тогда Архидій отвѣтилъ съ тонкой улыбкой, въ которой скрывался отчасти упрекъ:

— Еслибъ я говорилъ о ея добродѣтеляхъ, тебѣ едва ли бы пришло въ голову спрашивать меня подробнѣе. Но зачѣмъ я стану пытаться скрывать то, что она достаточно ясно обнаруживала передъ свѣтомъ всей своей жизнью? Ложь и лицемеріе всегда были ей чужды, какъ рыбная ловля сыну пустыни. Что съ дѣтства и до сегодняшняго дня было основными чертами ея существа и жизни и управляло этимъ необыкновеннымъ созданіемъ, такъ это два никогда ненасытимыхъ желанія: во первыхъ, превосходить каждаго во всемъ, даже самомъ трудномъ, а во вторыхъ, любить и видѣть себя любимой. Изъ этихъ двухъ потребностей произрасло все, что ставитъ ее высоко надъ остальными женщинами. Честолюбіе и любовь поддержать также Клеопатру на гордой высотѣ, на которую они ее возносятъ, подобно двумъ могучимъ крыльямъ, пока они не угаснутъ въ ея пламенной душѣ. До сихъ поръ имъ содѣйствовало въ томъ рѣдкое благоволеніе судьбы и такъ пусть будетъ до конца по волѣ олимпійцевъ!

Тутъ Архидій остановился, вытеръ влажный лобъ, спросилъ о посланномъ и приказалъ доложить ему, какъ только онъ явится. Потомъ важный гость продолжалъ такъ же спокойно, какъ и вначалѣ разговора.

— Царскія дѣти обратились въ нашихъ домашнихъ, а съ теченіемъ времени мы стали смотрѣть на нихъ, какъ на сестеръ. Въ первую зиму царь позволилъ имъ остаться на островѣ Филеѣ только въ самые суровые зимніе мѣсяцы, потому что скучалъ безъ дочерей. Правда, онъ видѣлся съ ними довольно рѣдко; проходили цѣлыя недѣли, когда отецъ не показывался, но иногда, напротивъ, онъ являлся каждый день въ простомъ одѣяніи и въ простыхъ носилкахъ посреди нашего сада, потому что держалъ эти свиданія въ тайнѣ ото всѣхъ, кромѣ врача Олимпія.

Тогда я часто видѣлъ, какъ высокій сильный мужчина съ краснымъ одутловатымъ лицомъ дурачился съ дѣтьми точно ремесленникъ по возвращеніи съ работы. Но обык-

новенно онъ оставался у насъ не долго. Съ него, казалось, было достаточно только взглянуть на дочерей. Или, пожалуй, онъ хотѣлъ убѣдиться — хорошо ли имъ въ нашемъ домѣ. Какъ бы то ни было, но никто не смѣлъ приблизиться къ группѣ вязовъ, подъ тѣнью которыхъ онъ усаживался съ дѣтьми.

Но въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ этихъ деревьевъ можно было отлично спрятаться, и потому я знаю не съ чужихъ словъ, о чемъ онъ выпрашивалъ царевенъ.

Клеопатрѣ съ самаго начала понравилось у насъ, Арсиноя же не скоро свыклась съ новой обстановкой. Однако царь придавалъ вѣсь только мнѣнію старшей дочери, которую какъ будто одну онъ только видѣлъ и слышалъ, точно влюбленный. Часто покачивалъ онъ также своей большой головою и при ея меткихъ отвѣтахъ смѣялся такъ громко, что его раскатистый хохотъ былъ слышенъ въ домѣ.

Но однажды я увидѣлъ, какъ по его багровымъ щекамъ катились одна за другою крупныя слезы, а между тѣмъ его тогдашнее посѣщеніе было еще короче обыкновеннаго. Закрытая гармамакса, въ которой онъ прѣхалъ, отвезла его изъ нашего дома прямо на корабль. Несчастнаго царя отправили сначала въ Кипръ, а потомъ въ Римъ. Александрійцы и во главѣ ихъ сама царица заставили его покинуть городъ и страну.

Онъ, конечно, былъ недостоинъ короны, но любилъ малютокъ-дочерей какъ истинный отецъ. Страшно и отвратительно было, напротивъ, какъ онъ поносилъ передъ этими невинными нѣжными созданіями мать и старшую сестру, приказывая имъ ненавидѣть и проклинать ихъ, и въ то же время молилъ не забывать о немъ и любить его.

Мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ, Клеопатрѣ — десять. Слыша такія рѣчи царя, я, почитавшій своихъ родителей выше всего на свѣтѣ, чувствовалъ какъ у меня леденѣть кровь, и опять точно бальзамъ пролился въ мое сердце, когда маленькая Арсиноя, проводивъ изгнанника-отца, шепнула на ухо сестрѣ: »мы станемъ ихъ ненавидѣть! Пусть боги пошлютъ имъ гибель!« а Клеопатра съ влажными глазами отвѣтила на это: »нѣтъ, постараемся быть лучше ихъ, совсѣмъ хорошими, Арсиноя, чтобъ небожители любили насъ и вернули намъ отца«.

»Ради того, чтобъ онъ поставилъ тебя тогда цари-

цей!« возразила младшая съ презрѣніемъ, но вся дрожа отъ гнѣва.

Клеопатра съ удивленіемъ взглянула на нее. По ея напряженнымъ чертамъ было замѣтно, что она взвѣшиваетъ смыслъ этихъ словъ, и я, какъ теперь, вижу передъ собою ея внезапно выпрямившуюся фигурку и слышу самоувѣренный отвѣтъ: »ну да, я хочу быть царицей!«

Потомъ она перемѣнила тонъ и съ самымъ ласковымъ оттѣнкомъ своего гибкаго голоса стала просить сестру: »Не правда ли, вѣдь ты никогда больше не станешь говорить мнѣ такихъ гадкихъ вещей?«

Это было въ то время, когда уроки моего отца стали дѣйствовать на ея душу. Что предсказала Олимпій, исполнилось очень скоро. Хотя я посѣщала школу риторовъ, однако на урокахъ царевенъ мнѣ также позволялось высказывать свое мнѣніе на задаваемые дѣвочкамъ темы, и порою я долженъ былъ сознаться, что Клеопатрѣ удавалось лучше моего развить свою мысль.

Вскорѣ пришлось преодолѣвать и большія трудности, потому что умъ этого удивительнаго ребенка требовалъ болѣе серьезной пищи и дѣвочку стали знакомить съ философіей. Отецъ самъ принадлежалъ къ школѣ Эпикура; противъ всякаго ожиданія ему удалось сильно заинтересовать ученіемъ этого философа свою любознательную ученицу. Она познакомилась также и съ другими великими мыслителями, но постоянно возвращалась къ Эпикуру и ей хотѣлось, чтобы всѣ мы, ея сотоварищи, вмѣстѣ съ нею вели жизнь настоящихъ учениковъ благороднаго уроженца острова Самоса.

Вы, конечно, знаете ближе отъ отца и брата ученіе Эпикура, но, разумѣется, также слышали, что Эпикуръ проводилъ послѣднее время своей жизни въ своемъ саду въ Афинахъ со своими друзьями и учениками въ тихихъ размышленіяхъ и поучительныхъ бесѣдахъ. Клеопатра желала, чтобы мы подражали такому образу жизни и назывались »учениками Эпикура«.

Исключая Арсиной, которая предпочитала болѣе оживленное препровожденіе времени и перетянула на свою сторону моего брата Стратона, отличавшагося уже и тогда исполинскою силою, намъ пришлось по душѣ затѣя молодой царевны. Я былъ выбранъ учителемъ, но однако, замѣтивъ,

что Клеопатра не прочь сама взять на себя эту роль, уступилъ ей свое мѣсто.

На слѣдующій день, въ свободные отъ занятій послѣобѣденные часы, мы стали прохаживаться взадъ и впередъ по саду, и бесѣда о »вышемъ благѣ«[»] шла съ такою живостью, Клеопатра такъ искусно управляла ею и такъ удачно рѣшала спорные вопросы, что мы неохотно прервали наши разсужденія, заслышавъ удары въ мѣдную доску, призывавшіе насъ домой; а весь вечеръ между нами только и было рѣчи о завтрашнихъ упражненіяхъ въ философіи.

На слѣдующее утро отецъ увидѣлъ нѣсколькихъ поселянъ, столпившихся противъ уединеннаго сада. Однако онъ не успѣлъ освѣдомиться, что имъ нужно, потому что Тимагенъ, преподававшій исторію — вы знаете, какъ онъ въ послѣдствіи прибылъ въ Римъ военнопленнымъ невольникомъ — поспѣшилъ къ нему съ небольшою доскою въ рукахъ. На ней была точно такая же надпись, какую сдѣлалъ Эпикуръ на воротахъ своего сада: »Чужестранецъ, тебѣ здѣсь будетъ хорошо. Здѣсь высшее благо — удовольствіе«[»].

Передъ солнечнымъ восходомъ Клеопатра написала это объявленіе крупными буквами на доскѣ маленькаго стола и приказала рабу тайно прибить его къ воротамъ.

Эта выдумка могла оказаться пагубной для нашей прекрасной жизни сообща, но невинная затѣя царской дочери имѣла цѣлью только придать нашей подражательной игрѣ сходство съ дѣйствительностью.

И отецъ не сталъ мѣшать придуманной ею забавѣ, но строго запретилъ намъ называться »эпикурейцами«[»] внѣ дворцоваго сада, такъ какъ это благородное названіе уже давно получило у людей чуждый ему смыслъ. Эпикуръ говорить, что истинное наслажденіе можно найти лишь въ спокойствіи души и въ отсутствіи страданія.

— Однако цѣлый свѣтъ, прервала Барина, — считаетъ истинными эпикурейцами богоотступниковъ, подобныхъ Исидору, видящему цѣль жизни въ томъ, чтобъ испытать до дна каждое наслажденіе, которое онъ можетъ приобрѣсти за деньги. Мать не довѣрила бы меня на продолжительное время воспитателю, среди приближенныхъ котораго »удовольствіе«[»] считается высшимъ благомъ.

— Ты дочь философа, возразилъ гость, медленно покачавъ своей большой головой.— и должна понимать, что значить »удовольствіе« въ смыслѣ Эпикура и вѣроятно понимаешь это. Но людямъ непосвященнымъ свойственно ошибаться, не зная, что учитель запрещаетъ стремиться къ одному какому нибудь удовольствію. Имѣете ли вы понятіе о его ученіи? Пожалуй, не совсѣмъ вѣрное? Тогда позвольте разъяснить вамъ его въ короткихъ словахъ. Эпикура часто смѣшиваютъ по ошибкѣ съ Аристиппомъ, ставящимъ чувственное удовольствіе выше духовнаго и полагающимъ, будто бы тѣлесное страданіе тяжелѣе переносить, чѣмъ душевное. Но Эпикуръ считаетъ духовное наслажденіе высшимъ, потому что чувственное, которое онъ, впрочемъ, дозволяетъ вкушать каждому желающему, можетъ доставить наслажденіе только въ настоящемъ, тогда какъ духовное распространяется также на прошедшее и будущее. Цѣль существованія для эпикурейцевъ, какъ сказано, достигается душевнымъ спокойствіемъ и отсутствіемъ страданія, этими высочайшими благами. Также и добродѣтельнымъ слѣдуетъ быть, потому что добродѣтель доставляетъ удовольствіе, ибо никто не можетъ усвоить добродѣтели, не будучи мудрымъ, благороднымъ и справедливымъ, а кто обладаетъ этими достоинствами, тому ни что не нарушитъ душевнаго спокойствія, и такой человѣкъ будетъ истинно счастливымъ, именно согласно понятіямъ учителя. Я давно созналъ опасность, которая кроется въ этомъ ученіи, гдѣ совершенно обходятъ мимо вопросъ о нравственности. Но въ то время оно казалось мнѣ также высочайшимъ.

И какъ все это нравилось юной, еще не тронутой страстями, душѣ мыслящаго ребенка! Ея поразительно сильный умъ трудно было удовлетворить, и Клеопатра дѣйствительно считала самымъ высокимъ наслажденіемъ обогащать его. Также и относительно отсутствія страданія; такую »безболѣзненность« учитель признавалъ первымъ условіемъ пользованія всякимъ удовольствіемъ и называлъ величайшимъ благомъ. Для Клеопатры же, не переносившей даже прикоснованія грубой руки, малѣйшей неудачи, самаго легкаго разочарованія, отсутствіе всего непріятнаго, конечно, было первымъ условіемъ счастливой жизни.

И эта дѣвочка, которую нашъ отецъ однажды сравнилъ съ мыслящимъ цвѣткомъ, безъ жалобъ, какъ героиня, пе-

реносила свою горькую долю: удаленіе отца, смерть матери, позорную жизнь сестры Вереники; даже со мною, въ комъ она приобрѣла новаго брата и кому довѣряла, говорила она объ этихъ грустныхъ вещахъ только скрытыми намеками. Я знаю, она вполне понимала, что происходитъ съ ея родными, и глубоко чувствовала все это. Страданіе становилось между нею и »высочайшимъ благомъ«, но она побуждала его. Когда же дѣвочка сидѣла за ученіемъ, съ какой настойчивостью трудилось это нѣжное созданіе, пока оно преодолевало величайшія трудности, перегоняя Харміонъ и даже меня.

Въ то время я понялъ — почему въ число боговъ включаютъ дѣвственницу, покровительствующую наукамъ, и почему она облачена въ военные доспѣхи.

— Вѣдь вы слышали о томъ — на сколькихъ языкахъ говорить Клеопатра? Одно слово Тимагена запало ей въ душу подобно плодотворному зерну. »Съ каждымъ языкомъ, который ты выучиваешь«, сказалъ онъ ей однажды, »ты приобретаешь себѣ новый народъ«. Между тѣмъ къ царству ея отца принадлежало много народовъ, и если она сдѣлается царицей, они всѣ должны любить ее. Разумѣется, Клеопатра начала съ изученія языка господствующихъ, а не поработенныхъ. Прежде всего ей захотѣлось понимать Лукреція, изложившаго ученіе Эпикура въ стихахъ. Отецъ сдѣлался нашимъ учителемъ, и уже на второй годъ дѣвочка читала этого автора съ такой легкостью, какъ греческую книгу. Съ египетскимъ языкомъ она также была знакома только на половину и теперь быстро изучила его вполне основательно. Во время нашего пребыванія на островѣ Филеѣ, посвященномъ богинѣ Изидѣ, она встрѣтила троглодита *) и захотѣла, чтобъ онъ познакомилъ ее со своимъ языкомъ. Здѣсь, въ Александріи, было достаточно евреевъ, которые преподавали ей свой языкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она изучила родственный съ нимъ — арабскій.

Когда много лѣтъ спустя Клеопатра посѣтила Антонія въ Тарсѣ, воины подумали, что имъ показываютъ образецъ египетскаго волшебства, потому что она говорила съ каждымъ начальникомъ на языкѣ своего народа съ такою бѣгlostью, какъ будто была его соотечественницей.

*) Троглодитъ — пещерный житель.

И такъ шло во всемъ, за что она ни принималась. Въ каждой области знанія опережала царевна насъ всѣхъ. Отстать отъ другихъ было бы невыносимо для ея пылкаго честолюбія.

Римлянинъ Лукрецій сдѣлался ея любимымъ поэтомъ, хотя она также мало благоволила къ его народу, какъ и я. Но самоувѣренная сила врага правилась ей, и однажды она воскликнула при мнѣ: — Да, еслибъ египтяне были римлянами, то я отдала бы нашъ садъ за тронъ сестры Вереники.

Лукрецій постоянно наводилъ ее на мысль объ Эпикурѣ и возбуждалъ тяжелую борьбу въ ея вѣчно дѣятельномъ умѣ. Онъ учитъ, какъ вы хорошо знаете, что жизнь сама по себѣ не есть высокое благо, что не жить — не есть еще бѣдствіе. Жизнь портится именно тѣмъ, что мы считаемъ смерть самымъ тяжкимъ несчастьемъ. Только та душа можетъ достигъ покоя, которая перестанетъ видѣть въ смерти зло. Кто знаетъ, что съ жизнью прекращаются чувства и мышленіе, тотъ не станетъ бояться своего конца, потому что сколько бы милого и дорогаго ни оставлялъ по себѣ умершій на землѣ, вмѣстѣ съ жизнью онъ утрачиваетъ навсегда и привязанность ко всему этому. Заботиться о трупѣ Лукрецій находилъ величайшею глупостью, между тѣмъ какъ вѣра египтянъ, въ которой старался утвердить Клеопатру Анубисъ, учитъ совершенно противоположному.

И Анубису удалось до извѣстной степени достигъ своей цѣли, такъ какъ его личность оказывала сильное вліяніе на царевну и кромѣ того у нея было особенное врожденное влеченіе ко всему мистическому, сверхъестественному, какъ у моего брата Стратона была врожденная сила руки, а у тебя, Барина, даръ музыкальности и голосъ.

Объ вы не разъ видали Анубиса, да и кто изъ александрійцевъ не видалъ этого удивительнаго человѣка? А кому онъ однажды заглянетъ въ глаза, тотъ не скоро позабудетъ его. Онъ дѣйствительно повелѣваетъ таинственными силами и пользовался ими тогда въ своихъ сношеніяхъ съ подрастающей царской дочерью. Ему обязана она тѣмъ, что твердо держится богопочитанія своего народа и, будучи эллинкой каждой каплею крови, любить свой Египетъ и готова принести всякую жертву ради его самостоятельности и величія. Она приказываетъ называть себя »но-

вой Изидой«, а Изида покровительствуетъ египетской магии. Тотъ же Анубисъ посвятилъ Клеопатру въ тайную науку, заставляя ее работать даже на обсерваторіи и въ лабораторіяхъ...

Но все это началось въ нашемъ эпикурейскомъ саду, и отецъ мой не запрещалъ царевнѣ ничего, такъ какъ отецъ Клеопатры далъ знать намъ изъ Рима, что онъ радуется любви дочери къ своему народу и его тайнымъ наукамъ.

А »флейщикъ« тѣмъ временемъ вѣроятно расточалъ кому слѣдовало египетское золото на берегахъ Тибра или нашелъ себѣ сторонниковъ въ лицѣ вѣрующихъ. Послѣ того какъ Помпей, Цезарь и Крассъ заключили триумvirатъ, они согласились на восстановление трона Птолемея. Чтобы достичь этой цѣли, царь тратилъ миллионы за миллионы. Помпей охотно проводилъ бы его самъ въ Египетъ, однако зависть остальныхъ не допустила этого. Габиній, намѣстникъ Сириі, былъ выбранъ ему въ провожатые. Но люди, завладѣвшіе египетскимъ трономъ, не желали уступать его. Вѣдь вы знаете, что царица Вереника, старшая сестра Клеопатры, была замужемъ два раза. Негоднаго перваго мужа она велѣла убить; въ лицѣ же втораго александрійцы избрали ей мужественнаго супруга. Онъ храбро вступилъ въ борьбу съ противниками и сложилъ голову на полѣ битвы.

Сенату вскорѣ стало извѣстно, что Габиній везетъ Птолемея въ свою страну. До насъ же доходили вѣсти очень медленно. Съ такимъ же страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ теперь, ловили мы каждый слухъ.

Клеопатрѣ въ то время шелъ четырнадцатый годъ, и она пышно расцвѣла. Вонъ тотъ портретъ изображаетъ ее уже распустившимся цвѣткомъ. Однако бутонъ отличался еще болѣе восхитительною прелестью. Ея глаза! Какъ ясно и серьезно смотрѣли они! Въ веселыя же минуты эти очи свѣтились какъ звѣзды, и тогда ея маленькій пунцовый ротикъ принималъ невообразимо чарующее, лукавое выраженіе, а на каждой щекѣ появлялась ямочка; теперь онѣ хотя и не такъ глубоки, но до сихъ поръ способны восхитить собою всякаго. Ея носъ былъ нѣжнѣе теперешняго, и маленькій горбикъ на немъ едва замѣтенъ, между тѣмъ какъ на монетахъ онъ выступаетъ слишкомъ рѣзко. Волосы Клеопатры только в послѣдствіи стали темнѣе. Моя сестра Хармионъ не знала лучшаго удовольствія, какъ причесывать ей

густыя волнистыя кудри. »Они мягки какъ шелкъ«, часто увѣряла она и была права. Я видѣлъ всю ихъ красоту, потому что, когда царевна на праздникъ Изиды слѣдовала за статуей богини съ систрумомъ *) въ рукахъ, она должна была распускать свои волосы.

По возвращеніи домой Клеопатра иногда изъ шалости встряхивала головой. Тутъ ея кудри струились водопадомъ ей на плечи, закрывая лицо и всю фигуру. Она была, какъ и теперь, лишь средняго роста, но сложена съ великолѣпной пропорціональностью; только ея станъ былъ болѣе нѣженъ и гибокъ въ ранней юности.

Она умѣла плѣнять рѣшительно всѣхъ и хотя, повидимому, питала къ нашему отцу особенное почтеніе, со мною была всегда довѣрчива и ласкова, на Анубиса смотрѣла съ благочестивой робостью, а съ остроумнымъ Тимагеномъ шутила охотнѣе, чѣмъ съ другими, но съ виду казалось, будто бы она одинаково цѣнитъ всѣхъ, кто ее окружаетъ, тогда какъ Арсиноя не приглашала меня садиться, если тутъ находился Стратонъ, а красавца Менодора, одного изъ отповскихъ учениковъ, пожирала пламенными глазами всякій разъ, какъ онъ къ намъ приходилъ.

Едва стало извѣстно, что царь вернется отъ римлянъ, царица Вереника явилась въ нашъ домъ, чтобы перевезти младшихъ сестеръ въ городъ. Когда же Клеопатра стала просить, чтобы она оставила ее подъ надзоромъ нашихъ родителей и не мѣшала ей учиться, насмѣшливая улыбка мелькнула по лицу Вереники, и молодая женщина обратилась къ своему супругу Архелаю съ бѣглымъ замѣчаніемъ:— Ну, по моему, отъ книгъ ей не будетъ большой бѣды.

Братьямъ царевенъ опекунъ ихъ, Потинъ, позволялъ въ прежнее время изрѣдка посѣщать сестеръ. Теперь же ихъ никуда больше не пускали съ Лохіаса; впрочемъ ни Арсиноя, ни Клеопатра не беспокоились объ нихъ. Маленькіе царевичи робко сторонились отъ ласкъ обѣихъ дѣвочекъ и со своимъ египетскимъ локончикомъ на вискѣ, въ египетскомъ одѣяніи, которое они носили по требованію Потина, казались своимъ сестрамъ совсѣмъ чужими.

Наконецъ, пришла вѣсть, что римляне направились изъ Газы въ нашу сторону, и царевны пришли въ сильное вол-

*) Систрумъ — музыкальный инструментъ, въ родѣ бубна.

неніе. У Арсиной оно свѣтилось въ каждомъ взглядѣ, но Клеопатра умѣла скрыть его, хотя краска часто мѣнялась у ней въ лицѣ, которое не было такимъ бѣлымъ и румянымъ, какъ у сестры, а... какъ бы это сказать?..

— Я понимаю, что ты хочешь выразить, перебила Барина.—Когда я увидѣла Клеопатру, ни что не плѣнило меня въ ней до такой степени, какъ этотъ матовобѣлый налетъ на нѣжной кожѣ, черезъ который только слегка сквозить румянецъ щекъ, какъ свѣтъ огня вонъ сквозь ту алебастровую лампу или краска персиковъ сквозь пушокъ. Эта особенность замѣчается порою у выздоравливающихъ. Лишь своимъ любимцамъ навѣваетъ такой налетъ Афродита на лицо и тѣло, какъ богъ времени — благородную пѣтину на бронзу. Нѣтъ ничего прелестнѣе, когда такія женщины краснѣютъ!

— Однако зоркіе же у тебя глаза! улыбаясь замѣтилъ Архивій.—Дѣйствительно, казалось будто бы не сама Эось*), а ея нѣжный отблескъ окрашиваетъ на западѣ небесный сводъ, когда радость или стыдъ заставляли приливать алую кровь къ щекамъ Клеопатры. Если же царевной овладѣвалъ гнѣвъ, а съ нею это случалось порою еще до возвращенія отца, она страшно блѣднѣла, становясь похожей на мраморное изваяніе или даже на трупъ съ поблѣвшими губами.

Отецъ говаривалъ, что кровь Фискона и другихъ выродившихся предковъ, разучившихся обуздывать свои страсти, заявляла и въ ней свои права. Но дальше! Посланный и безъ того не дасть мнѣ договорить до конца.

Итакъ, Габиній везъ царя обратно. Но когда онъ соединился съ римскимъ войскомъ и вспомогательнымъ отрядомъ этнарха **) Іудеи, ни о немъ, ни объ Антипатрѣ, командовавшемъ военными силами Гиркана, не было больше рѣчи; только имя предводителя римской конницы, Антонія, переходило изъ устъ въ уста. Онъ благополучно провелъ войска черезъ пустыню между Сиріей и египетской дельтой, не потерявъ ни единого человѣка на этомъ опаснѣйшемъ пути, гдѣ погибало много отрядовъ у Сирбонскаго озера и Баратры. Не своему соплеменнику Антипатру, а ему іудейскій

*) Богиня зари — Аврора.

**) Этнархъ — намѣстникъ, начальникъ области.

гарнизонъ Пелузіума сдалъ безъ боя городъ. Въ двухъ битвахъ онъ остался побѣдителемъ, и вторая изъ нихъ, въ которой, какъ вамъ извѣстно, палъ послѣ мужественнаго сопротивленія супругъ Вереники, рѣшила судьбу страны.

Съ тѣхъ поръ, какъ впервые было произнесено имя Антонія, обѣ царевны не могли досыта наслушаться рассказовъ о немъ. Говорили, что между знатными римлянами онъ самый знатный, между храбрецами самый безшабашный, между проказниками и кутилами самый отчаянный и между красавцами самый красивый.

Служанка изъ Мантуи, съ которой Клеопатра упражнялась въ разговорѣ на латинскомъ языкѣ, часто видѣла его и еще болѣе слышала о немъ, а его похождения давали обильную пищу молвѣ среди римлянъ и римлянокъ. Родъ Антонія, какъ утверждали, происходилъ по прямой линіи отъ Геркулеса, на котораго онъ походилъ своей мощной фигурой и великолѣпной черной бородой. Вѣдь вы знаете друга Клеопатры и вамъ извѣстно, что про него можно рассказать много такого, чего не въ состояніи равнодушно слышать дѣвическое ухо, а вѣдь Маркъ-Антоній былъ въ то время почти на пять люстръ *) помоложе теперешняго.

Какъ вслушивалась Арсиноя, когда произносили его имя, какъ быстро мѣнялась краска на щекахъ Клеопатры, когда Тимагенъ позволилъ себѣ назвать его безнравственнымъ развратникомъ. Но вѣдь, конечно, Маркъ-Антоній открылъ ей отцу дорогу въ отечество.

»Флейтщикъ« не позабылъ своихъ дѣвочекъ. Онъ, не принимавшій участія въ сраженіи, вступилъ въ юродь, какъ только оно было выиграно.

Дорога вела мимо нашего сада.

Царь едва успѣлъ возвѣстить дочерямъ черезъ скорохода за четверть часа до своего прибытія, что онъ желаетъ повидаться съ ними. Поспѣшно одѣлись онѣ по праздничному, и видъ ихъ обихъ вполне могъ порадовать отцовское сердце.

Клеопатра все еще не совсѣмъ сравнялась въ ростѣ съ Арсиноей, однако, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, смотрѣла уже расцвѣтшей дѣвушкой, тогда какъ лицо и фигура младшей выдавали, что по годамъ она еще ребенокъ, но сердце у ней было уже не дѣтское.

* Люстры — пятилѣтія

Второпяхъ были нарѣзаны букеты цвѣтовъ, чтобы поднести ихъ возвратившемуся царю. Каждая царевна взяла въ руки по букету, когда поѣздъ приблизился. Мои родители сопровождали ихъ до воротъ сада. Я могъ видѣть все происходившее, но явственно слышалъ то, что говорилось громкимъ голосомъ мужчинъ.

Царь вышелъ изъ дорожнаго экипажа, запряженнаго восьмеркой мидійскихъ бѣлыхъ коней. Важный приближенный слуга, сопровождавшій его, долженъ былъ помочь ему при этомъ. Багровое лицо властелина-пьяницы просіяло восторгомъ, когда онъ увидѣлъ дочерей. Было замѣтно, какъ радостно изумилъ его въ особенности видъ Клеопатры. Конечно, онъ поцѣловалъ также и Арсиною и заключилъ ее въ объятія, но потомъ видѣлъ и слышалъ одну лишь Клеопатру.

Между тѣмъ и младшая дочь роскошно распцвѣла за время ихъ разлуки. Не будь сестры, она, конечно, обратила бы на себя вниманіе каждаго, но та была какъ солнце, затмѣвающее блескъ всѣхъ остальныхъ небесныхъ свѣтилъ. Впрочемъ, нѣтъ! Въ ней не было ничего яркаго, что ослѣпляло бы съ перваго взгляда. Ея очарованіе заключалось между прочимъ въ томъ, что каждый чувствовалъ желаніе всмотрѣться хорошенько въ эту дѣвушку, чтобы дать себѣ отчетъ — въ чемъ состоитъ исходящая отъ нея прелесть.

Антоній также почувствовалъ на себѣ эту притягательную силу, едва услышалъ первыя слова изъ устъ царевны. Онъ подѣхалъ къ экипажу царя и, увидѣвъ возлѣ отца молоденькую дочь, поклонился ей съ небрежной учтивостью. Когда же на его вопросъ — можетъ ли онъ рассчитывать на ея благодарность за то, что такъ скоро привезъ ей отца — Клеопатра отвѣтила ему, что въ качествѣ дочери она рада засвидѣтельствовать ему свою признательность, но въ качествѣ египтянки это для нея труднѣе, — знаменитый римлянинъ заинтересовался ею.

Этотъ отвѣтъ дѣвушки передали мнѣ потомъ, но я видѣлъ, какъ прославленный воинъ при ея послѣднихъ словахъ спрыгнуть съ лошади и бросилъ поводья на руки помогшему царю выйти изъ экипажа, важному Аммонію, точно тотъ былъ его конюхомъ. Поклоннику женщинъ въ его погонѣ за первѣйшими красавицами повстрѣчалась слишкомъ заманчивая добыча, и во время его дальнѣйшаго разговора съ Клеопатрой ея отецъ также виѣшивался въ бесѣду,

причемъ ежеминутно раздавался его громкій раскатистый хохотъ.

Серьезная послѣдовательница Эпикура сдѣлалась неузнаваемой. Ея меткіе отвѣты и поразительныя мысли, конечно, не были для насъ новостью, однако на шутки Тимагена она рѣдко отвѣчала тѣмъ же. Но теперь — что можно было замѣтить по лицамъ разговаривающихъ — Клеопатра сыпала остроумными возраженіями на слова Антонія. Казалось, она встрѣтила перваго, передъ кѣмъ ей стоило выдвинуть впередъ во всемъ блескѣ рѣдкіе дары своего быстрого глубокаго ума внѣ стѣнъ учебной залы. Но при всемъ томъ царица ни на минуту не теряла своего женскаго достоинства; ея глаза блестѣли не ярче, чѣмъ при всякомъ оживленномъ разговорѣ со мною или нашимъ отцомъ.

Совсѣмъ не такъ держала себя Арсиноя.

Когда Антоній спрыгнулъ съ коня, она подошла ближе къ сестрѣ; но такъ какъ римлянинъ попрежнему не обращалъ на нее вниманія, то лицо младшей сестры покраснѣло. Она закусила пунцовыя губки; сильнѣйшая тревога овладѣла всѣмъ ея существомъ, и я, хорошо знавшій Арсиною, видѣлъ по ея глазамъ и вдрагивающимъ ноздрямъ, что она едва удерживается отъ слезъ. Хотя Клеопатра была несравненно ближе моему сердцу, однако мнѣ стало жаль обиженной молодой дѣвушки. Я былъ готовъ дернуть за рукавъ гордаго римлянина, который, дѣйствительно, былъ прекрасенъ, какъ богъ войны, и шепнуть ему, чтобъ онъ не оставлялъ въ пренебреженіи бѣдную дѣвочку, которая также была царской дочерью.

Но Арсиноѣ предстояла еще болѣе тяжкая обида. Когда король, все время державшій въ рукахъ оба букета, сталъ торопиться отъѣздомъ, Антоній взялъ у него одинъ изъ нихъ, и я слышалъ, какъ онъ произнесъ своимъ звучнымъ басомъ:

— Кто называетъ дочерью такой прелестный цвѣтокъ, тому не надо столько другихъ. Потомъ онъ подалъ букетъ Клеопатрѣ и, приложивъ руку къ сердцу, изъявилъ желаніе увидѣться еще съ царевной въ Александріи. Затѣмъ воинъ вскочилъ на коня, котораго блѣдный отъ гнѣва царскій приближенный все еще держалъ въ поводу.

»Флейтщикъ«
былъ въ восторгѣ отъ старшей дочери и сообщилъ моему отцу, что послѣзавтра увезетъ дѣвочекъ

въ городъ. Но завтра ему предстоитъ совершить тамъ дѣла, которыхъ имъ не слѣдуетъ видѣть. Лѣтній дворецъ съ садомъ царь отдавалъ моему отцу въ знакъ своей признательности въ вѣчное и потомственное владѣніе, причемъ обѣщаль позаботиться, чтобы эта передача имущества была законнымъ порядкомъ внесена въ книгу поземельныхъ записей.

Онъ дѣйствительно распорядился формальностями дарственной записи еще въ тотъ же день и прежде всего позаботился бы о нихъ, еслибъ ему не надо было предварительно заняться другимъ: казнью своей дочери Вереники.

Тотъ же самый царь, который при свиданіи съ дѣтми показался всѣмъ присутствовавшимъ сердечнымъ человѣкомъ и нѣжнымъ отцомъ, былъ готовъ въ то время перерѣзать половину жителей Александрии, еслибъ Антоній не вмѣшался въ дѣло. Римскій сановникъ запретилъ кровопролитіе и почтилъ павшаго на полѣ брани супруга Вереники великолѣпнымъ погребеніемъ.

Когда конь уносилъ его отъ нашего сада, онъ еще нѣсколько разъ оборачивался къ Клеопатрѣ; но Арсиноѣ знаменитый гость уже не могъ теперь поклониться, потому что она успѣшила убѣжать въ садъ. По ея припухшему лицу можно было видѣть, что царевна горько плакала.

Съ того дня она смертельно возненавидѣла Клеопатру.

Царь приказалъ въ назначенное время перевезти обѣихъ дочерей въ городъ. Этотъ переѣздъ совершился съ царственной пышностью. Александрійцы, привѣтствовали царевенъ восторженными кликами, когда ихъ несли по Царской улицѣ на золотыхъ тронахъ подъ опахалами изъ страусовыхъ перьевъ въ сопровожденіи блестящаго кортежа сановниковъ предводителей войска и членовъ городского сената. Съ гордымъ величіемъ, какъ будто она была уже царицей, отвѣчала Клеопатра на привѣтствія народа. Кто видѣлъ бы ее, когда она въ слезахъ поочередно прощалась со всѣми нами, увѣряя cadaго въ своей благодарности и общая никогда не забывать, когда она мнѣ, котораго союзъ эфебовъ уже избралъ своимъ главою, съ такою сестринской нѣжностью...

Тутъ Архібій былъ прерванъ приходомъ невольника, доложившаго о возвращеніи его посланнаго, и быстро поднялся съ мѣста, чтобы переговорить съ нимъ съ глазу на глазъ въ мастерской, куда провели пришедшаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Люди, посланные Архибиемъ на развѣдки, не узнали ничего положительнаго. Но царскій скороходъ недавно принесъ ему письменную дощечку отъ Ирасъ съ приглашеніемъ посѣтить ее завтрашній день. По ея словамъ, были получены тревожныя, но, къ счастью, пока не подтвердившіяся извѣстія. Регентъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы дознаться чего нибудь достовѣрнаго, однако препятствіемъ къ тому служить укоренившееся недовѣріе мореходовъ и людей, живущихъ въ гавани, какъ къ правительству, такъ и ко всѣмъ, кто имѣетъ съ нимъ близкую связь. Человѣку независимо, подобно Архибію, гораздо легче собрать нужныя свѣдѣнія, чѣмъ начальнику порта со всѣми его кораблями и подчиненными.

Дощечка сопровождалась другою, въ которой подателю разрѣшалось отъ имени регента во всякое время распорядиться поднять гаванную цѣпь, выѣхать въ открытое море и безпрепятственно вернуться обратно.

Посланный, начальникъ матросовъ, рабовъ Архибія, былъ человѣкъ опытный. Онъ взялъ на себя снарядить черезъ два часа для поѣздки въ открытое море »Эпикуръ«, отличное быстроходное парусное судно, подаренное Клеопатрой своему другу, и послать за господиномъ экипажъ, чтобъ не терять напрасно времени.

Когда Архибій вернулся къ женщинамъ, то спросилъ—не злоупотребить ли онъ ихъ гостепріимствомъ, если и теперь, незадолго до полуночи, значительно отсрочить свой отъѣздъ. Но обѣ хозяйки только обрадовались этому и стали просить о продолженіи разсказа.

— Я долженъ поспѣшить, началъ онъ, наскоро утоливъ голодь легкимъ ужиномъ, который подала ему Вереника, пока онъ разговаривалъ съ посланнымъ.—О томъ, что принесли послѣдующіе годы, не стоитъ особенно распространяться. Кромѣ того я самъ съ тѣхъ поръ усиленно занимался науками въ музеѣ.

Что касается Клеопатры и Арсиной, то онѣ стояли, какъ царицы, во главѣ придворнаго штата. Тотъ день, въ которой онѣ покинули нашъ домъ, былъ послѣднимъ днемъ ихъ дѣтства.

Кто можетъ утвердительно сказать — послужили ли причиной рѣзкой переменѣны, происшедшей тогда съ Клеопатрою, вторичное воцареніе ея отца и встрѣча съ Антоніемъ?

Незадолго до отъѣзда отъ насъ обѣихъ царевенъ моя мать выразила сожалѣніе, что она должна отдать Клеопатру на руки такому отцу, какъ »флейщикъ«, вмѣсто почтенной, достойной матери, тогда какъ лучшая изъ матерей могла бы гордиться такою дочерью. Однако впоследствии поступки и характеръ молодой царевны скорѣе были способны привести въ восторгъ мужчинъ, чѣмъ составить счастье матери. Стремленіе къ душевному миру, казалось, пропало у ней безслѣдно. Только порою шумныя празднества, пѣніе и музыка, въ которыхъ не было недостатка во дворцѣ вѣнценоснаго виртуоза, наскучили дѣвушкѣ. Тогда она появлялась въ нашемъ саду, чтобы остаться тамъ даже на нѣсколько дней. Арсиноя ни разу не сопутствовала сестрѣ, потому что ее приковывалъ къ себѣ то златокудрый офицеръ, начальникъ германскихъ всадниковъ, оставленныхъ Габиніемъ въ составѣ александрійскаго гарнизона, то знатный македонянинъ изъ числа такъ называемыхъ »царскихъ юношей« или пажей, которые въ то время занимали еще караулы во дворцѣ.

Клеопатра жила отдѣльно отъ сестры, и Арсиноя явно выказывала ей свою враждебность съ тѣхъ поръ, какъ та потребовала, чтобы младшая царевна перестала давать пищу неприличнымъ толкамъ, вызываемымъ ея любовными похожденіями.

Сама Клеопатра держала себя строго.

Хотя она и занималась иногда египетской магіей, но ясный умъ до того породнилъ ее съ философіей эллиновъ, что для молодой царевны было особеннымъ удовольствіемъ бесѣдовать въ музеѣ — а она являлась туда нерѣдко — съ руководителями разныхъ школъ или присутствовать на ученыхъ диспутахъ. Ея самоувѣренность сильно возросла. Хотя Клеопатра и увѣряла, оставаясь гостить у насъ, что жалѣетъ о мирной жизни въ саду эпикура, однако она ревностно слѣдила за ходомъ мировыхъ событій и государственной политикой. Что происходило въ Римѣ, чего хотѣли и домогались партіи, было ей такъ же знакомо, какъ личности правителей, ихъ свойства, виды и цѣли.

За карьерой Марка-Антонія слѣдила она съ горячимъ участіемъ. Ему принадлежала ея первая юношеская любовь. Клеопатра ожидала отъ него величайшихъ подвиговъ, но въ послѣдствіи образъ дѣйствій римлянина, казалось, обманулъ эти восторженные надежды. Въ то время она отзывалась о немъ съ отгѣнкомъ презрѣнія, однако сердце въ этомъ не участвовало.

Помпея, которому дѣвушка была обязана возвращеніемъ отца, она считала болѣе счастливымъ, чѣмъ великимъ и мудрымъ, о Юліѣ же Цезарѣ еще задолго до того, когда они познакомились лично, Клеопатра напротивъ, отзывалась съ пламеннымъ воодушевленіемъ, хотя и знала, что онъ охотно обратилъ бы Египетъ въ римскую провинцію. Величайшимъ, чего она ожидала отъ этого энергичнаго человѣка, было то, что онъ уничтожитъ ненавистную ей республику, чтобы сдѣлаться тираномъ надъ заносчивыми властелинами міра. Только тогда она охотно поставила бы на его мѣсто Антонія. Какъ часто прибѣгала въ то время царица къ тайнствамъ магіи, чтобы узнать его будущее. Отецъ принималъ участіе въ этихъ занятіяхъ дочери тѣмъ болѣе, что надѣялся черезъ нихъ и черезъ могущество Изиды получить исцѣленіе отъ своихъ многочисленныхъ и тяжелыхъ недуговъ.

Братья Клеопатры все еще были небольшими мальчиками и вполнѣ зависѣли отъ своего опекуна Потина, которому царь предоставилъ управленіе государствомъ, а также отъ своего воспитателя Θεодота, мудраго, но безсовѣстнаго ритора. Оба они и Ахиллъ, предводитель войскъ, охотно возвели бы на тронъ Діониса, старшаго изъ мужскихъ наслѣдниковъ царя, чтобы въ послѣдствіи вертѣть имъ по произволу. Однако »флейтчикъ«
обманулъ ихъ расчеты. Вы знаете, что въ своемъ завѣщаніи онъ назначилъ своей наслѣдницей любимую дочь, но она должна была раздѣлить тронъ съ братомъ Діонисомъ. Это произвело большой скандалъ въ Римѣ, хотя соответствовало старинному обычаю египтянъ и дома Птолемеевъ.

»Флейтчикъ«
умеръ. Клеопатра сдѣлалась царицей.

Для Клеопатры наступило тяжелое время. Ея жизнь была постоянной борьбой противъ низкихъ интригъ, причемъ самая ядовитая изъ нихъ затѣвала Арсиноя. Младшая сестра окружила себя собственнымъ придворнымъ штатомъ, во

главѣ котораго стоялъ евнухъ Ганимедь, опытный военачальникъ и мудрый, совершенно преданный ей, совѣтчикъ. Онъ съумѣлъ сблизить ее съ Потинемъ и другими государственными мужами, такъ что наконецъ все, имѣвшее власть въ царскихъ дворцахъ, соединилось вмѣстѣ, одушевленное стремленіемъ свергнуть Клеопатру съ престола. Потинъ, Θεодотъ и Ахиллъ ненавидѣли ее, потому что она съ своей стороны видѣла ихъ насквозь и давала имъ чувствовать превосходство своего ума. Ихъ соединеннымъ усиліямъ удалось бы достигъ желаемаго — избавиться онъ ненавистной царицы, еслибъ александрійцы и во главѣ ихъ эфебы *), на которыхъ я попрежнему имѣлъ нѣкоторое вліяніе, не такъ твердо стояли за нее. Все юношество питало къ Клеопатрѣ восторженную любовь, и между македонскою знатью въ числѣ царскихъ тѣлохранителей большинство было готово отдать за Клеопатру жизнь, хотя она заставляла этихъ людей смотрѣть на себя безъ малѣйшей надежды, какъ на недостижимое божество.

Когда умеръ ея отецъ, ей было всего семнадцать лѣтъ, однако она умѣла защищаться отъ враговъ не хуже мужчины. Сестра моя Харміонъ, которую Клеопатра взяла къ себѣ на службу, оказывала ей большую поддержку. Эта дѣвушка была въ то время красива, привлекательна и не имѣла недостатка въ женихахъ; но очарованіе царицы держало мою сестру въ своей власти точно крѣпкія узы. Добровольно отказалась она отъ любви къ одному благородному человѣку — твоему мужу впоследствии, госпожа Вереника, что тебѣ хорошо извѣстно, и эта жертва была принесена ради того, чтобъ не покинуть царственную подругу въ такое время, когда та въ ней особенно нуждалась. Съ тѣхъ поръ Харміонъ закрыла свое сердце для любви. Оно безраздѣльно принадлежитъ Клеопатрѣ. Для одной царицы живетъ она, о ней одной думаетъ, о ней одной заботится до настоящаго дня. Тебя, Барина, она любитъ, потому что Леонаксъ, твой отецъ, былъ когда-то дорогъ ея сердцу. Ирасъ, имя которой такъ часто упоминаютъ рядомъ съ нею, дочь нашей старшей сестры; та была уже замужемъ, когда царь довѣрилъ нашему отцу своихъ дочерей. Ирасъ двѣнадцатью годами моложе Клео-

*) Эфебы — общество македонскихъ юношей.

патры, но и она ставитъ свою госпожу выше всего на свѣтѣ. Ея отецъ, богачъ Кратесъ, ни за что не хотѣлъ позволить ей поступить на службу къ царицѣ. Но все оказалось напраснымъ. Одного разговора съ этой удивительной женщиной было достаточно, чтобъ навсегда привязать къ ней Ирасъ. Однако я долженъ быть краткимъ. Вы, конечно, слышали—какой горячій пріемъ оказала Клеопатра сыну Помпея, когда тотъ пріѣхалъ въ Александрію. Со времени встрѣчи съ Антоніемъ она никого не удостоивала такимъ благоволеніемъ, и это было сдѣлано не изъ сердечной склонности, но ради огражденія самостоятельности любимаго отечества. Отецъ Гнейюса былъ въ то время самымъ могущественнымъ человѣкомъ, и политика заставляла царицу склонить его на свою сторону, выказывая вниманіе сыну. Юный римлянинъ, когда они прощались, былъ также »полонъ ею«, какъ говорятъ египтяне. Это радовало ее; но пріѣздъ чужестранца далъ сильное оружіе въ руки враговъ царицы. Не было той клеветы, которой не взводили бы на нее. Знатные начальники дворцовой стражи, видѣвшіе Клеопатру лишь гордой повелительницей, замѣчали ея дружеское, ласковое обращеніе съ сыномъ Помпея, какъ съ равнымъ себѣ, а на театральныхъ представленіяхъ и на другихъ торжествахъ александрійцы были свидѣтелями, какъ она платила ему любезностью за любезность. Между тѣмъ ненависть къ Риму въ то время бушевала среди населенія столицы; регенты въ союзѣ съ Арсиноей распускали слухи, будто бы Клеопатра хочетъ выдать Египетъ Помпею, если сенатъ предоставитъ ей одной власть надъ новой провинціей и дозволитъ царицѣ отдѣлаться отъ царственного брата и супруга.

Клеопатра была принуждена бѣжать: она отправилась сначала на сирійскую границу, чтобы собрать вокругъ себя сторонниковъ подъ предводительствомъ азіатскаго государя. Мнѣ и моему брату Стратону — вѣдь ты, Вереника, знала этого великолѣпнаго юношу, получившаго въ Олимпіи вѣнокъ за единоборство? — было дано порученіе отъ царицы вести за ней казну. Хотя мы подвергались большой опасности, но съ радостью исполнили этотъ приказъ и выѣхали изъ Александріи съ нѣсколькими верблюдами, телѣгой, запряженной волами, и со многими довѣренными невольниками. Такъ намъ приходилось добратся до Газы, гдѣ царица на-

чала уже собирать войско. Оба мы переодѣлись навуеѣйскими купцами и тогда мнѣ очень пригодилось знаніе многихъ языковъ, которые я изучилъ, чтобы не отстать отъ Клеопатры.

То было тревожное время. Имена Помпея и Цезаря вторялись всѣми. Послѣ пораженія при Диррахіумѣ дѣло Юлія, казалось, погнбло, но фарсальское сраженіе снова дало ему перевѣсъ, еслибъ Востокъ не поднялся за Помпея. Оба казались любимцами счастья. Теперь шелъ вопросъ о томъ — кому лучше сохранять вѣрность его сторонники.

Сестра моя Харміонъ сопровождала царицу; но черезъ одну изъ преданныхъ ей приближенныхъ Арсиной мы узнали новость изъ дворца, что судьба Помпея рѣшена. Послѣ пораженія подъ Фарсаломъ онъ направлялся какъ бѣглець въ Египетъ и просилъ у царя, т. е. у правящихъ за него людей, благосклоннаго приѣма. Рѣдко приходилось Потину и его союзникамъ попадать въ большее затрудненіе. Войска и корабли побѣдоноснаго цезаря стояли по близости. Многие подчиненные Габинія служили въ египетскомъ войскѣ. Радужный приѣмъ побѣжденному Помпею могъ возстановить противъ египтянъ побѣдителя Цезаря. Я долженъ былъ сдѣлаться свидѣтелемъ ужаснаго рѣшенія этой дилеммы. Проклятое изреченіе Θεодота: »Мертвыя собаки больше не кусаются« встрѣтило себѣ отголосокъ въ другихъ.

Мы съ братомъ достигли со своимъ драгоценнымъ грузомъ горы Казія и разбили палатки, чтобъ выждать тамъ посланнаго, какъ вдругъ со стороны города прискакалъ большой отрядъ вооруженныхъ воиновъ. Сначала мы подумали въ испугѣ, что это погоня за нами; однако лазутчикъ донесъ, что между солдатами находится самъ царь и въ то же время къ берегу приблизился большой адмиральскій корабль римлянъ. Онъ могъ принадлежать только Помпею. Значить, въ Александріи перемѣнили намѣреніе, и царь выѣхалъ лично на встрѣчу почетному гостю. Войска расположились на пологомъ берегу, надъ которымъ возвышался храмъ казійскаго Аммона.

Сентябрьское солнце ярко свѣтило, играя на боевыхъ доспѣхахъ и оружіи. Съ высокой стѣны сухаго рѣчнаго ложа, въ которомъ мы разбили палатку, передъ нами раз-

вѣвалось что-то алое, какъ кровь. То былъ пурпурный плащъ царя. Волны тихо плескали, подгоняемыя осеннимъ вѣтромъ, лазурныя, словно цѣаны, надъ желтымъ пескомъ дюны; король остановился. Защитивъ рукою глаза, смотрѣлъ онъ по направленію къ адмиральскому кораблю. Ахиллъ, предводитель войска, и съ нимъ трибунъ Септимій, принадлежавшій къ римскому гарнизону въ Александрію—человѣкъ, о которомъ я слышалъ, что онъ служилъ подъ начальствомъ Помпея и былъ немало ему обязанъ — сѣли тѣмъ временемъ въ лодку и поѣхали къ кораблю, не могшему пристать къ самому берегу по причинѣ мелко-воды.

Тутъ начались переговоры. Ахиллъ, вѣроятно, съ большимъ радушіемъ предложилъ бѣглецу гостепріимство и умѣлъ внушить ему довѣріе своими рѣчами, потому что какая-то женщина высокаго роста—то была Корнелія, супруга императора—благосклонно кивнула уполномоченному царя въ знакъ благодарности.

Тутъ разсказчикъ остановился, глубоко перевелъ духъ и приложилъ руку ко лбу, когда продолжалъ:

— Ну, что было потомъ... И мнѣ привелось быть очевидцемъ такого ужаса! Какъ часто это событіе описывали совершенно невѣрно, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ все вышло такъ жестоко просто.

Счастье дѣлаетъ своихъ любимцевъ довѣрчивыми. Также было и съ Помпеемъ. Несмотря на преклонный возрастъ—ему не доставало только двухъ лѣтъ до шестидесяти—онъ довольно проворно спустился въ лодку. Только одинъ вольноотпущенникъ помогъ ему немного. Матросъ—то былъ чернорабочій—оттолкнулъ челнокъ отъ громаднаго корпуса корабля съ такимъ ожесточеніемъ, точно багоръ въ его рукѣ былъ копьемъ, а судно непріателемъ. Онъ покачнулся, такъ какъ удары весель его товарищей понесли уже лодку назадъ, и при этомъ коричневый колпакъ негра свалился въ воду съ его курчавыхъ волосъ. Какъ теперь вижу передъ собою эту сцену. Прежде, чѣмъ я успѣлъ подумать, что то было дурнымъ предзнаменованіемъ, лодка уже остановилась.

Въ этомъ мѣстѣ было очень мелко. Я видѣлъ, какъ Ахиллъ указывалъ на берегъ. Его можно было достигъ однимъ прыжкомъ. Помпей взглянулъ оттуда на царя. Вольно-

отпущенникъ взялъ его подъ руку, чтобы помочь ему встать, Септимій поднялся. Онъ вѣроятно также хотѣлъ поддержать императора. Но нѣтъ! Что это такое? Возлѣ серебристыхъ волосъ Помпея что-то ослѣпительно сверкнуло на солнцѣ, точно искра упала съ неба. Хочетъ ли Помпей защититься отъ Септимія или съ какою нибудь другою цѣлью поднимаетъ онъ руку? Эта рука подняла тогу, и онъ молча закрываетъ ею лицо. Трибунъ еще разъ дѣлаетъ широкій взмахъ оружіемъ. Беспорядочная общая свалка... То тутъ, то тамъ мелькають поднятыя руки; опять что-то сверкнуло въ ясномъ воздухѣ. Ахиллъ, полководецъ, съ такою увѣренностью ударяетъ кинжаломъ, точно онъ напрактиковался въ убійствѣ. Тѣло императора наконецъ тяжело рухнуло наземь. Вольноотпущенникъ поддерживаетъ его.

Вслѣдъ затѣмъ поднимаются съ одной стороны крики ярости, съ другой жалобные голоса, но всѣ ихъ заглушаетъ отчаянный женскій вопль. Онъ доносится съ корабля изъ груди Корнелии, супруги умерщвленнаго. Потомъ клики одобренія изъ лагеря царя; трубные сигналы: египтяне уходятъ. Тутъ снова появляется пунцовый, какъ цвѣтокъ мака, плащъ короля. Ему на встрѣчу идетъ Септимій съ окровавленною головою въ рукѣ. Онъ высоко поднимаетъ ее. Мальчикъ-вѣнценосецъ заглядываетъ въ глаза жертвѣ, которые руководили не однимъ сраженіемъ, управляли Римомъ, двумя частями свѣта. Но этотъ видъ вѣроятно дѣйствуетъ слишкомъ сильно на ребенка, занимающаго египетскій тронъ, потому что онъ отворачивается. Корабль римлянъ отплываетъ отъ берега; египтяне выстраиваются въ ряды, пускаясь въ обратный путь. Ахиллъ положитъ окровавленные руки въ морской водѣ. Рядомъ съ нимъ вольноотпущенникъ обмываетъ обезглавленное тѣло господина. Полководецъ пожимаетъ плечами, когда этотъ вѣрный слуга кричитъ ему что-то, чего мы не можемъ раз-обратить.

Тутъ Архибій умолкъ и перевелъ духъ. Потомъ онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Ахиллъ, какъ я узналъ послѣ, повелъ войско не обратно въ Александрію, а къ востоку, въ Пелузіумъ.

Мы съ братомъ стояли на скалистомъ берегу обрыва и долго ни одинъ изъ насъ не могъ вымолвить слова. Облако пыли скрыло царя съ отрядомъ тѣлохранителей; па-

русь адмиральскаго корабля исчезъ изъ вида. Стало темнѣть; Стратонъ показаль къ западу, къ Александріи. Солнце садилось тамъ за горизонтъ, пылающее багрянцемъ. Далекій городъ словно утопаль въ потокахъ крови.

Наступила ночь. Жалкій огонекъ запылаль на берегу. Какъ его развели? Откуда взялось топливо въ пустынь? На самомъ мѣстѣ убіенія Помпея валялся разбитый челнокъ. Вольноотпущенникъ съ товарищемъ разрубили его. Съ помощью сухого низкорослаго прибрежнаго кустарника, разорванной одежды убитаго и сухой морской травы развели огонь. Теперь пламя разгорѣлось ярко. Мертвое тѣло бережно положили на этотъ ничтожнѣйшій погребальный костеръ. То были смертные останки великаго Помпея! Одинъ изъ ветерановъ императора помогаль вѣрному слугѣ.

При этихъ словахъ Архибій снова откинулся на подушки и прибавиль въ поясненіе:

— Кордусъ, Сервій Кордусъ было имя того человѣка. Впослѣдствіи ему жилось хорошо. Царица позаботилась объ этомъ. А другіе? Всѣхъ ихъ скоро покарала судьба. Θεодота Брутъ приговориль къ мучительной смерти. Когда онъ испускаль громкіе вопли во время казни, одинъ изъ ветерановъ Помпея крикнуль ему: »Мертвые псы не кусаются, но они воють, издыхая«.

Цезарь выказаль на столько благороднаго достоинства, что съ отвращеніемъ отвернулся, когда Θεодотъ принесь ему отрубленную голову противника. Потинъ также напрасно ожидалъ награды за свое гнусное злодѣйство.

Юлій Цезарь вскорѣ по возвращеніи царя въ Александрію сталъ на якорѣ у береговъ Египта. Только по прибытіи узналь онъ о пріемѣ, оказанномъ Помпею. Вы знаете, что онъ пробыль здѣсь девять мѣсяцевъ. Какъ часто приходилось мнѣ слышать, будто бы Клеопатра удержала его здѣсь такъ долго. Это правда и неправда. Полгода онъ оставался въ Египтѣ поневолѣ. Остальные три мѣсяца Юлій дѣйствительно подариль своей возлюбленной.

Да, сердце пятидесятичетырехлѣтняго мужа еще разъ вспыхнуло горячей страстью. Какъ всѣ раны, также и тѣ, которыя наносятся стрѣлами эроса, труднѣе излечимы, когда юность осталась далеко за пострадавшимъ. Не одни глаза и чувства влекли другъ къ другу этихъ людей —

Клеопатру и Юлія Цезаря, до такой степени различныхъ по возрасту, но несравненно болѣе—нравственныя качества обоихъ. Въ лицѣ ихъ столкнулись два окрыленныхъ ума. Геній одного распозналъ геній другаго.

Высочайшая мужественность встрѣтилась съ полнѣйшей женственностью. Между ними должно было возникнуть взаимное тяготѣніе. Я заранѣе предвидѣлъ это, потому что Клеопатра уже давно, затаивъ дыханіе, слѣдила за полетомъ могучаго орла, который далеко превысилъ другихъ, не исключая и того человѣка, который заинтересовалъ ее еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, и она была достаточно сильна, чтобы держаться наряду съ нимъ.

Мы съ братомъ счастливо добрались до Клеопатры и услышали, какъ Цезарь, несмотря на враждебность нашихъ согражданъ, расположился во дворцѣ Птолемеевъ и принялся за водвореніе порядка въ Египтѣ.

Мы знали—въ какомъ смыслѣ будутъ стараться подѣйствовать на него Потинъ, Архиллъ и Арсиноя. Что же касается Клеопатры, то она справедливо безпокоилась, чтобъ ея враги не выдали Риму Египта безъ всякихъ условій, если цезарь отдастъ имъ въ руки брезды правленія. Царица имѣла основаніе бояться этого, но у нея хватило храбрости рискнуть своей собственной личностью ради такого дѣла.

Вопросъ былъ въ томъ, какъ ей незамѣтно проникнуть въ городъ, попасть во дворецъ и стать въ непосредственныя сношенія съ диктаторомъ. Мой братъ Стратонъ и я оказали ей свое содѣйствіе. До сихъ поръ дѣти рассказывали другъ другу любопытную исторію объ одномъ силачѣ, который пронесъ Клеопатру въ мѣшкѣ въ дворцовыя ворота. Раумѣется, она была скрыта отъ подозрительныхъ глазъ не мѣшкомъ, но завернута въ сирійскій коверъ. Силачъ, герой приключенія, былъ мой братъ Стратонъ. Я шелъ впереди и очищалъ имъ дорогу.

Юлій Цезарь и царица увидали и, такъ сказать, нашли другъ друга. Судьба вывела только заключеніе, вытекавшее изъ вышеприведенныхъ посылокъ. Никогда не видѣлъ я Клеопатру счастливѣе и въ болѣе высокомъ настроеніи ума и сердца, а между тѣмъ она была окружена со всѣхъ сторонъ страшными опасностями, и Юлію Цезарю понадобился весь его геній полководца, чтобы побѣдить встрѣченную имъ дикую

враждебность. Снова повторяю: именно эта враждебность, а не чары Клеопатры крѣпко держали его здѣсь сначала. Что помѣшало бы ему тогда, какъ онъ и сдѣлалъ потомъ, заставить возлюбленную поѣхать за собою въ Римъ, еслибъ онъ еще имѣлъ къ тому возможность? Но обстоятельства оказывались сильнѣе его, благодаря проiscaмъ александрійцевъ.

Онъ призналъ завѣщаніе »флейтчика« и даровалъ египетскому царствующему дому еще болѣе преимуществъ, чѣмъ у него было прежде. Клеопатра съ ея братомъ и супругомъ Діонисомъ должны были раздѣлять между собою верховную власть. Арсиноѣ же и младшему брату онъ отдалъ сверхъ того Кипръ, отнятый самою римскою республикой у дяди ихъ Птоломея. Римъ, конечно, долженъ былъ оставаться опекуномъ братьевъ и сестеръ.

Такое распоряженіе было, конечно, невыносимо для Плотина и прежнихъ правителей государства. Клеопатра полновластная царица, и Римъ, т. е. собственно Цезарь, диктаторъ, ея другъ, опекунъ Египта, это было равносильно для нихъ лишенію могущества, конечной гибели, и они стали защищаться съ энергіей отчаянія.

Египтяне, а также александрійцы стояли на ихъ сторонѣ. Молодой царь тяготился возложеннымъ на него игомъ въ лицѣ нелюбимой сестры. Цезарь пришелъ съ военными силами, далеко не равными ихъ собственнымъ, и пожалуй было можно ниспровергнуть этого могущественнаго властелина. Они стали воевать съ нимъ, не щадя ничего, съ такою настойчивостью и ожесточеніемъ, что никогда еще къ диктатору не была такъ близка опасность быть побѣжденнымъ. Но Клеопатра дѣйствительно не парализовала его силъ и благородной осмотрительности. Нѣтъ! Никогда еще не былъ онъ на столько великъ и никогда не выказывалась въ такомъ блескѣ мощь его генія! И съ какими превосходными силами, съ какой ненавистью приходилось ему бороться! Я былъ очевидцемъ того, какъ юный царь, услыхавъ, что Клеопатрѣ удалось проникнуть во дворецъ и увидаться съ Цезаремъ, выскочилъ въ бѣшенствѣ на улицу, сорвалъ съ головы діадему, швырнулъ ее на мостовую и кричалъ проходящимъ мимо, что его предали, пока солдаты Цезаря не отгѣснили мальчика обратно во дворецъ и не разогнали сбѣжавшейся толпы.

Арсиноя получила болѣе того, на что могла расчитывать, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей было нанесено самое тяжкое оскорбленіе. По прибытіи Цезаря во дворецъ молодая дѣвушка приняла его какъ царица и ожидала всего отъ высокаго гостя. Но тутъ явилась ненавистная сестра: Арсиною забыли ради Клеопатры, какъ это часто случалось еще и раньше.

Это было уже слишкомъ. И вотъ вмѣстѣ съ евнухомъ Ганимедомъ — я уже говорилъ, что онъ былъ отличный воинъ — царевна бѣжала изъ дворца и перешла на сторону враговъ диктатора.

Послѣ того происходили жестокія схватки на морѣ и на сушѣ, на улицахъ города, изъ-за воды, годной для питья, отведенной непріателемъ и при пожарѣ, уничтожившемъ часть Брухіума, а также и бібліотеку при музеѣ. Однако, рискуя умереть отъ жажды, едва не потонувъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непримиримой ненавистью, Юлій Цезарь остался побѣдителемъ даже въ открытомъ сраженіи послѣ того, какъ молодой царь сталъ во главѣ египтянъ и собралъ войско.

Вы знаете, что мальчикъ утонулъ во время бѣгства.

Въ борьбѣ и смертельной опасности посреди крови и звона оружія протекло для Цезаря и Клеопатры цѣлое полугодіе, прежде чѣмъ имъ удалось воспользоваться плодами соединенныхъ усилій. Тутъ диктаторъ объявилъ ее царицей Египта и далъ ей въ соправители младшаго брата, мальчика, который былъ болѣе чѣмъ вдвое моложе сестры. Арсиноѣ подарилъ онъ жизнь, но выслалъ ее въ Италію.

За побѣдой послѣдовалъ миръ. Теперь серьезныя обязанности государственнаго мужа, конечно, призывали его въ Римъ, однако онъ прожилъ въ Египтѣ еще цѣлыхъ три мѣсяца.

Кто зналъ жизнь честолюбиваго Юлія и понималъ во что могла ему обойтись подобная проволочка, тотъ невольно ударить себя ладонью въ лобъ и спросить: правда ли это и возможно ли, чтобъ Цезарь убилъ столько драгоценнаго времени на прогулку съ возлюбленной по Нилу до любимаго Клеопатрой острова Изиды на самой крайней южной границѣ страны? Но это было такъ, и я самъ принадлежалъ къ числу ихъ спутниковъ на второмъ кораблѣ; я не только видѣлъ ихъ вмѣстѣ, но даже не разъ дѣлилъ съ ними трапезу и бесѣду.

Тутъ происходилъ интереснѣйшій взаимный обмѣнъ мнѣній. Убѣжденія то съ одной, то съ другой стороны, высокой полетъ ума, рядъ диссонансовъ, къ которымъ я охотно прислушивался, зная по опыту, что они должны разрешиться прекраснѣйшимъ созвучіемъ. То было время праздника для всѣхъ чувствъ.

— Все это путешествіе по Нилу, перебила Барина, — я представляю себѣ въ видѣ сказочной прогулки, когда шелковые пурпуровые паруса несли Клеопатру къ Антонію вдоль потока Кидноса.

— Нѣтъ, нѣтъ, прервалъ ее въ свою очередь Архивій съ жестомъ отрицанія, — насыщать земную жизнь наслажденіями съ ихъ быстро проходящимъ угаромъ, этому она научилась только ради Антонія. Цезарь требовалъ бѣльшаго: высшее удовлетвореніе доставлялъ ему умъ Клеопатры.

Тутъ рассказчикъ остановился прежде чѣмъ продолжать.

— Конечно, и то не являлось само собою, чѣмъ она въ угоду Антонію изъ года въ годъ, день за днемъ услаждала чувства, чаруя ихъ все новой и новой прелестью.

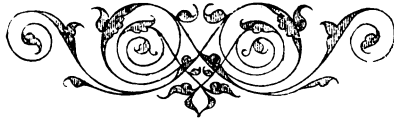
— И на это, воскликнула молодая женщина, — была способна та самая царица, которая признавала, что высшія блага заключаются въ спокойствіи души!

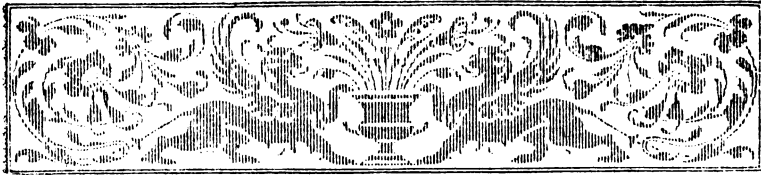
— Та самая, задумчиво подтвердилъ Архивій. Но такъ должно было выйти. Удовольствіе составляло цѣль жизни для подрастающей дѣвочки; прежде чѣмъ проснулась въ ней страсть, душевное спокойствіе было высшимъ благомъ, которое она знала. Но вотъ пришло время, когда оно сдѣлалось для нея недоступнымъ, однако и тутъ въ ея душѣ громко говорило твердо укоренившееся въ ней стремленіе къ счастью. Мой отецъ долженъ былъ внушить Клеопатрѣ, какъ будущей царицѣ, что добро есть основной законъ ея бытія. Онъ не сдѣлалъ этого, такъ какъ ему удалось найти въ своемъ уединеніи высшее счастье, которое учитель обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ. Отъ Аѳинъ до Киренеи, отъ Эпикура до Аристина только одинъ короткій шагъ, и она совершила его, когда забыла — на сколько учитель былъ далекъ отъ того, чтобъ находить высшее благо въ наслажденіи отдѣльно взятыми удовольствіями. Блаженство Эпикура должно было равняться невозмутимому блаженству Зевса, еслибъ у него былъ даже одинъ ячменный хлѣбъ и вода для утоленія голода и жажды.

Тѣмъ не менѣе Клеопатра продолжала считать себя его послѣдовательницей, и когда, много лѣтъ спустя, Антоній велъ войну съ парянами, а ей пришлось долгое время оставаться одной, она снова стала стремиться къ удаленію страданія и душевному спокойствію. Однако государство, дѣти, бракъ Антонія съ Октавіей, тогда какъ римлянинъ давно принадлежалъ ей одной, собственныя сердечныя страданія, Анубисъ, магія и египетскія ученія о жизни послѣ смерти, а прежде всего жгучее честолюбіе, никогда не засыпавшее влеченіе быть любимой тамъ, гдѣ она сама любила, и быть первой между первыми...

Здѣсь Архибій былъ прерванъ приходомъ посланнаго, который доложилъ, что корабль готовъ.

Продолженіе слѣдуетъ

Новый читатель и его пресса

Статистика газетно-журнального дѣла констатируетъ тотъ фактъ, что общее число журналовъ и газетъ въ Россіи (около 900) въ семь разъ меньше, чѣмъ въ Германіи, въ пять разъ меньше, чѣмъ во Франціи, въ четыре раза меньше, чѣмъ въ Англіи. На одинъ миллионъ жителей приходится періодическихъ изданій: въ Швейцаріи — 230, Бельгіи — 153, Германіи — 129, Франціи — 114, Норвегіи — 89, Великобританіи — 88, Австріи — 43, Греціи — 36, Сербіи — 26 и Россіи — 9.

Такимъ образомъ, Россія — на самомъ концѣ.

Но несомнѣнно, что газетно-журнальное дѣло у насъ растетъ и развивается. Читателей прибываетъ. Газета является въ такихъ углахъ, гдѣ недавно еще и слуху не было о ней. Тамъ получались только обязательныя губернскія или епархіальныя вѣдомости, которыя (точнѣе — первыя) не читаемыя и не разрѣзаемыя, валились въ уголь и шли потомъ на „разныя потребности“.

— Зачѣмъ вы и подписываетесь на губернскія вѣдомости? спросилъ я нѣкоего обывателя вологодской труппы, остановившись на ночлегъ въ одно изъ своихъ скитаній по Руси.

— И не сталъ бы выписывать, да безъ выписки посылаютъ. Все Миколай Степановичъ орудуетъ.

„Миколай Степановичъ“ — становой, исполнявшій волю губернскаго начальства. Безъ содѣйствія „Миколая Степановича“ у „Вѣдомостей“ и совсѣмъ не было бы подписчика.

Это было лѣтъ двадцать — пятнадцать тому назадъ.

Теперь картина измѣнилась.

Объявился новый читатель въ такихъ сферахъ, гдѣ его раньше не было. Онъ увлекся чтеніемъ, и газета стала для него необходимостью. Онъ уже не нуждается въ подталкиваніи „Миколая Степановича“ и является не однимъ только номинальнымъ под-

писчикомъ, но и усерднымъ читателемъ. Если по прежнему губернскія вѣдомости лежатъ въ углу и неразрѣзанныя идутъ на потребу, то разныя газетки, имѣющія въ виду именно *новаго читателя*, пользуются у него вниманіемъ, вліяютъ на него. Предпримчивые и смѣтливые журнальные антрепренеры, обладающіе хорошимъ нюхомъ, сдѣлали дѣло, съумѣя уловить пробудившуюся жажду чтенія; замѣтивъ интересъ къ общественной жизни въ обывателѣ, они успѣшили создать для него газету.

Но они заботились не объ его пользѣ, и потому не доступность не популяризація имѣлись въ виду, а лишь забавность.

И новому читателю дали забавную газету, полную уличнаго интереса.

Газета пошла въ ходъ.

Я не имѣю въ виду какой нибудь опредѣленный органъ. Я говорю вообще, что *газета*, отвѣчающая запросу *новаго читателя*, пошла въ ходъ. Вѣдь дѣло не въ названіи. Строго говоря, всѣ *эти газеты* одно и то же, только подъ различными кличками.

Читатель растетъ численно. Улица усиленно читаетъ. Это видно изъ того матеріальнаго успѣха, который имѣютъ органы *новаго читателя*.

Радоваться этому или нѣтъ?

Съ одной стороны — да, съ другой — нѣтъ.

Газета несомнѣнно вліяетъ на читателя, на того новаго читателя, который еще недавно подписывался при содѣйствіи „Миколая Степановича“, но ничего не читаль.

Теперь ему газета нужна.

Она его увлекаетъ.

Но чѣмъ она увлекаетъ? Что она даетъ ему? Чему она его учить и учить ли? воспитываетъ ли?

Факты говорятъ, что число газетъ новаго читателя увеличилось.

Этого мало.

Если увеличилось число потребителей гнилого мяса—развѣ это отраднѣй фактъ?

Газета вліяетъ. Но какъ она вліяетъ на новаго читателя? Онъ вѣритъ газетѣ, каждой печатной строкѣ, начинаетъ думать и глядѣть на все подъ вліяніемъ газетнаго слова.

Говорятъ, что заслуга находчивыхъ предпринимателей въ томъ, что они привлекли новаго читателя, приохотили его къ газетѣ, къ книгѣ.

Но что даетъ газета?

Прежде обыватель не читаль. Теперь много читаетъ.

Но это еще ничего не значитъ.

Предположите, что въ известной мѣстности люди совсѣмъ не имѣли развлеченій. И вотъ явился субъектъ и открылъ „кабачекъ“ à la „Тулонъ“ Бочагова. Всѣ пошли въ него. Лучше ли стало отъ этого?

Вліяніе газеты сильное.

Но чему служитъ *газета новаго читателя*? Свѣту ли? Просвѣщаетъ она массу или развращаетъ ее?

Театръ — школа.

Прекрасно.

Газета тоже школа своего рода для обывателя, еще недавно начавшаго читать. Но какая школа?

Вѣдь есть школы запрещеннаго фокусничества.

Желательно, чтобы масса полюбила театръ. Но развѣ желательно, чтобы она шла въ кафе-шантанъ?

А не является ли, зачастую и большинствомъ своего текста, кафе-шантаномъ *газета новаго читателя*?

Само собой разумѣется, возникаетъ этотъ вопросъ.

Это слѣдуетъ обсудить обстоятельно.

Газета имѣетъ успѣхъ.

Но не обогащаются ли предприниматели путемъ развращенія массы, которую они не поднимаютъ, не просвѣщаютъ, а держатъ на вредной пищѣ, одурманиваютъ умственнымъ гашишемъ? Нельзя воспитывать въ толпѣ гражданское чувство, потворствуя ея низшимъ вкусамъ, разжигая ея грубые инстинкты, возбуждая животныя страсти. Нельзя вести массу впередъ, говоря съ нею языкомъ клоуна, осмѣивая все, даже и достойное поклоненія, приучая толпу относиться съ кондачка къ серьезному и высокому, приучая ее къ преступному легкомыслію, къ потоптанію тѣхъ святыхъ началъ, которые таятся въ душѣ каждаго человѣка. Нельзя совершенствовать и гуманизировать *массу новыхъ читателей*, держа ихъ на кровавыхъ картинахъ, на романахъ съ убійствами, выводя только героевъ острога, рисуя только отвратительныя жизненныя картины, пропагандируя легкую, веселую жизнь, покупаемую цѣной преступленія или ловкаго мошенничества.

Это значитъ развращать читателя, направлять всѣ его думы, инстинкты въ нежелательную и опасную сторону.

Газета должна *новаго читателя* безусловно воспитывать, поднимать и совершенствовать.

Надо говорить о трудѣ, о семьѣ, вести толпу къ идеалу, а не держать ее въ атмосферѣ таверны, въ удушливомъ воздухѣ трактира и непотребнаго дома. Пусть передъ читателями проходятъ герои свѣта и добра, пусть въ его ушахъ звучатъ слова любви и правды, а не рѣчи челоуѣконенавистниковъ, не безшабашныя пѣсни героевъ разгула, шантажа и разврата. Эти

вѣчныя глумленія надъ женщиной, остроты съ букетомъ рынка, сцены паденія, развращенія; это желаніе доватъ, что все продажно, что нѣтъ ни семьи, ни добродѣтели; эта оперетка на пространствѣ почти всего газетнаго листа; это старательное, подробное описаніе въ хроникѣ всевозможныхъ звѣрскихъ преступленій, какое-то смакованіе кровавыхъ картинъ — что это такое, какъ не развращеніе *новаго читателя*?

Онъ увеличивается.

Его газеты растутъ.

Но это не радуетъ, ибо эти газеты развращаютъ массу, понижая весь тонъ печати.

Это печальное и опасное явленіе.

Надо вовремя придти на помощь новому читателю.

Потомъ будетъ, пожалуй, поздно. Вкусъ его окончательно испортится — и онъ отвернется отъ всякой здоровой пищи.

Новому читателю нужны книга и газета.

Но пусть за дѣло воспитанія, за удовлетвореніе пробудившейся жажды чтенія возьмется *истинный писатель*, а не клоунъ, девизъ котораго — ni foi, ni loi!

Этимъ предпринимателямъ, желающимъ при содѣйствіи паяцовъ издавать газеты для массы, пора сказать:

— Вонъ изъ храма! Здѣсь не ваше мѣсто!

А. Кругловъ

ВЪ ПОИСКАХЪ ИДЕАЛА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

VIII

Каждое литературное произведение слагается подъ влияніемъ двухъ силъ: личнаго характера творчества автора и общественныхъ условий, навѣявшихъ произведеніе. Слѣдовательно разрѣшеніе вопроса—почему въ современной русской литературѣ нѣтъ положительныхъ типовъ, надо искать какъ въ личныхъ свойствахъ нашихъ писателей, такъ и въ условіяхъ общественной жизни.

Если обратиться къ первымъ, прежде всего обращаетъ вниманіе то, что у большинства изъ нихъ не только нѣтъ положительныхъ типовъ, но нѣтъ даже желанія заниматься ими. Напримѣръ, г. Короленко даетъ художественныя воспроизведенія душевнаго міра и идеаловъ сибирскаго инородца. Его рассказы этого рода полны самыхъ тонкихъ психологическихъ соображеній, увлекаютъ и заинтересовываютъ читателя, но, конечно, безсилны дать отвѣтъ на вопросъ объ идеалѣ. Г. Альбовъ вводитъ въ своихъ романахъ полунищихъ мастеровыхъ-пьяницъ, забытыхъ, удрученныхъ судьбою бѣдныхъ чиновниковъ, потерявшихъ въ пучинѣ бѣдствій всякій нравственный обликъ...

Причина такого направленія литературы объясняется однимъ словомъ—натурализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ наши писатели—крайніе натуралисты, и являются ли они чистыми эстетиками по убѣжденіямъ, или преслѣдуютъ въ своихъ произведеніяхъ какую либо тенденцію—все же они прежде всего усвоили себѣ основное положеніе натурализма, что всякій предметъ достоинъ описанія. По ученію натуралистической школы, писатель долженъ улавливать изъ несущагося на него потока жизни все, что попадаетъ подъ руку, и воспроизводить это въ своихъ сочиненіяхъ. Жизнь сама позаботится о томъ, чтобы отразиться

достаточно полно и всесторонне, а отъ таланта автора зависитъ придать интересъ любому явленію. Въ природѣ нѣтъ ничего безобразнаго, и все, что достаточно живо воспроизведено художникомъ, — прекрасно, такъ какъ „есть красота даже въ безобразіи“.

Увлекаясь этой эстетической теоріей, наши современные писатели, вообще, мало обращаютъ вниманія на содержаніе своихъ произведеній, да и заботы о формѣ ограничиваются лишь достиженіемъ возможнаго сходства между оригиналомъ и изображеніемъ. Иные писатели ограничиваются даже описаніемъ случайныхъ частныхъ лицъ, встрѣчаемыхъ ими, и воображаютъ, что достаточно описать ихъ точно, чтобы они стали интересны, совершенно забывая, что сами оригиналы, послужившіе имъ для описанія, не возбуждаютъ особеннаго интереса даже среди ихъ знакомыхъ, и тѣмъ менѣе можетъ быть любопытна ихъ копія. Словомъ, событію, факту придается гораздо болѣе значенія, нежели его истолкованію. Оттого, быть можетъ, такой успѣхъ и имѣютъ въ литературѣ полуэтнографическіе романы и повѣсти, вродѣ романовъ гг. Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченко и другихъ, не говоря уже о такихъ произведеніяхъ, какъ повѣсти г. Короленко.

Въ Россіи натурализмъ получилъ кромѣ того особое значеніе, каковаго онъ не имѣетъ даже на его родинѣ, на западѣ. У русскихъ писателей давно подмѣчалась наклонность къ воспроизведенію всего пошлаго, безобразнаго, тяжелаго. Гоголь и Салтыковъ были даже поэтами, специально избличавшими пошлость, и Салтыковъ какъ будто полагалъ, что главная задача литературы въ томъ, чтобы, пародируя стихъ поэта, „гниой общественныхъ ранъ наружу выставить“. Человѣческая пошлость, тупость, подлость особенно охотно воспроизводились гениальнымъ сатирикомъ въ его произведеніяхъ. Съ другой стороны Достоевскій ставилъ заслугу литературы въ отысканіи „искры Божіей“ у падшихъ жншинъ, воровъ, убійцъ, умалишенныхъ и, вообще, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ей менѣе всего подобаеть находиться. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этихъ двухъ писателей—Салтыкова и Достоевскаго—остается русская литература и до сего дня. Съ технической стороны воззрѣнія Салтыкова и Достоевскаго оказываются особенно удобными для писателей. Вѣдь пошлости и низости всегда и всюду много; что же касается до „искры Божіей“, то при желаніи и ее можно различить у самаго закоренѣлаго злодѣя. Потому-то, быть можетъ, наши писатели и слѣдуютъ столь охотно по стопамъ этихъ двухъ талантовъ, съ какою-то особою, непонятною страстностью ища красоту въ безобразіи.

IX

Натуралистическое направленіе оказывается вреднымъ не только потому, что его послѣдователи не ищутъ прекраснаго и не заботятся о воспроизведеніи идеальныхъ стремленій общества, но также и потому, что приемы натурализма вредятъ самому изображенію положительныхъ типовъ. Натурализмъ требуетъ точнѣйшаго и подробнѣйшаго описанія человѣка безъ оцѣнки его качествъ. Что хорошо, что дурно, что существенно, что несущественно — это долженъ рѣшить самъ читатель. Отъ писателя требуется только правда, только фактъ. Теоретики натурализма выражаются даже, что они пишутъ исторію частныхъ лицъ съ такимъ же безстрастіемъ, съ какимъ историкъ пишетъ исторію древнихъ царей и полководцевъ. Такія условія творчества крайне неблагоприятны для созданія не только положительныхъ типовъ, но и типовъ вообще. Писатель какъ будто отказывается отъ существеннѣйшей части своей задачи — произвести оцѣнку общественнаго явленія, предоставляя это читателю, а самъ берется только закрѣпить явленіе на бумагѣ...

Въ жизни не встрѣчается вполнѣ идеальныхъ людей. У каждаго человѣка есть физическая, грубая сторона, которая отнимаетъ у него, вообще, много времени. Между тѣмъ мы цѣнимъ человѣка по его нравственнымъ поступкамъ. Никто не цѣнитъ въ человѣкѣ то, что онъ ѣсть, пьетъ, спитъ, но цѣнятъ его чувства, мысли, поступки... Мало того, у самаго изящнаго человѣка бывають въ обиходѣ ежедневной жизни весьма неизящныя минуты; случается, что человѣкъ болѣетъ, и тогда помрачается даже его нравственный обликъ. Одинъ римскій императоръ, когда его сравнивали съ богомъ, возразилъ, что о степени его божественности лучше справиться у его приближенныхъ рабовъ, и тогда всѣ убѣдились бы, что онъ такой же матеріальный человѣкъ, какъ и всѣ другіе.

Натуралистическая школа требуетъ, чтобы о всѣхъ этихъ непоэтическихъ минутахъ героя говорилось; она требуетъ, чтобы ни объ одной его тѣлесной слабости не умалчивалось и черезъ это, конечно, лишаетъ героя необходимаго для него поэтическаго ореола. Натуралистическая школа требуетъ, чтобы читатель видѣлъ героя во всѣ тѣ моменты, на которые ссылался римскій императоръ, отрицая свою божественность. Наши писатели реалисты особенно охотно выполняютъ это требованіе. Одинъ изъ нихъ, г. Карабчевскій въ своей повѣсти „Господинъ Арсковъ“, надѣлавшей много шума, считаетъ долгомъ сообщить

о своемъ героѣ, имѣющемъ претензію на изящество и усиѣхъ у женщинъ всякій разъ какъ онъ засопитъ или съ шумомъ выпуститъ „задержанное дыханіе“, какъ будто этимъ Арсковъ нравился женщинамъ...

Такое требованіе врядь ли основательно. Сущность героя составляетъ не то, что у него есть такое же тѣло, какъ у другихъ людей, и такія же потребности, какъ у другихъ людей, а какъ разъ то, чего у другихъ людей нѣтъ—его идеальность. Можно быть совершенно вѣрнымъ реальной правдѣ и не говорить о томъ, что принижаетъ героя, приравниваетъ его къ толпѣ, дѣлаетъ его неинтереснымъ. И именно то обстоятельство, что современные наши писатели, при изображеніи своихъ героевъ, не хотяя ограничиться духовной, праздничной стороной ихъ дѣятельности, а непременно тутъ же развѣнчиваютъ своихъ героевъ, намекая читателю, что въ сущности въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, что они такъ себѣ просто люди, тавіе же, какъ и всѣ другіе, и является одною изъ главныхъ причинъ, почему въ современной русской литературѣ нѣтъ положительныхъ типовъ. Василій Теркинъ г-на Боборыкина былъ бы болѣе похожъ на героя, еслибы въ его любовныхъ увлеченіяхъ не подчеркивалась физическая сторона, а объ его купеческихъ расчетахъ говорилось поменьше. Кириллъ Обновленскій г-на Потапенко производилъ бы болѣе идеальное впечатлѣніе, еслибы читателю не преподносились расчеты его съ паствой за требы. Героини г-жи Шапиръ вызывали бы болѣе сочувствія, еслибы авторъ меньше говорилъ о недостаткахъ ихъ туалета и ихъ мелкихъ семейныхъ дрызгахъ...

X

Но помимо господства натурализма въ литературѣ и сами условия современной жизни не благоприятствуютъ появленію героевъ. Теперь для нихъ нѣтъ геройскаго дѣла. Предшествующая эпоха была гораздо плодотворнѣе въ этомъ отношеніи. Нужно было подготовить общество къ принятію освободительной и другихъ прогрессивныхъ реформъ. Въ то время человѣкъ съ высокимъ развитіемъ, сильнымъ чувствомъ всегда могъ найти себѣ поприще не только для дѣятельности, но даже для рѣчей. Тогда просто говорить о возвышенныхъ вещахъ, открывая передъ слушателемъ высокія стороны своей души — было уже достаточно для того, чтобы годиться въ герои романа. И беллетристика пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ просто кишѣла такими героями. Теперь же то, что тогда было ново и возвышенно, обратилось въ общее мѣсто, въ ходячую мораль. Нѣтъ теперь ни крупныхъ общественныхъ вопросовъ, ни вели-

вихъ реформъ: общество нуждается въ скромныхъ, упорныхъ, добросовѣстныхъ работникахъ, а такіе работники нисколько не интересны. Они полезны, но и только.

Могли бы быть, конечно, положительные типы „не у дѣль“, находящіе примѣненіе своимъ талантамъ и стремленіямъ въ болѣе скромной области, но самое изображеніе ихъ тоски по идеалу могло бы сдѣлать ихъ героями; но и такихъ людей теперь мало. Мы переживаемъ переходное время — смѣну однихъ сословій другими.

Дворяне вырождаются, мельчаютъ. По поводу нихъ поневолѣ припоминаются жалобы пастуха Луки-бѣднаго изъ сказа г. Чехова „Свирѣль“, увѣряющаго, что все мельчаетъ и люди, и даже самая природа. Мельчая и вырождаясь, дворяне, изъ страха вымиранія, больше всего заботятся о матеріальныхъ благахъ и о поддержаніи физическаго здоровья. Чувства вырождаются въ ощущенія, смѣлый критическій умъ въ вялое аналитическое пережевываніе настроеній, имѣющее цѣлью оправдать въ собственныхъ глазахъ слабовольность и ничтожность. Таковы въ большинствѣ герои даже высокоталантливаго Чехова. До нравственныхъ ли имъ идеаловъ и тѣмъ болѣе до подвиговъ, когда даже ихъ жалкое существованіе имъ въ тягость?

„Новые люди“, конечно, сильнѣе и здоровѣе прежнихъ интеллигентныхъ классовъ, но они еще такъ грубы; еще такъ недавно они вырывали всякими правдами и неправдами у болѣе сильныхъ свое теперешнее достояніе, что имъ еще хочется насладиться матеріальными преимуществами богатыхъ и независимыхъ людей. Они еще не достигли той нравственной зрѣлости, которая даетъ возможность находить наслажденіе въ духовной жизни. Только грубо осязательныя реальныя блага доступны ихъ природѣ. Даже въ области знанія они предпочитаютъ знанія положительныя. Дальнѣйшій прогрессъ человечества они видятъ лишь въ усовершенствованіи техники, въ измышленіи новыхъ удобствъ жизни и новыхъ физическихъ наслажденій. Напомнимъ хотя бы успѣхъ послѣднихъ романовъ Беллами и Фламмаріона, рисующихъ идеализованную жизнь будущихъ вѣковъ: по мнѣнію этихъ авторовъ люди будутъ только удобнѣе двигаться, съ болѣе большимъ удобствомъ смотрѣть театръ и слушать музыку, слаще ѣсть и мягче спать. Никакого нравственнаго прогресса не измыслила ихъ фантазія.

Таковы матеріальные идеалы и героевъ изъ „новыхъ людей“. Если такіе герои когда и принимаются за работу на пользу ближнему—она у нихъ не идетъ дальше матеріальной благотворительности. Ихъ низменная натура ставитъ выше всего деньги, и если они возвышаются до любви къ ближнему, то несутъ ему только деньги: до потребности въ болѣе отвлечен-

ныхъ благахъ имъ не додуматься. Типичнымъ героямъ изъ «новыхъ людей» можетъ служить Ерошкинъ въ послѣднемъ романѣ г. Потапенко «На пенсію». По крайней мѣрѣ, по замыслу автора, онъ долженъ быть идеальнымъ. Онъ и лекціи для крестьянъ устраиваетъ, и жену отпускаетъ въ Женеву учиться медицинѣ, чтобы потомъ лечить мужиковъ; но состояніе свое Ерошкинъ нажилъ ростовщицествомъ и кулачествомъ насчетъ окрестныхъ помѣщиковъ и хотя увѣряетъ, что этотъ капиталъ, несправедливо нажитый имъ, ему нуженъ потому, что онъ употребитъ его лучше и съ большей пользой для населенія, нежели помѣщики, которые владѣли имъ прежде, но на дѣлѣ Ерошкинъ только окружилъ себя помѣщичьей обстановкой и находить, что эта комфортабельная жизнь очень пріятна... При чемъ тутъ интересы окрестнаго крестьянства—неизвѣстно.

Такимъ образомъ, конечно, не „новые люди“ могутъ дать изъ себя идеальнаго героя; положительные типы изъ ихъ числа—еще въ будущемъ. Посмотримъ, каковъ же можетъ быть герой изъ старыхъ нашихъ культурныхъ классовъ—дворянства и духовенства.

XI

Всѣ положительные типы, отмѣченные у нашихъ молодыхъ авторовъ въ первой статьѣ, отличаются самоотверженіемъ. Всѣ они приносятъ себя въ жертву ближнему. Кирилль Обновленскій всего больше намъ нравится, когда онъ, забывая о себѣ, не замѣчая любви Крупѣвой, лечитъ крестьянъ во время эпидеміи. „Генеральская дочь“—Клавдія Антоновна является въ ореолѣ поэзіи не среди бальной залы, но въ сельской школѣ, среди грубыхъ крестьянокъ, въ домашнюю жизнь которыхъ она входитъ. Калерія г. Боборыкина тоже всего привлекательнѣе, когда она заражается дифтеритомъ, ухаживая за больными. Героини г-жи Шапиръ высоки въ самоотверженіи, съ какимъ онѣ несутъ свой семейный крестъ, выполняя долгъ любящихъ матерей и вѣрныхъ женъ въ то время, когда съ мужьями нравственная связь уже порвана... У всѣхъ этихъ героевъ чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ больше она пренебрегается ими ради ближнихъ и любви къ нимъ.

Съ другой стороны, важнѣйшіе отрицательные типы современной литературы не столько злодѣи, сколько черствые эгоисты, съ преобладаніемъ личныхъ животныхъ инстинктовъ. Таковъ, напримѣръ, грубый, чувственный ревнивецъ Позднышевъ изъ „Крейцеровой Сوناتы“. Таковы же отрицательные типы и у второстепенныхъ писателей. Герой „Здравыхъ по-

натій“ противенъ оттого, что превышаетъ всего ставить комфортъ, доставляемый деньгами, и ради этого комфорта можетъ навязать себѣ любыя чувства. Маруся Аксамитова изъ повѣсти „Обречена“ г. Боборыкина отталкиваетъ именно цинизмомъ, съ какимъ она продается въ жены богатому и глупому восточному князю, чтобы зажить богатой, роскошной жизнью, имѣя нѣсколько виллъ за границей и испытывая чувственную любовь въ объятіяхъ теноровъ и жокеевъ, которыхъ она себѣ возьметъ въ любовники.

Если мы выйдемъ изъ области беллетристики и посмотримъ на то, какой философъ наиболѣе распространенъ въ настоящее время, мы наткнемся на Шопенгауера, философа пессимизма, проповѣдующаго подавленіе воли къ жизни, полный аскетизмъ и самопожертвованіе изъ состраданія къ ближнему. Съ каждымъ годомъ, кромѣ того, все большее и большее распространеніе получаетъ у насъ въ обществѣ истинный буддизмъ, какимъ его понимаютъ изслѣдователи цейлонскихъ буддійскихъ возрѣній и Эдвинъ Арнольдъ въ своей поэмѣ „Свѣтъ Азии“. Очевидно всѣ стремленія общества клонятся къ самоотреченію, къ аскетизму ради любви къ ближнему.

Если припомнить состояніе христіанскаго міра тотчасъ послѣ признанія христіанской религіи, мы найдемъ въ немъ много сходства съ современнымъ состояніемъ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ. Какъ тогда усилилась реакція въ обществѣ противъ христіанства, теперь реакціонная партія получила большой вѣсъ въ Россіи. Какъ тогда, послѣ долгихъ годовъ энергіи, съ какою добивались признанія христіанства, наступило затишье, такъ теперь, послѣ долгихъ общественныхъ броженій, наступило успокоеніе. Прекратилась потребность въ порывистой, лихорадочной дѣятельности, въ краснорѣчивой, нерѣдко сопряженной съ опасностью, проповѣди, въ мученичество ради христіанской вѣры, и болѣе энергичные проповѣдники христіанства бѣжали изъ міра въ пустыню, чтобы тамъ предаваться святымъ подвигамъ и созерцанію Бога. Первые вѣка христіанства дали множество святыхъ аскетовъ, монаховъ, отшельниковъ: въ пустыню шли лучшіе люди, убѣгая отъ разврата городовъ, въ которыхъ, хотя официально было признано христіанство, царилъ еще языческій духъ.

И теперь въ нашихъ городахъ, хотя признана равноправность сословій,—ея въ дѣйствительности нѣтъ; но уже не законъ, а люди уничижаютъ ее. И теперь своекорыстная жизнь городовъ, борьба за существованіе, интриги и козни людей могутъ породить только ненависть къ жизни и къ обществу, тѣмъ болѣе, что нѣтъ уже той общей цѣли впереди, которая сплочивала бы людей вмѣстѣ, заставляла бы видѣть другъ въ

другъ союзниковъ. Теперь человѣкъ смотритъ на человѣка съ подозрѣніемъ, если не съ ненавистью. Потому-то современный герой не можетъ продолжать жизнь вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ—онъ долженъ, какъ аскетъ первыхъ вѣковъ христіанства, уйти изъ него.

Но съ тѣхъ поръ нравственные идеалы выросли, и бѣжать въ монастырь или въ пустыню было бы чистымъ эгоизмомъ, тѣмъ болѣе непростительнымъ, что наиболѣе распространенная въ настоящее время нравственность учить видѣть въ человѣкѣ не столько существо злое и ненавистное, сколько несчастное и жалкое. Идеальный герой нашего времени не можетъ просто бѣжать въ пустыню, но, сознавъ тщету и ничтожность этого міра, сознавъ изменность всѣхъ благъ жизни, которыми тѣшится толпа, понявъ, что жизнь есть только рядъ бесплодныхъ и бессмысленныхъ страданій, можетъ постараться, по крайней мѣрѣ, на сколько отъ него зависитъ, не прибавлять страданія другимъ, а облегчить его. Общество требуетъ отъ своего героя отреченія отъ личной жизни и отъ личной любви. Вѣдь всякое благо, какимъ пользуется человѣкъ, отнято отъ другого, а слѣдствіемъ любви бываетъ появленіе на свѣтъ другого человѣка, который въ свою очередь обреченъ на страданія и утраты. Идеальный герой современнаго романа не можетъ испытывать счастливой раздѣленной любви: его романъ будетъ борьбою между личною любовью и долгомъ, обусловленнымъ состраданіемъ къ ближнему; женщина можетъ являться въ жизни такого героя лишь могучимъ искушеніемъ, которое онъ долженъ побороть. И борьба съ этимъ искушеніемъ въ современномъ романѣ тѣмъ интереснѣе и сильнѣе, что новый идеальный герой не можетъ уже смотрѣть на женщину, какъ на діавольское порожденіе, какъ смотрѣли на нее въ средніе вѣка, но будетъ видѣть въ ней живую, чуткую душу, и сама любовь къ такой женщинѣ будетъ тѣмъ сильнѣе и тѣмъ прельстительнѣе, что въ средніе вѣка въ женщинѣ цѣнили только тѣло, теперь же ея обаяніе основано на ея духовной и эстетической красотѣ.

Такимъ образомъ, идеальный герой настоящаго времени уже не тотъ, носящій въ сердцѣ „святое безпокойство“, типъ, воплощеніе котораго мы имѣли въ Печоринѣ, Бельтовѣ, Рудинѣ и другихъ и значеніе котораго отлично выражено Ал. Григорьевымъ въ его „Пѣснѣ духа надъ хризалидой“, и не базаровскій типъ, научившій насъ презирать предрасудки и жить реальной правдой, и не Инсаровъ—гордый, фанатическій борецъ за политическую свободу, и не типы героинь гр. Л. Н. Толстаго, вродѣ Китти, находящія успокоеніе въ семейной жизни и семейныхъ обязанностяхъ, но героемъ настоящаго

времени долженъ быть святой аскетъ, понявшій тщету и суету всѣхъ мірскихъ радостей, но чувствительный къ нимъ и отзывчивый, а потому снисходительный и проникнутый глубокимъ состраданіемъ къ ближнему, погрязающему въ нравственной тьмѣ, и приносящій себя въ жертву ближнему, чтобы открыть ему горизонты душевной жизни, окрыляющей нашъ духъ и дающей, если не примиреніе съ жизнью, то способность пренебрегать ея тервіями.

Пл. Красновъ

За границей

Новости науки, литературы, искусствъ и общественной жизни

Предшественники Пастера въ вопросѣ о самопроизвольномъ зарожденіи — Беверъ и Жобло, и ихъ книги. — Горная болѣзнь, по описанію Элли-Синклера. — Причины исчезновенія и вымиранія органическихъ видовъ. — Звуки, издаваемые муравьями. — Голоданіе скорпионовъ. — Разнообразіе породъ и типовъ холернаго микроба. — Жидкій воздухъ и опыты съ нимъ. — Калиостро, какъ представитель всемірнаго шарлатанства. — Американское пьянство. — Обзоръ послѣднихъ номеровъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналовъ.

Можно сказать, что вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи поставленъ ребромъ и рѣшенъ положительно Пастеромъ. Противники, и очень талантливые, самопроизвольнаго зарожденія, какъ, напр., знаменитый Спаланцани, хотя и рѣшали вопросъ совершенно вѣрно, но не умѣли, не имѣли средствъ доказать свое рѣшеніе съ такою строгостію, какъ это удалось Пастеру. Только послѣ работъ великаго французскаго ученаго стало возможно утверждать, что ничто живое не появляется самопроизвольно, изъ неорганизованнаго вещества, а непременно, и не иначе, какъ изъ зародыша, порожденнаго ранѣе жившимъ такимъ же живымъ существомъ. Конечно, вопросъ въ такомъ видѣ рѣшенъ только для нашего времени. Формулируя его рѣшеніе, мы должны начинать словами: „въ настоящее время“ не извѣстно ни одного живаго существа, появленіе котораго на свѣтъ можно было бы объяснить самопроизвольнымъ зарожденіемъ. Какъ дѣло происходило давно, во мракѣ времени, какъ появилась первая клѣточка, первая инфузорія — это намъ, просто на просто, не извѣстно...

Мы уже упомянули въ числѣ предшественниковъ Пастера итальянскаго ученаго Спаланцани († 1799). Но еще до Спаланцани были ученые, которые въ своихъ сочиненіяхъ касались занимающаго насъ вопроса. Недавно профессоръ Казеневъ прочелъ лекцію въ лійонскомъ медицинскомъ обществѣ, которую

посвятилъ двумъ замѣчательнымъ книгамъ, вышедшимъ въ срединѣ прошедшаго столѣтія. Авторъ одной изъ этихъ книгъ, изданной въ 1743 году, англичанинъ, Генри Бекеръ, а другой, (1754 г.) французъ Жобло. Книга Бекера, носящая заглавіе, которое мы не приводимъ, ради его неимовѣрной длины (около 70 словъ), посвящена собственно микроскопу и микроскопическимъ наблюденіямъ, также какъ и книга Жобло; у этой послѣдней заглавіе краткое и потому мы его приводимъ: „Observations d'histoire naturelle faites avec le microscope“, т. е. естественно-историческія наблюденія, произведенныя съ помощью микроскопа. Излагая содержаніе этихъ, очень рѣдкихъ въ настоящее время книгъ, Казеневъ коснулся и вообще исторіи возникновенія и развитія вопроса о самопроизвольномъ зарожденіи, и мы съ удовольствіемъ пользуемся этимъ толково составленнымъ обзоромъ, чтобы подѣлиться съ читателями свѣдѣніями по одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ исторіи точныхъ наукъ.

Первымъ ученымъ, указавшимъ вѣрное рѣшеніе вопроса о самопроизвольномъ зарожденіи, можно считать лейбъ-медика тосканскихъ герцоговъ Фердинанда II и Козимо III, Франческо Реди. Онъ первый напалъ на мысль, что мухи являются не неизвѣстно какъ и откуда (таково было распространенное среди его современниковъ мнѣніе), а именно изъ тѣхъ червячковъ, которыхъ яички тѣми же мухами откладываются на гніющихъ веществахъ. Реди сдѣланъ прямой опытъ, который заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ прямой предшественникъ незабвенныхъ опытовъ Пастера. Онъ прослѣдилъ какъ мухи кладутъ свои яички въ кусокъ говядины, сберегъ этотъ кусокъ и дождался, пока изъ яичекъ вышли личинки, а изъ личинокъ мухи. Такимъ образомъ Реди могъ смѣло объявить своимъ современникамъ, что мухи, а вмѣстѣ съ ними и другія мелкія твари, не рождаются сами собою изъ пыли, воды, земли, изъ воздуха, а появляются на свѣтъ, подобно другимъ животнымъ, непременно и неизмѣнно отъ такихъ же точно мухъ. Сторонники самопроизвольнаго зарожденія (гетерогенисты) должны были отступить и умолкнуть; опытъ забилъ ихъ, возражать на него было нечего. Но когда, нѣсколько десятилѣтій спустя, появился микроскопъ и съ помощью его былъ открытъ цѣлый новый, невѣдомый и невидимый міръ живыхъ существъ, гетерогенисты вновь ободрились. Мухи, тараканы, комары — пусть такъ, говорили они, допускаемъ, что вся эта тварь рождается отъ себѣ подобныхъ. Но откуда берутся, напр., въ настоѣ сѣнной трухи, эти мелкія твари, видимыя подъ микроскопомъ? Очевидно, онѣ тутъ же и зарождаются. Въ срединѣ прошедшаго столѣтія англійскій ученый Нидхамъ при-

думалъ особую вегетативную силу, которая оживотворяетъ частички неорганическаго вещества; такимъ именно способомъ и являются на свѣтъ инфузоріи. Онъ даже дѣлалъ опыты для подтвержденія своей теоріи, и, что, особенно замѣчательно, планъ этихъ опытовъ былъ чисто пастеровскій. Онъ кипятилъ жидкость, кишашую инфузоріями, тщательно закупоривалъ ее, и убѣдившись, что въ такой жидкости уже не появляется ничего живого, выводилъ заключеніе, что кипяченіе уничтожаетъ вегетативную силу, а потому дальнѣйшаго превращенія ея неорганическихъ частичекъ въ инфузорій въ жидкости не наблюдается. Нидхамъ и его противникъ Спаланцани оставили по себѣ широкій слѣдъ въ наукѣ и въ свое время вызвали къ своимъ работамъ напряженное вниманіе. Совсѣмъ другая участь постигла ихъ современника Бекера — о немъ совсѣмъ забыли. А между тѣмъ, его книга и въ настоящее время, по словамъ Казенева, читается съ интересомъ. По зрѣлости и точности идей, онъ могъ бы быть поставленъ на ряду съ выдающимися современными ему провозвѣстниками опытнаго метода изслѣдованія. „Лучшій способъ узнать истину, говорить онъ въ своемъ предисловіи — это дѣлать возможно больше опытовъ по одному и тому же предмету“. Приводимъ изъ его замѣчательной книги одно, чисто, такъ сказать, Пастеровское мѣсто. „Я постоянно замѣчалъ, говорить онъ, что если настой былъ прикрытъ кисеею или другою тонкою тканью, то въ немъ нараждалось лишь очень немного животныхъ; если же снять покрывку, то настой въ нѣсколько дней становился полонъ жизни. Это, повидимому, доказываетъ, что яйца, изъ которыхъ происходятъ эти маленькія животныя, откладываются въ воду ихъ родителями и приносятся туда движеніемъ воздуха. Очевидно, что это можетъ происходить обоими способами; ибо, такъ какъ яички этихъ мелкихъ твореній легче воздуха, то можно думать, что они носятся въ воздухѣ миллионами, погибаютъ во множествѣ, попавъ въ такія мѣста, которыя не соотвѣтствуютъ ихъ натурѣ, и что изъ нихъ тотчасъ вылупляются животныя, какъ только они попадутъ въ свойственное имъ гнѣздо“.

Бекеръ въ своей книгѣ неоднократно упоминаетъ о Жюбло, находя въ немъ поддержку своимъ воззрѣніямъ, и не даромъ. Жюбло — профессоръ математики въ королевской школѣ живописи и валянія, въ Парижѣ — былъ яркимъ противникомъ самопроизвольнаго зарожденія. „Прежде думали, говорить онъ въ XVIII главѣ своей книги, что насѣкомыя и другія мелкія животныя порождаются при разложеніи; но съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые философы сдѣлали по этому предмету тщательныя и точныя наблюденія, это заблужденіе было оставлено. Теперь доказано путемъ большого числа опытовъ и неоспоримыхъ

умозаключеній, что всѣ животныя, какова бы ни была ихъ натура, происходятъ изъ яицъ". Жюбло сразу объявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ пансперміи, т. е. повсюднаго пространства зародышей — въ воздухѣ, водѣ, почвѣ. Онъ прямо утверждаетъ, что въ нижнемъ, надземномъ слоѣ воздуха плаваютъ безчисленное множество мелкихъ животныхъ всевозможныхъ породъ; они садятся на разные предметы, между прочимъ и на растенія, на которыхъ „отдыхаютъ, подкрѣпляются пищею и тутъ порождаютъ на свѣтъ своихъ дѣтей, а другія откладываютъ яйца". На 52 страницѣ книги Жюбло Казеневъ нашелъ особую главу, носящую заголовокъ: „Важныя примѣчанія". Когда случается, говорить Жюбло въ этихъ примѣчаніяхъ, что настой, напр., сѣнной, дѣлается въ посудинѣ, гдѣ раньше держали настойку какихъ нибудь очень душистыхъ травъ или лекарствъ, и потому не вымыли хорошенько этой посуды, то сѣнной настоемъ не вполне удается; „ибо, заключаетъ Жюбло, этотъ второй настоемъ не подходитъ къ первому". Точно также, не укрылось отъ наблюдательности Жюбло и такое, напр., обстоятельство, что вода, которую долго держали въ худо выдуженной посудѣ, не даетъ настоя, богатаго инфузуріями. Ясно, что даровитый изслѣдователь уже бродилъ вокругъ современнаго намъ ученія объ антисептикѣ, но, конечно, не могъ еще разрѣшить своихъ сомнѣній о сущности явленія. Да, можно вполне согласиться съ Казеневомъ, что Бекеръ и Жюбло были предтечами Пастера, первыми учеными, почувывшими истину, которую суждено было возвѣстить въ окончательномъ видѣ знаменитому нашему современнику.

Мы русскіе, жители безконечныхъ равнинъ, знать не знаемъ горъ и тѣхъ особенныхъ ощущеній, которыя вызываются подъемомъ на значительныя высоты и болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ тамъ. А между тѣмъ, кромѣ холода, страшнаго утомленія, одышки и т. п. явленій, сопряженныхъ съ трудною ходьбою и подъемомъ, странствователи по горамъ испытываютъ еще особую настоящую болѣзнь, характеризующуюся совершенно опредѣленными припадками. Объ этой болѣзни недавно повѣдалъ ученому міру Эли-Синклеръ въ „Лѣтописяхъ монбланской метеорологической обсерваторіи". Въ существованіи такой, особенной, горной болѣзни многіе сомнѣваются, а главное сомнѣваются люди, которые сами много разъ поднимались за облака и свѣжныя линіи. Однако же факты показываютъ, что болѣзнь существуетъ, и если многіе ее и не испытываютъ, то вѣдь такова участь всѣхъ болѣзней. Морская болѣзнь несомнѣнно существуетъ, а между тѣмъ вы на любомъ суднѣ можете найти людей и поражаемыхъ ею съ первыхъ же

легкихъ толчковъ волны и рядомъ съ ними другихъ, прочно противостоящихъ настоящей бурѣ, хоть часто и тѣ и другіе выходятъ на море въ первый разъ въ жизни. Картина горной болѣзни, въ ея полномъ составѣ, (симптомокомплексѣ, какъ говорятъ врачи) лучше всего выяснится намъ изъ разсказа самого Эли-Синклера, совершавшаго подъемъ на Монбланъ въ сообществѣ съ Гульельминетти и Имфельдомъ. Имфельда что-то задержало, такъ что два другіе спутника прибыли въ хижинку Янсена, на Grands Mulets и имѣли здѣсь время отдохнуть и выспаться. Утромъ, въ 3 часа они продолжали подъемъ и около 9 часовъ достигли хижины „Bosses“, лежащей на высотѣ 4.400 метровъ надъ уровнемъ моря. Шли они медленнымъ шагомъ, не ощущали при ходьбѣ ни одышки, ни дрожанія коленей, ни перебора пульса. Дорогою Эли-Синклеръ съѣлъ только нѣсколько бисквитовъ и выпилъ нѣсколько глотковъ воды. Поднявшись, всѣ вошли въ хижину и начали въ ней устраниваться, такъ какъ рассчитывали пробить на горѣ нѣкоторое время для производства наблюденій. Вдругъ ихъ поразила самая непріятная духота. Приписывая ее тому, что хижинка все время стояла наглухо запертою, они постѣшили открыть окна, двери. Но отъ этого не стало легче. Эли-Синклеръ почувствовалъ, что онъ не въ силахъ оставаться внутри домика. Онъ ощущалъ какую-то разбитость, полный упадокъ силъ; ему нечѣмъ было дышать. Приписывая все это простой усталости отъ крутого подъема, онъ вышелъ на воздухъ и усѣлся около домика. Тутъ ему стало еще хуже. Онъ былъ вынужденъ дѣлать самыя глубокія и частыя дыханія для того, чтобы хоть отчасти удовлетворить удивительно поднявшуюся жажду воздуха въ легкихъ. Онъ ясно ощущалъ, какъ въ процессѣ дыханія начали постепенно принимать участіе мускулы, сосѣдніе съ тѣми, которые въ нормальномъ состояніи управляютъ движеніями грудной клѣтки, и эта невольная гимнастика постороннихъ мускуловъ послужила для него источникомъ въ высшей степени тягостнаго ощущенія. Онъ въ первый разъ въ жизни понялъ и на себѣ позналъ, что значать выраженія „нечѣмъ дышать“ и „воздуху не хватаетъ“, которыя слышатся отъ страдающихъ удущьемъ. Скоро къ общему недомоганью присоединились головная боль и тошнота. Изъ хижины тѣмъ временемъ вышелъ Гульельминетти, видимо пораженный тѣми же припадками. Битый часъ сидѣли они на воздухѣ, но этогъ чудный, чистѣйшій воздухъ не приносилъ имъ ни малѣйшаго облегченія. Скоро по ногамъ ихъ начало распространяться жестокое ощущеніе холода; пришлось подняться на ноги, ибо иначе, какъ имъ казалось, ноги окажутся ознобленными. Проводники одѣли нашихъ путниковъ потеплѣе; потомъ они стали было обѣдать, но это

было не подкрѣпленіе силъ пищею, а одно мученіе. Супъ казался совершенно безвкусенъ, красное вино имѣло явственный чернильный вкусъ, а бѣлое—ровно ничѣмъ не отличалось отъ укуса. Эли-Синклеръ заставилъ себя поѣсть и выпить только послѣ того, какъ принялъ два грамма фенаcetина, послѣ котораго ему вообще стало лучше. Послѣ обѣда хотѣли было приняться за наблюденія, но оказалось, что проводники оставили большую часть инструментовъ внизу. „Ну, и слава Богу“, невольно подумалось каждому изъ путниковъ, которые чувствовали, что имъ въ тѣ минуты было совсѣмъ не до наблюдений. Они разсѣлись по разнымъ угламъ, но удушье по прежнему продолжало ихъ мучить. Кое-какъ дотянули до вечера, поужинали, и улеглись спать. На другой день — та же исторія; ни аппетита, ни силъ, ни малѣйшей способности къ работѣ, полная апатія. „Оставьте меня въ покоѣ“ — вотъ единственный слова, которыхъ можно было бы добиться отъ всѣхъ трехъ путниковъ эти дни, включая въ то число и третій день, который прошелъ въ тѣхъ же мученіяхъ какъ и два первыхъ. Только на четвертый день началось нѣкоторое облегченіе. Но даже у привычныхъ горцевъ, напр., у проводниковъ, обнаруживаются ясные, хотя и ничтожные въ сравненіи съ описанными, признаки горной болѣзни: — упадокъ аппетита, пониженіе силъ, бессонница, учащенное дыханіе. Единственное средство противъ горной болѣзни — это спускъ съ горы. Подобно тому, какъ измаянные морскою болѣзнию почти тотчасъ выздоравливаютъ, какъ только ступаютъ на землю, такъ и пораженные горною болѣзнию почти мгновенно приходятъ въ норму, спустившись съ горы. Изъ фармацевтическихъ же средствъ нѣкоторую пользу приносятъ лишь фенаcetинъ и опій.

Что множество породъ животныхъ и растений, когда-то обитавшихъ на землѣ и встрѣчавшихся цѣлыми стадами и лѣсами, нынѣ исчезло, и о ихъ существованіи намъ свидѣлствуютъ лишь ихъ скелеты и окаменѣлости — это фактъ, достаточно хорошо извѣстный всѣмъ и каждому. Не менѣе извѣстно, полагаемъ, и то обстоятельство, что исчезновеніе органическихъ видовъ никогда не прерывалось, происходило часто на глазахъ у людей, и нынѣ продолжаетъ совершаться на нашихъ глазахъ: — вымираютъ зубры, жирафы, вымерли страусы на Мадагаскарѣ, исчезли многія ароматическія травы, когда-то росшія на Альпахъ, и т. д. и т. д. Словомъ — фактъ не подлежитъ сомнѣнію и подтверждается такимъ множествомъ общеизвѣстныхъ примѣровъ, что мы и не думаемъ настаивать здѣсь на доказательствахъ. Но любопытно знать — чему обязаны этотъ фактъ своимъ происхожденіемъ; другими словами,

отчего извѣстныя породы животныхъ вымирають, другія живутъ и благоденствуютъ? Кювье одинъ изъ первыхъ пытался дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ. По его учению, это исчезновеніе органическихъ типовъ входитъ въ кругъ законовъ круговорота жизни. Иной разъ перемѣна климата забываетъ извѣстную породу, она хирѣетъ, мельчаетъ, утрачиваетъ способность размножаться и наконецъ, естественно, вымираетъ. Цѣлыя породы животныхъ и растений могутъ гибнуть во время громадныхъ геологическихъ переворотовъ, которыми такъ богата исторія нашей земли. Случается, что порода истребляется человекомъ, ведущимъ на нее непрерывную охоту; — такъ исчезли, напр., волки въ Англии, ламантины въ Антильскомъ морѣ. Де-Бленвиль и его сторонники указывали на постоянно и медленно дѣйствующія причины исчезновенія органическихъ типовъ; сюда можно отнести, напр., медленную перемѣну климата, связанную съ измѣненіемъ площади лѣсовъ, характера травяной растительности, съ высыханіемъ рѣкъ и водоемовъ и т. д. Мнѣніе Дарвина и его школы по этому вопросу, которое въ настоящее время является господствующимъ, считаемъ извѣстнымъ и потому на немъ не остановимся. Во всякомъ же случаѣ, обзоръ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній, оставляетъ въ умѣ, чуждомъ партійныхъ увлеченій, сознание неясности, недосказанности, нерѣшительности. Быть можетъ природа просто на просто приняла и установила для цѣлой породы живыхъ существъ то же основное правило, какъ и для каждаго индивидуума? Что видимъ мы, наблюдая каждое, безъ исключеній, отдѣльное животное, растеніе? Мы видимъ, какъ оно рождается, растетъ, достигаетъ полнаго развитія, нѣкоторое время остается на уровнѣ разцвѣта всѣхъ силъ, потомъ слабѣетъ, дряхлѣетъ, старѣетъ, умираетъ. Почему не допустить, что родъ, видъ, порода животныхъ или растений слѣдуетъ, въ общемъ, тому же самому пути, т. е., возникаетъ, развивается, достигаетъ процвѣтанія, потомъ слабѣетъ и гибнетъ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Сервье, посвятившаго этому вопросу интересную замѣтку въ „Revue Scientifique“. Что касается индивидуума, то въ немъ весь циклъ существованія намъ понятенъ. Мы имѣемъ полную возможность тщательно, изо-дня въ день наблюдать всѣ до одного отдѣльныя явленія, входящія въ этотъ циклъ на любой курицѣ, мухѣ, инфузоріи, наконецъ, на члѣвкѣ. Весь кругъ существованія отъ момента зачатія до послѣдняго вздоха—передъ нами какъ на ладони. Другое дѣло—кругъ жизни вида, породы. Но кажется не будетъ излишнею смѣлостью думать, что тутъ разница чисто количественная; видъ, порода, конечно, живетъ дольше, чѣмъ особь, и колебанія условій существованія для вида несравненно сложнѣе, чѣмъ

для особи. Каждый видъ можно разсматривать какъ цѣль трехъ отдѣльныхъ жизненныхъ цикловъ: — всего вида, семейства и отдѣльной особи. Тщательно прослѣживая жизнь осемей и семей, мы, быть можетъ, добились бы того, что у насъ составилось бы представленіе о жизненномъ кругѣ всей породы. Можетъ быть удалось бы установить извѣстную пропорціональность между продолжительностью жизни особи, семьи и вида. Сервые пытается приложить такой методъ изслѣдованія къ человѣку. Онъ полагаетъ, что этотъ методъ далъ бы ключъ къ рѣшенію вопроса о нѣкоторыхъ вымершихъ племенахъ, о которыхъ мы узнаемъ только изъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ; съ помощью того же метода, можетъ быть удалось бы разъяснить тайну процвѣтанія и затѣмъ увяданія и вымиранія разныхъ знаменитыхъ родовъ и фамилій; удалось бы понять, почему нѣкоторыя личности чуть не всю жизнь остаются молодыми, а другія еще въ юныхъ годахъ впадаютъ въ старческій маразмъ. Другими словами, наблюденія надъ жизнью индивидуумовъ и семей дали бы, быть можетъ, разъясненіе законовъ, по которымъ совершается вырожденіе; пролился бы нѣкоторый свѣтъ на послѣдствія кровныхъ браковъ, при которыхъ, какъ извѣстно, въ общемъ правилѣ — упадѣтъ и вырожденія породы — вдругъ проскальзываютъ удивительныя исключенія, въ видѣ замѣчательно здоровыхъ и сильныхъ потомковъ. Все это очень интересно, и заслуживало бы вниманія лицъ, посвятившихъ себя изученію сложныхъ вопросовъ наследственности, совершенствованія и вырожденія типовъ органическаго міра.

Разъ вопросъ о языкѣ животныхъ былъ выдвинуть впередъ Гернеромъ (изобрѣтателемъ обезьяньяго нарѣчія), какъ будто кто толкнулъ ученыхъ, и они покатались какъ шары по наклонной плоскости. Пошли „языки“ всяческихъ тварей, въ томъ числѣ даже и муравьиный. О немъ-то мы здѣсь и поведемъ рѣчь. Впрочемъ, надо оговориться, что передъ нами не смѣхотворная фантазія, а очень дѣльный и сухой научный отчетъ о наблюденіяхъ французскаго ученаго Жбане, надъ звуками издаваемыми муравьями, напечатанный въ „Annales entomologiques de France“. Муравьи, какъ извѣстно, выработали превосходную сигнализацию. Богъ вѣсть въ чемъ она собственно состоитъ, но попробуйте вооружиться терпѣніемъ и понаблюдать за этими насекомыми, и вы увидите, что, напр., въ случаѣ какой либо тревоги вблизи муравейника вѣсть о ней на вашихъ глазахъ переходитъ отъ одного муравья къ другому и скоро становится извѣстною многочисленному населенію кучи. Еще Ландуа высказывалъ, что передача извѣстій у муравьевъ производится звуковымъ способомъ; но какъ ни вслушивались усердные из-

слѣдователи, никогда и ничего не удавалось имъ разобрать въ муравьиной толпѣ, кромѣ легкаго шуршанья, которое совершенно удовлетворительно объяснялось шумомъ лапокъ насѣкомыхъ, задѣвающихъ за песчинки, былинки, сухія вѣточки и тому подобную, валяющуюся на землѣ мелочь. Леббокъ также выступилъ на защиту этого мнѣнія. Онъ указывалъ на существующіе у муравьевъ органы, вполне подобные тѣмъ, какіе у родственныхъ съ ними насѣкомыхъ служатъ для произведенія очень громкихъ скрипящихъ звуковъ; надо полагать, что эти органы существуютъ у муравья не даромъ и что онъ способенъ издавать звукъ, быть можетъ и не различнымъ человѣческимъ ухомъ, но вѣдь не для того и предназначенный природою, чтобы его слышали люди, а для того, чтобы его слышали сами муравьи. И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время появилось нѣсколько замѣтокъ разныхъ наблюдателей, удостоившихся, что имъ удалось явственно разобрать звуки, издаваемые муравьями. Наконецъ за дѣло взялся Жане, на статью котораго мы только что указали, и повелъ его такимъ образомъ: началъ онъ съ того, что придумалъ особую обстановку для производства своихъ наблюдений, т. е. обставилъ дѣло такимъ порядкомъ, что подвергаемый опыту муравей находился въ полномъ распоряженіи наблюдателя, отъ котораго не могло укрыться ни одно движеніе насѣкомаго. Съ этою цѣлью Жане бралъ небольшой кусокъ стекла и на него накладывалъ стеклянную воронку, узкимъ концомъ къ стеклу. На дно воронки, т. е. на стеклянную пластинку, въ узкій конецъ воронки бросали нѣсколько штукъ муравьевъ. Какъ только насѣкомыя падали на дно, воронку тотчасъ снимали, и, не теряя ни секунды времени, на первое стекло накладывали другое, края котораго были заранѣе обведены валикомъ замазки. Эта послѣдняя тотчасъ склеивала стекла, и муравьи оказывались заточенными въ узкомъ просвѣтѣ между двухъ стеколъ. Стекла осторожно сжимались до тѣхъ поръ, пока между ними оставался прозоръ, какъ разъ равный толщинѣ тѣла муравья. Осторожно двигая стекла, можно добиться, что муравьи будутъ вынуждены принять подъ стекломъ всевозможныя позы—на спинѣ, на животѣ, бокомъ и т. д.; притомъ одни будутъ сжаты до полной неподвижности, другіе почти вполне сохранять свободу движеній. Если теперь приложить эти стекла къ уху, то можно различить совершенно явственный звукъ, вѣчто вроде нѣжнаго жужжанья, и среди этого господствующаго звука отдѣльные, болѣе рѣзкіе скрипы. Если замаску положить не вполне сомкнутымъ кольцомъ, такъ, чтобы между стеклами воздухъ могъ возобновляться и муравьи не задохались бы, то опытъ становится еще убѣдительнѣе. По истече-

ни двухъ-трехъ дней скрипящіе звуки становятся гораздо рѣзче, слышнѣе, и особенно усиливаются, если муравьевъ какънибудь раздражить, напр., дунуть на нихъ, приподнявъ на секунду стекло. Откуда идутъ эти звуки? Жане говоритъ, что если внимательно и при достаточномъ увеличеніи рассмотреть вѣшній покровъ муравья, то можно замѣтить, особенно на брюшкѣ, ряды острыхъ бугорковъ, напоминающихъ зубцы пилы. Вотъ эти-то зубчики, взаимнымъ треніемъ, какъ можно думать, и производять скрипящій звукъ. Далѣе, можно конечно допустить, что разная манера тренія производитъ и разные звуки, отлично улавливаемые муравьинымъ слухомъ; а вѣдь это и означало бы, что у этихъ насѣкомыхъ существуетъ опредѣленная звуковая сигнализациа, т. е., если хотите, свой особенный языкъ. Пока, это только догадка Жане, но догадка имѣющая за собою добрую долю вѣроятности. Во всякомъ случаѣ, такъ это или нѣтъ, но фактъ передачи извѣстій у муравьевъ несомнѣнно существуетъ, а потому и въ предположеніи, что эта передача совершается именно звуковымъ, а не инымъ способомъ — ничего не имѣется неправдоподобнаго.

Скорпіонъ своею чрезвычайною вредоносностью невольно обратилъ на себя вниманіе людей, и они отомстили ему за это, сплетя про него множество страшныхъ розказней. Такъ, напр., про скорпіона разсказываютъ, что если обложить его горячими углями, то онъ, убѣдившись, что выхода ему, изъ этого огненного круга нѣтъ — преспокойно оборачиваетъ свой смертоносный хвостъ и на смерть разитъ самого себя. Когда опыты, сдѣланные добросовѣстными наблюдателями ясно доказали, что это чепуха, тогда принялись за провѣрку и другой легенды, уже не такой впрочемъ страшной, хотя и не менѣе диковинной, чѣмъ первая. Это вторая легенда гласитъ, что скорпіонъ можетъ оставаться безъ пищи неопредѣленно долгое время, во всякомъ случаѣ дольше покойнаго Таннера и его подражателя Сукки. Недавно это народное сказаніе было провѣрено Жозефомъ Ное. Онъ экспериментировалъ надъ двумя очень обыкновенными на югѣ Европы породами — *Scorpio occitanus* и *Scorpio europaicus*. Первый рыжеватаго цвѣта, и имѣетъ въ длину 3—3½ дюйма, а другой темнубурый, очень небольшой, всего въ 1½ дюйма. Первый живетъ въ гористыхъ мѣстахъ, выбирая сухіе, бесплодные уголки, гдѣ бы можно было укрываться въ расщелинахъ камней, а второй держится по преимуществу около жилыхъ мѣстъ, подъ кучами мусора, камней, въ навозѣ, въ заброшенныхъ постройкахъ. Нерѣдко онъ оказывается, въ качествѣ крайне неприятнаго гостя, въ жилищѣ

домъ, гдѣ нибудь въ щели между половицами или въ притворѣ оконной рамы. Ное держалъ этихъ скорпионовъ безъ всякой пищи, въ тѣсныхъ ящикахъ, въ холодномъ мѣстѣ. *Scorpio occitanus* прожилъ при такихъ условіяхъ съ сентября 1892 до апрѣля 1893 года—семь мѣсяцевъ. Скорпионы держались неподвижно, какъ бы погруженные въ спячку, но когда ихъ вынимали изъ ящиковъ, они тотчасъ начинали двигаться какъ ни въ чемъ не бывало. *Scorpio europaicus* оказался далеко не такъ выносливъ. Ихъ заточили въ плѣнъ въ одно время съ первыми, т. е. въ сентябрѣ, но уже въ декабрѣ того же года они всѣ передохли. Одинъ изъ прежнихъ наблюдателей Икономопулосъ, дѣлая опыты съ тропическимъ видомъ скорпіона (*Prionurus australis*) замѣтилъ, что его постнигъ-скорпионъ покрылся какими-то бѣловатыми пятнами. Сначала наблюдатель думалъ, что это быть можетъ какое нибудь паразитное насѣкомое, но на другой день, рассмотрѣвъ внимательно пятна, онъ увидѣлъ, что его плѣнникъ—особа прекраснаго пола, а эти пятна ничто иное, какъ двѣ дюжины произведенныхъ ею на свѣтъ потомковъ. Когда плѣнница была осматрѣна на слѣдующій день, то изъ двухъ дюжинъ дѣтей на ней оставалось въ живыхъ только 17. У Ное, въ числѣ его плѣнниковъ также была самка, такъ и найденная съ живыми, совсѣмъ бѣлыми и мягкими дѣтенышами. Ное посадилъ мать и дѣтей въ одинъ ящичекъ. Черезъ часъ вся дѣтва сползлась въ матери и облѣпила все ея тѣло. Ное нарочно снималъ ихъ, но они опять всползали на мать. Черезъ недѣлю скорпионята начали приобрѣтать окраску, характеризующую взрослыхъ особей; но часть ихъ въ это время погибла. Черезъ двѣ недѣли послѣ начала плѣна погибла и мать, а нѣкоторыя изъ малютокъ дожили до ноября, такъ что въ общемъ недоразвитые скорпионы оказались выносливѣе взрослыхъ. Ное замѣтилъ, что скорпионы гораздо выносливѣе зимою, вообще на холодѣ, что можно вѣроятно объяснить тѣмъ оцѣпенѣніемъ, напоминающимъ зимнюю спячку высшихъ животныхъ, въ которое холодъ погружаетъ скорпионовъ. Въ это время, очевидно, у нихъ прекращаются или по крайней мѣрѣ значительно ослабляются всѣ отправления, значитъ и пищи требуется гораздо меньше, и голодъ переносится легче.

Съ тѣхъ поръ, какъ злое исчадіе Востока — холерная эпидемія начала путешествовать по Европѣ, ученые, уже заручившіеся знаменитой „запятой“, въ которой видѣли таинственный центръ тяжести ужасной болѣзни, произвели многочисленныя ряды опытовъ надъ прививкою искусственныхъ разводовъ этого микроба животнымъ. Эти опыты тотчасъ убѣдили всѣхъ

экспериментаторовъ, что холера холерѣ рознь, что разныя разводки, добытыя изъ разныхъ мѣстностей, дѣйствуютъ далеко неодинаково: — одни вызываютъ бурную картину отравленія, другіе только легкіе припадки. Наконецъ, сами по себѣ микробы холеры даютъ разную картину развитія въ питательной средѣ; въ однихъ случаяхъ, очевидно, имѣется дѣло съ чрезвычайно энергическимъ поколѣніемъ запятыхъ, очень быстро завладѣвающихъ питательною средою, созидающихъ цвѣтущую и благоденствующую колонію, а въ другихъ — получается какое-то вялое поколѣніе, едва живое, отстающее въ своемъ развитіи отъ сильныхъ колоній во всѣхъ отношеніяхъ. Фактъ сразу обозначился во всей его важности. Если природа умѣетъ создавать колоніи холерныхъ микробовъ съ ослабленною жизненностью, то надо непременно ознакомиться съ приѣмами этого ослабленія и попытаться — не будутъ ли эти выродки служить предохранительными прививками противъ полносильной болѣзни, подобно тому, какъ это удалось достигнуть по отношенію къ оспѣ, собачьему бѣшенству. Впрочемъ, и сама по себѣ каждая холерная эпидемія ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что ядъ болѣзни можетъ быть и сильнѣе и слабже, потому что самая картина болѣзни проявляетъ очень разнообразную пышность красокъ. Разные наблюдатели уже давно указывали, что сила искусственныхъ разводовъ запятой находится въ явной зависимости отъ возраста разводки, отъ колебаній въ составѣ питательной среды и отъ мѣста происхожденія обѣмняющихся зародышей. По этому послѣднему вопросу, касающемуся мѣста происхожденія разводовъ, недавно была опубликована интересная работа двухъ итальянскихъ ученыхъ Джакса и Ленти. Они работали надъ разводками, добытыми изъ пяти разныхъ мѣстъ: Гамбурга, Массая, Парижа и Неаполя (двѣ разводки — одна изъ города, другая изъ порта, съ судна). Всѣ разводки добыты были въ эпидемію 1892 года. Разводка изъ Массая отличалась особенною энергіею и жизненностью. Она дала быстрый и сильный ростъ и много превзошла всѣ другія культуры. Парижская разводка оказалась самою слабою; она не дала даже на бульонѣ извѣстной характеристической пленочки; видно было, что парижскій микробъ подвергнулся вырожденію. Неаполитанскія и гамбургская культуры занимали средину между массаускою и парижскою. Первая изъ этихъ послѣднихъ превосходила парижскую своею силою не менѣе какъ вдвое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ пять разъ, т. е. тотъ эффектъ, какой давала массауская разводка въ количествѣ одного кубическаго сантиметра, требовалъ отъ 2 до 5 кубич. сант. парижской разводки. Замѣчательно, что всѣ эти разводки служили одна для другой предохранительными прививками. Такъ,

напр., парижская разводка, будучи впрыснута животному въ несмертельной дозѣ, совершенно предохраняла его отъ заболѣванія при послѣдующемъ впрыскиваніи сильной массажной разводки. Въ „Annales de l'Institut Pasteur“ недавно опубликована работа Сапарелли, имѣющая прямое отношеніе къ тому же предмету. Авторъ изслѣдовалъ разные образцы воды изъ Парижа и его окрестностей и нашелъ въ нихъ какихъ-то микробовъ изъ типа дрожжалокъ (вибрионовъ), очень похожихъ на коховскихъ холерныхъ запятыхъ. Онъ сдѣлалъ разводки этихъ микробовъ и убѣдился, что нѣкоторые изъ нихъ дали культуры, весьма ядовито дѣйствовавшія на животныхъ; другіе дали не ядовитыя разводки, но — что особенно замѣчательно — эти разводки служили противоядіемъ для ядовитыхъ разводовъ. Сапарелли, свѣда результаты своихъ наблюдений, пришелъ къ такого рода выводамъ. Микробовъ, могущихъ вызвать холеру, существуетъ не одна, а множество разновидностей. Присутствіе этихъ микробовъ въ водѣ, представляетъ, повидимому, фактъ гораздо болѣе постоянный, чѣмъ принято думать. Между микробами холерныхъ изверженій и находимыми въ водѣ, существуетъ тѣсная связь, наводящая на мысль о ихъ взаимномъ происхожденіи другъ отъ друга. Микробы изверженій, попавъ въ воду, повидимому, быстро вырождаются и утрачиваютъ свою ядовитость. Послѣдній выводъ Сапарелли особенно интересенъ; онъ полагаетъ, что существуетъ особое эпидемическое повѣтріе, „геній эпидеміи“ какъ выражались древніе, отъ силы котораго зависитъ напряженность болѣзни. Зародыши болѣзни существуютъ всегда и всюду, но они дремлютъ въ благополучное время; когда же на страву налетаетъ этотъ зловѣщій геній эпидеміи, невидимыя твари быстро оживляются и приступаютъ къ своей опустошительной работѣ.

Воздухъ сгущенъ въ жидкость уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстными швейцарскими учеными Пикте и Кальете. Но недавно надъ нимъ работалъ профессоръ Дьюоръ, добывшій кое-какіе, не лишеныя интереса результаты. Для обыкновеннаго смертнаго такая вещь какъ воздухъ, превращенный въ жидкость — не болѣе какъ научный курьезъ; но для ученаго тутъ открывається цѣлый рядъ интересныхъ, частью еще нерѣшенныхъ, задачъ. Достаточно указать на то, что жидкій воздухъ служить источникомъ самыхъ низкихъ, доступныхъ намъ, температуръ, надъ которыми въ высшей степени важно произвести рядъ опытовъ. Жидкій воздухъ можетъ доставить средство для охлажденія какой угодно среды до 200 градусовъ ниже нуля. Дьюоръ для предохраненія жидкаго воздуха отъ испаренія придумалъ такого рода снарядъ. Онъ заключаетъ воздухъ въ

сосудъ, который погружается въ другой сосудъ бѣльшихъ размѣровъ, а въ этотъ послѣдній наливается жидкій кислородъ, который своимъ испареніемъ такъ понижаетъ температуру, что воздухъ во внутреннемъ сосудѣ не только предохраняется отъ испаренія, но даже иногда замерзаетъ совсѣмъ, образуя кристаллическіе хлопья, вродѣ снѣжныхъ. Въ ряду многочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ Дьюоромъ съ помощью жидкаго воздуха, укажемъ на изслѣдованія надъ упругостью металловъ при низкой температурѣ. Опыты показали, что упругость и вообще прочность металловъ значительно возрастаетъ съ пониженіемъ температуры. Еще ранѣе было доказано, что химическая энергія, по мѣрѣ пониженія температуры вообще ослабѣваетъ. При 150 градусахъ ниже нуля самыя энергическія реакціи не идутъ совсѣмъ; такъ, напр., при обыкновенной температурѣ металлическій калий, будучи брошенъ на воду, тотчасъ загорается, шипитъ, крутится по водѣ и вообще обнаруживаетъ самую усиленную химическую энергію, соединяясь съ кислородомъ, содержащимся въ водѣ; ту же энергію проявляетъ онъ, если его положить и на снѣгъ или на ледъ, при комнатной температурѣ. А при 150° онъ остается вполнѣ равнодушенъ къ снѣгу и льду и, пролежавъ въ соприкосновеніи съ ними цѣлыя часы, остается безъ всякаго измѣненія. Таково дѣйствіе низкихъ температуръ на химическія свойства вещества. Совсѣмъ обратное дѣйствіе обнаруживаетъ холодъ на физическія свойства: — упругость, сцѣпленіе, плотность и т. д. Эти свойства явно возрастаютъ, усиливаются по мѣрѣ пониженія температуры. На этомъ наблюденіи уже начала созидаться даже новая космическая теорія, по которой принимаютъ, что еслибы во всей вселенной водворилась температура около 200 градусовъ ниже нуля, то всѣ звѣзды, кометы, планеты, образовались бы въ одно сплошное облако разрѣженной пыли, состоящей изъ чрезвычайно твердыхъ, но микроскопически малыхъ частицъ. Холодъ усиливаетъ магнитныя свойства тѣлъ, но уменьшаетъ сопротивленіе электрическому току. Наконецъ холодъ разрушаетъ цвѣтъ веществъ; такъ, напр., чрезвычайно яркая красная окраска киновари и іодистой ртути на сильномъ холодѣ пропадаетъ, становится блѣдно-оранжевою, и вновь оживляется при переходѣ къ обыкновенной температурѣ. Замѣчательно, что синій цвѣтъ не претерпѣваетъ перемѣны отъ холода; краски органическаго происхожденія также очень мало измѣняются отъ холода. Все это очень интересно и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на существо разныхъ физическихъ свойствъ тѣлъ.

„Напрасно мы тщеславимся, что живемъ въ вѣкъ свѣта!“

воскликаетъ авторъ интересной статьи о Калиостро и его подвижникахъ и послѣдователяхъ, напечатанной въ „Nord und Süd“. Жажда къ чудесному далеко не утолена еще въ чело-вѣчествѣ, и не только толпа, но и сами ученые не прочь при-пасть жаждущими устами къ сладостной чашѣ таинственнаго. Когда извѣстный американскій спиритъ Генри Слэдъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Берлинъ, имъ заинтересовались многіе профессора университета, а знаменитый Целльнеръ, въ Лейпцигѣ, былъ окончательно очарованъ заморскимъ чудесни-комъ. Вотъ почему, всегда и всюду люди такъ называемые „умные“ широко пользовались этою чело-вѣческой слабостью, и, благодареніе небу, не жаловались на свою судьбу, когда умѣли повести дѣло какъ надлежитъ. На этой благодатной почвѣ выросли и разцвѣли пышнымъ цвѣтомъ и египетскіе жрецы и колдуны всѣхъ дикихъ народовъ, и фабриканты зо-лота и варители жизненнаго элексира. Въ XIII вѣкѣ алхимикъ Артефіусъ утверждалъ, что ему давно уже извѣстенъ элексиръ вѣчной юности, и что онъ самъ прожилъ, потягивая этотъ элексиръ, уже тысячу лѣтъ; и никому въ голову не приходило тогда сомнѣваться, что Артефіусу въ самомъ дѣлѣ минуло 1000 лѣтъ, такъ онъ и слылъ за 1000-лѣтняго старца. Въ концѣ XV столѣтія Соломонъ Тейсмунинъ, въ Константинополѣ, тоже объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что онъ внезапно помо-лодѣлъ, овладѣвъ секретомъ жизненнаго элексира. Парацельсъ имѣлъ влѣнентовъ, лечившихся его жизненнымъ элексиромъ, по всей Европѣ. Въ началѣ XVI столѣтія въ Германіи гремѣла слава гётевскаго героя, доктора Фауста, также якобы владѣв-шаго секретомъ напитка безсмертія. Присоединимъ сюда же общеизвѣстныя имена Месмера, графа Сенъ-Жермена, слава которыхъ гремѣла въ прошедшемъ столѣтіи. Но едва ли кто нибудь изъ этихъ искренно заблуждавшихся или сознательно шарлатанившихъ знаменитостей можетъ сравняться, по размѣ-рамъ ореола своей славы, съ незабвеннымъ Калиостро. Его на-стоящее имя было Іосифъ Балъзамо. Онъ родился въ Палермо, въ 1743 г. Мать у него рано овдовѣла и спѣшила куда попало пристроить своихъ дѣтей; маленький Джузеппе былъ отданъ въ палермскую семинарію, гдѣ всѣхъ удивлялъ своимъ живымъ умомъ. Тринадцатилѣтнимъ мальчуганомъ попалъ онъ въ мо-настырь Милосердной Братъи, въ Картаджироне и здѣсь при-обрѣлъ первыя свѣдѣнія по химіи и медицинѣ, которыя потомъ такъ пригодились ему при выдѣлкѣ элексировъ красоты и дол-голѣтія. Изъ монастыря его удалили за излишнюю легкость нравовъ, и вотъ онъ пустился въ шатанія по Італіи, Греціи, Востоку. Въ Венеціи онъ женился на красавицѣ Лоренцѣ Фе-личани и уже вмѣстѣ съ нею ривулся на путь приключеній.

разъѣзжая по всей Европѣ, и продавая свои элексиры. Торговля шла успѣшно, но не того было надо ловкому авантюристу; онъ хотѣлъ играть большую роль въ европейскомъ мѣрѣ. Онъ выжидалъ благопріятнаго случая и обрѣлъ его въ франкъ-массонствѣ, которое въ то время достигло вершины своего процвѣтанія. Франкъ-массоны считали въ числѣ своихъ адептовъ Фридриха Великаго и Гете. Вальзамо понялъ, чего онъ можетъ достигнуть, выдавши себя за носителя величайшихъ тайнъ франкъ-массонства. Въ 1770 году онъ былъ принятъ въ лондонскую ложу и тотчасъ же добился возведенія себя въ одно изъ высшихъ массонскихъ достоинствъ. Съ этого момента началась новая фаза его жизни. Прежде всего супругу свою онъ объявилъ маркизою Феличiani, а себя самага, выдавалъ то за сына какого-то восточнаго властителя, то за командора Малтійскаго ордена. Впослѣдствіи ему и этого показалось мало, и онъ тогда уже на прямикъ провозгласилъ себя сыномъ ангела и обладателемъ власти надъ цѣлымъ сонмомъ безплотныхъ силъ, которому поручено преобразовать заново все европейское франкъ-массонство. Иной разъ онъ намекалъ, что онъ никто иной, какъ самъ великій коптъ, глава египетскихъ жрецовъ, хранителей таинствъ Изиды. Кажется, выдай бы онъ себя въ то время за высшее божество, то бы ему всё повѣрили. Во всякомъ случаѣ, во время собраній преобразованныхъ имъ ложъ, онъ входилъ въ прямыя сношенія съ ангелами и ветхозавѣтными пророками. У него былъ ученикъ или пріемышъ, или ловкій помощникъ, а можетъ быть просто нервный мальчишъ, котораго легко было гипнотизировать и заставлять дѣйствовать, видѣть, слышать, все, что угодно было Калиостро. Энтузіамъ, который встрѣчалъ на своемъ пути этого величайшій изъ шарлатановъ, удручавшихъ землю, вызываетъ какое-то тягостное, болѣзненное изумленіе. Его называли „божественнымъ“ Калиостро и повидимому, вѣря искренно въ его ангельское происхожденіе, всё думали, что воздаютъ ему только должное. Онъ выдумалъ какое-то удивительное леченіе, но сопряженное съ такими истязаніями, что рѣдко кто соглашался подвергнуться ему, несмотря на то, что прошедшимъ искусь Калиостро обѣщалъ 5557 лѣтъ жизни. Въ Парижѣ онъ таки, въ концѣ концовъ, попалъ въ извѣстномъ дѣлѣ объ ожерельи королевы. Въ этомъ дѣлѣ ему, положимъ, удалось оправдаться, но за то, во время слѣдствія, всплыли на верхъ многія его мошенничества. И посыпались на бѣднягу несчастія, точно какой рогъ изобилія опрокинулся надъ его головой. Въ Римѣ его схватили, обвинили въ безбожии и присудили къ сожженію на кострѣ; папа смягчилъ приговоръ, замѣнивъ казнь пожизненнымъ заключеніемъ. Умеръ онъ въ 1795 году. А передъ смертью успѣлъ

еще таки совершить скверность: — пытался задушить своего исповѣдника, чтобы выйти изъ тюрьмы въ его едеждѣ...

Русь, что грѣха таить, умѣетъ выпить. „Веселіе Руси есть пити“. Но давно уже доказано безпристрастно статистикою, что Россія далеко не изъ самыхъ спиртуозныхъ странъ. Есть государства, хотя бы, напр., скромненькая Давія, гдѣ на каждого жителя приходится въ годъ чуть-ли не впятеро больше водки, чѣмъ на каждого русскаго. А вотъ теперь не угодно ли послушать, что рассказываетъ итальянскій туристъ Джузеппе Джакоза объ американскомъ пьянствѣ. Любопытная замѣтка его по этому сюжету напечатана въ журналѣ „Nuova Antologia“. Иностранецъ, заглянувшій въ американскій кабачекъ днемъ, могъ бы подумать что трезвѣе янки нѣтъ народа на свѣтѣ. Но зачѣмъ же тутъ столько этихъ кабаковъ? Что нибудь да не такъ, рѣшаетъ иноземецъ и ждетъ, что будетъ дальше. Наступаетъ вечеръ, и дѣло разъясняется. Какъ только кончилась дневная суета, кабаки биткомъ набиваются потребителями, и иностранецъ, заглянувшій сюда въ это время, пожалуй вынесъ бы заключеніе, что всему населенію Соединенныхъ Штатовъ угрожаетъ поголовная кончина отъ бѣлой горячки. Иные пьютъ всю ночь на пролетъ, напиваются до скотскаго состоянія, а утромъ—ужь какъ ихъ Господь выручаетъ—сидятъ по своимъ мастерскимъ, конторамъ, магазинамъ за работою. Джакоза особенно поражается однимъ крупнѣйшимъ дѣльцомъ, театральнымъ импрессарио, милліонеромъ, предводителемъ цѣлой арміи теноровъ, баритоновъ, контръ-альтовъ, сильфидъ, примадоннъ, балеринъ, комиковъ, трагиковъ, суфлеровъ, бутафоровъ, дирижеровъ и хормейстеровъ. Начиная съ десяти часовъ утра, онъ былъ на ногахъ, на работѣ, и непременно пьянъ. Онъ пилъ весь день безъ перерыва и отдыха, и въ то же время жегъ какія-то одуряющія сигары, отъ одного запаха которыхъ становилось тошно. И несмотря на эту дьявольскую комбинацію отравъ, милліонеръ-янки былъ всегда свѣжъ и ясенъ разумомъ и обдѣлывалъ всѣ свои дѣла, входилъ во всѣ ихъ мельчайшія подробности, какъ ни въ чемъ не бывало, точно онъ и маковой росинки въ ротъ не бралъ. Джакоза часто видѣлъ его, напр., на репетиціяхъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, въ партерѣ, пошатываясь, съ соннымъ видомъ, съ выпяченными губами, державшими въ объятіяхъ огромную сигару. Казалось, что ему ни до чего на свѣтѣ нѣтъ дѣла, а между тѣмъ онъ все видѣлъ, все примѣчалъ, все слышалъ. Отъ него не ускользали ни мелочи декорацій, ни подробности костюма, ни солисты, ни музыканты, ни хоры. Къ нему то и дѣло подходили служащіе, передавали извѣстія, телеграммы. Онъ вы-

слушивалъ, прочитывалъ, подписывалъ, дѣлалъ распоряженія. По временамъ онъ вставалъ, направлялся въ сосѣдній кабачекъ, выпивалъ, и снова водворялся въ своемъ креслѣ. Однажды Джакоза, видя его особенно грузно напившимся, со смѣхомъ спрашивалъ его, какъ возможно вести въ такомъ видѣ какое нибудь серьезное дѣло?—Попробуйте, отвѣчалъ янки, сдѣлайте мнѣ сейчасъ какое нибудь предложеніе; мы его обсудимъ, и вы увидите могу ли я дѣлать дѣла въ такомъ состояніи. Джакоза пришелъ къ убѣжденію, что американецъ ищетъ въ винѣ именно опьяненія, что самый процессъ выпиванія не доставляетъ ему ни малѣйшаго удовольствія. Американцы не пьютъ, а глотаютъ, и въ этомъ отношеніи совершенно подобны намъ русскимъ, достигшимъ виртуозности въ опрокидываніи рюмочки въ нутро. Оно, пожалуй, и понятно. Американецъ живетъ на всѣхъ парахъ; его мозгъ страшно утомляется дневною дѣловою сутолокою. Надо сразу осадить его, отуманить, дать ему отдыхъ. Спиртъ отлично справляется съ этою задачею...

Обращаемся къ обзору французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналовъ за послѣдній мѣсяць.

Въ „Bibliothèque Universelle“ напечатана статья Юнга по сравнительной психологіи, въ которой авторъ доказываетъ, что разумъ не исключительная привилегія челоуѣческаго рода, и что имъ, въ какой бы тамъ ни было дозѣ, надѣлены даже и самыя низшія существа. Ферменъ Дидо, въ „Correspondant“ рассказываетъ о плѣненіи Наполеона на островѣ св. Елены. Въ „Ere nouvelle“ укажемъ на статью Гереа о матеріалистическомъ направленіи въ исторіи, т. е. такомъ, которое основано на разсмотрѣніи исключительно матеріальныхъ свойствъ общества, напр., способовъ приобрѣтенія и распредѣленія богатствъ и т. п. Въ Nouvelle Revue“ находимъ статью Ломброзо о современной политикѣ, очень интересную статью г-жи Шмаль о женскомъ вопросѣ и продолженіе этюда Делакруа о процессахъ вѣдъмъ и колдуновъ въ XVII вѣкѣ. Въ „Revue de l'hypnotisme“ докторъ Манувриэ разбираетъ вопросъ о соотношеніи между волею и дѣйствіями. Въ „Revue Philosophique“ рассказанъ докторомъ Жане интересный случай—исторія одной неподвижной мысли (idée fixe); пациентъ Жане никакъ не могъ отвязаться отъ мысли, что у него холера, и жестоко мучился отъ этой мысли.

„Deutsche Rundschau“ продолжаетъ мемуары извѣстнаго музыкальнаго критика Ганслика. Въ „Gegenwart“ извѣстный создатель философіи безсознательнаго, Гартманъ, проповѣдуетъ необходимость реформы въ народномъ представительствѣ; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы преимущество при избраніи имѣлъ

прежде всего зрѣлый возрастъ, затѣмъ многосемейность, потомъ военное званіе, потомъ образованіе. „Magazin für Literatur“ отыскалъ нѣсколько забытыхъ страничекъ знаменитаго пессимиста Нитше и напечаталъ ихъ. Статья о Калиостро въ „Nord und Süd“ приведена въ извлеченіи въ этомъ обзорѣ. Въ „Monatshefte“ Вельгагена и Клазинга отмѣчаемъ статью Мирбаха о русской арміи, украшенную многочисленными рисунками.

Въ американской „Athena“ напечатана статья Даррау о реализмѣ въ искусствѣ и литературѣ, въ которой онъ съ силою настаиваетъ на томъ, чтобы представленія о дѣйствительности и истинѣ были господствующими при оцѣнкѣ всякихъ произведеній искусства. Въ „Century“ отмѣчаемъ интересное воспоминанія г-жи Бентсонъ о Жоржъ Сандъ. Въ „Contemporary Review“ Гефкенъ рисуеьтъ самыми мрачными красками будущность войны, въ особенности во всемъ, что касается Англии. Въ „Cosmopolitan“ появилась статья Шпильгагена о современной нѣмецкой литературѣ; маститый романистъ горько жалуется на податливость нѣмецкихъ писателей иноземнымъ вліяніямъ. Въ „Fortnightly Review“ находимъ обширную статью профессора Бюхнера о происхожденіи человѣческаго рода, и эту же миссъ Боллей о женскомъ трудѣ. Въ „Nineteenth Century“ очень любопытны воспоминанія 80-лѣтней Дженъ Клермонъ, о ея друзьяхъ Байронѣ и Шелли. Она была матерью Аллегры, одной изъ дочерей Байрона. Потомъ она разсорилась съ Байрономъ и сошла съ Шелли; Байрона она, вообще, не хвалитъ, а о Шелли отзывается съ большою любовью. Въ дѣтскомъ журналѣ „Little Folk“ помѣщено любопытное собраніе дѣтскихъ автографовъ разныхъ знаменитостей, между прочимъ королей Эдуардовъ V и VI, королевы Елисаветы, Маріи Стюартъ. Извѣстный спиритъ Стедъ основалъ новый журналъ, не лишенный интереса для любителей таинственнаго; онъ называется „Vogderland“ (пограничная полоса); въ немъ тщательно подбирается все, что только появится въ печати и имѣетъ какой нибудь оттѣнокъ тайны и загадочности.

М. О.

3 2044 022 486 120

